

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
У П Р А В Л Е Н И Я

Научный журнал

№ 3 (54)
2016

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор — **В.А. Чепляев**
Зам. главного редактора — **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь — **Д.В. Акаев**

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук;
О.Ф. Шабров, д-р полит. наук;
И.В. Юрченко, д-р полит. наук;
А.С. Яковлев, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ научный журнал «Вестник Поволжского института управления» включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим специальностям: 23.00.00 Политология; 12.00.00 Юридические науки, 22.00.00 Социологические науки.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2016

№ 3 (54)
2016

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF ADMINISTRATION

Science journal

Founder:

*The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration*

Editor-in-chief: *V.L. Chepliaev*
Deputy editor-in-chief: *O.N. Fomin*
Executive secretary: *D.V. Akaev*

Editorial board:

*V.V. Gerasimova, Doctor of Sciences (Economics);
V.M. Dolgov, Doctor of Sciences (History);
E.G. Lipatov, Doctor of Sciences (Law);
O.A. Litsenberger, Doctor of Sciences (History);
A.V. Ryazanov, Doctor of Sciences (Philosophy);
Yu.I. Tarsky, Doctor of Sciences (Sociology);
O.I. Tsybulevskaya, Doctor of Sciences (Law);
S.E. Channov, Doctor of Sciences (Law);
T.I. Chernyaeva, Doctor of Sciences (Sociology);
O.F. Shabrov, Doctor of Sciences (Politology);
I.V. Yurchenko, Doctor of Sciences (Politology);
L.S. Yakovlev, Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2016

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.M. Dolgov, S.S. Rybakova
**Parliamentarism and the Election
Process in Contemporary Russia**

The modern content of parliamentarism and political opportunities of parliaments as democratic institutions are analyzed. The election process is characterized as a means to form deputy composition of parliament. Features of correlation between the parliament and the election process in contemporary Russia are assessed.

Key words and word-combinations: parliamentarism, parliament, election process, election system.

Анализируется современное содержание парламентаризма и политических возможностей парламентов как демократических институтов. Избирательный процесс характеризуется как средство формирования депутатского состава парламента. Оцениваются особенности взаимосвязи между парламентом и избирательным процессом в современной России.

Ключевые слова и словосочетания: парламентаризм, парламент, избирательный процесс, избирательная система.

УДК 354
ББК 66.3(0),123

В.М. Долгов, С.С. Рыбакова

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В преддверии очередных выборов в Государственную Думу России актуальным является обращение к политической практике парламентаризма в нашей стране. Политическая необходимость парламентской системы для Российской Федерации не подлежит сомнению, так же как и факт ее реального существования и функционирования. Парламентаризм для современной России представляется одной из тех базовых ценностей, которые, по оценке А.В. Понеделкова, вырабатываются обществом исторически [1, с. 8]. За почти четверть века своего развития парламентская система России по сути превратилась в один из традиционных политических институтов, ставших привычными для общественного восприятия российского населения. Смысл анализа российской парламентской системы состоит в уяснении проблем, влияющих на ее эффективность, на характер реализации концепции парламентаризма в современных российских условиях.

Явление парламентаризма возникло в человеческой истории естественным образом, предопределенное стремлением людей к коллективному обсуждению жизненно важных проблем и принятию коллективных решений. В европейских странах оно с нарастающей активностью проявляло себя в условиях господства абсолютной власти монархов. Несправедливость подобной власти становилась все более очевидной для общества, и возникали разнообразные политические идеи о разделении государственной власти, а в связи с этим — и об изменении государственного устройства в пользу парламентской республики. Идеи парламентаризма возникли как противопоставление абсолютизму. Важным основанием парламентаризма всегда выступало формирование гражданского общества с его консолидацией социальных и политических интересов, в процессе которой зарождалось представительство интересов, нуждавшееся в парламентских формах и механизмах выражения таких интересов. Исторически закономерной является и общая потребность в подробно разработанном законодательстве, обеспечивающем регулирование общественных отношений, эффективное управление государством и взаимодействие между ним и обществом. В этом смысле парламент представляет собой идеальную форму организации, при которой законы разрабатываются с учетом интересов максимально возможного количества разных групп населения и разных политических сил.

Как показывает история человеческого общества, парламентаризм — одно из самых сложных и ответственных явлений политики, сложных потому, что вырастает лишь на базе сложившихся ранее многих политических институтов (демократия, конституция, избирательная система, партии, традиция выборности власти и др.), а ответственных потому, что ко многому обязывает тех, кто использует его как принцип государственного устройства и технологию управления. В настоящее время понятия «парламентаризма», «парламента», «парламентских партий» находятся в широком общественном обороте, привычны для политиков, журналистов, избирателей. Однако истинный смысл парламентаризма не так прост, как представляется обыденному сознанию современного человека. Любая форма парламента — это результат сформировавшегося парламентаризма в той или иной стране, это принципиальное достижение политической системы, основанной на нем.

Во-первых, явление парламентаризма имеет цивилизационный характер, возникает на определенном уровне общественного развития. Парламентаризм в качестве самостоятельного фактора общественного прогресса формируется под воздействием совокупности исторически развивающихся духовных состояний и политических институтов. Принципиальное место среди них занимают социальные потребности и мировоззренческие ценности, конституции и выборы, политические партии и структуры представительной власти (парламенты). Появление и развитие всех составляющих такой совокупности обусловлено особенностями цивилизационного развития конкретного народа или государства. Наиболее расположенными к парламентаризму оказались страны, относящиеся к западной цивилизации.

Во-вторых, существует определенная историческая последовательность воз-

никновения и развития общественных оснований парламентаризма. Условно в этом процессе можно выделить четыре уровня. На первом уровне происходит формирование социальных групп населения, способных выразить свои интересы и потребности в демократических ценностях равноправия, гражданских свобод, законности, народовластия. Обычно такой группой выступает буржуазия и близкие ей социальные слои. На втором уровне разрабатываются и распространяются политические теории, под воздействием которых формируется соответствующее общественное сознание. Такими теориями чаще всего выступают разнообразные концепции демократии и идеология либерализма. Данный уровень определяется нами как мировоззренческий. Третий уровень представляет собой процесс возникновения и активного участия в политике общественных институтов, выражающих интересы общества в свете определенных ценностей и политических идей. Прежде всего это политические партии, конституции, выборы как способ формирования власти, представительные структуры власти — парламенты. Этот уровень можно назвать институциональным. Четвертый уровень характеризуется становлением традиций, приверженности большей части общества ценностям, институтам и самому процессу парламентаризма. Речь идет об укорененности общественной традиции, в которой закрепляются и проявляются все принципы и элементы парламентаризма от осознания гражданских интересов до принятия и реализации решений органами государственной власти, созданными народом в результате избирательного процесса. Все это базируется на таком уровне политической культуры, при котором становится безусловным правилом, обязательной нормой ответственное отношение к своим гражданским обязанностям и со стороны избирателей, общества, и со стороны депутатов, чиновников, осуществляющих власть.

В-третьих, понятие парламентаризма тесно связано с характером общественных отношений и может быть определено как политическое состояние общества, при котором утвердились и господствуют традиции демократии, выборности всех уровней представительной власти, решающей роли парламента в управлении государством и системного контроля гражданского общества над структурами власти. На такой идейно-политической основе строится политическая система парламентского типа, как незыблемый фундамент всех общественных отношений. При парламентаризме невозможна ликвидация представительных органов власти или превращение их в безвластный институт. Парламентаризм, с одной стороны, требует активного развития всех политических оснований своего существования, с другой стороны, гарантирует и стимулирует его. Такова диалектическая связь между парламентаризмом и предшествующими ему политическими институтами.

В-четвертых, непосредственным носителем парламентаризма является народ с определенной политической культурой, а прямым выразителем его сущности — парламент в качестве института представительной власти. При этом традиция парламентаризма в обществе распространяется естественным образом на представительные органы власти всех уровней: государственные, региональные, местные. Тем самым обеспечивается не только единство общества, но и единство представляющей его власти.

В условиях современного общества при наличии огромной мировой политической практики становится очевидным, что парламентские институты эффективны лишь при соблюдении определенных условий. Конечно, необходимы развитая экономика, господство демократической политической культуры, активное гражданское общество, правовое государство. Но наряду со всем этим требуется постоянное подтверждение самими парламентами таких качественных характеристик, как устойчивость организационных структур на всех уровнях, открытость процесса формирования состава депутатов путем выборов, системность в реализации функциональных полномочий, прежде всего в представлении интересов населения. Постоянное подтверждение своей верности ценностям и принципам парламентаризма особенно требуется молодым парламентским системам, существующим на протяжении двух-трех десятилетий. Среди них, конечно, и парламент Российской Федерации.

Оценивая эффективность деятельности современных парламентов, следует правильно понимать их реальные возможности, которые не только далеки от идеальных представлений о демократии, но во многом уступают политическому потенциалу парламентов 50—70-х годов XX в. Нельзя не согласиться с мнением Дж.Д и Я. Дербишайров, что «конечно, законодательные собрания играют главную роль в процессе законотворчества, но теперь они главным образом узаконивают политику, навязанную им исполнительной властью, а не самостоятельно проявляют законодательную инициативу» [2, с. 63].

Хотя данная оценка наиболее справедлива в отношении стран с вековой парламентской практикой — государств западной демократии, нельзя не видеть, что в целом роль парламента как политического института меняется. Это можно объяснить тем, что все стратегические законы, обеспечивающие развитие общества по либерально-рыночному пути, в одних странах разработаны и приняты, в других — просто повторяются, а законодательство тактического, регулирующего характера действительно разрабатывается в структурах исполнительной власти, управляющей всеми сферами жизни людей. Происходит усиление роли правительств в политическом процессе, в управлении государствами. Ушли в прошлое массовые народные движения XIX—XX вв., которые подпитывали политический авторитет и мощь парламентов. Под воздействием социально-экономических преобразований изменились общественные настроения, на первый план вышли потребительские интересы, отодвинув политические, идеологические, классовые мотивы общественного участия большинства населения. Изменилась и роль политических партий, которые теперь не ведут за собой социальные группы, а идут вслед за их интересами, чтобы получить больше голосов на выборах. Партии уже не формируют общественно-политические настроения и позиции, а только регистрируют и отражают их в своих предвыборных платформах. В связи с этим все партийное влияние концентрируется на создании имиджа руководителей, который затем используется партийной верхушкой в ходе избирательных кампаний и парламентских дебатов.

Таковы реалии современного общества, в которые вписана и Россия. Базовые законы, определяющие характер государства и общества, положение личности, российским парламентом приняты, и теперь в его законотворчестве преобладают частные вопросы, которые действительно относятся к сфере кон-

кретной управленческой деятельности органов исполнительной власти. Массовых организованных движений в стране просто нет, а в партиях господствуют руководящие центры, которые мобилизуют рядовых членов лишь в периоды избирательных кампаний. И в Государственной Думе, и в Совете Федерации рассматриваются и принимаются законопроекты, поступающие главным образом от Правительства РФ, Президента РФ, администраций субъектов РФ. Исполнительная власть определяет законотворчество парламента, а депутаты лишь утверждают представленные документы.

Конечно, данная характеристика дает упрощенное, слишком схематичное представление о функционировании российского парламента. Но то, что на практике его положение в политической системе далеко от теоретической модели и не во всем соответствует конституционным установлениям, — несомненный факт. Депутаты испытывают постоянное управленческое воздействие со стороны руководства своей партии, членов Правительства и Администрации Президента, лоббистов от бизнеса, журналистов, теневых групп влияния. Воздействие избирателей тоже присутствует, но лишь в конце этого ряда. По закону депутаты не подотчетны избравшим их гражданам, а политическая этика сегодня «не в моде». Однако главное состоит в том, что депутаты сознают: их избрание лишь в малой степени обеспечено их личной популярностью в обществе, а в основном гарантировано вписанностью в правящую группу, близостью к влиятельным политикам, должностным лицам, крупным бизнесменам. Ясно, что качество парламента определяется составом депутатов, а он формируется ходом избирательного процесса. Я.А. Пляйс подчеркивает, что «...состав парламента напрямую связан с сутью той избирательной системы, посредством которой он формируется. А от состава в немалой степени зависят и результаты его деятельности» [3, с. 49].

Избирательный процесс в Российской Федерации прошел сложные этапы. Выборы в Государственную Думу РФ 1993 г. проходили в отсутствие избирательного законодательства, на основе Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. и нескольких специальных указов Президента РФ, принятых в октябре 1993 г. В этих документах предусматривалось формирование Государственной Думы на основе смешанной мажоритарно-пропорциональной системы. Самостоятельными избирательными объединениями могли быть только политические партии и движения, а все другие общественные объединения могли участвовать в выборах только в составе избирательных блоков. Состав депутатов I Государственной Думы оказался слишком «левым», что не устраивало Президента РФ Б.Н. Ельцина и его правительство, поскольку их стратегической целью являлось проведение в стране радикальных либеральных реформ.

Вскоре после начала работы I Государственной Думы были приняты федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» (1994 г.) и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», которые предоставили право участвовать в выборах практически любым общественным объединениям. На такой расширительной общественной основе были проведены выборы во II Государственную Думу. И не случайно, что в первых думских

выборах участвовали 13 партий, а во вторых — 43. Это количество избирательных объединений оказалось самым большим за всю историю думских выборов Российской Федерации.

19 сентября 1997 г. принимается Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», который ограничил понятие избирательных объединений исключительно организациями политического характера. Однако в законе не оговаривалась обязательность ведения практической политической деятельности такими организациями, что, по мнению З.М. Зотовой, открывало возможность вхождения в избирательный процесс многочисленным объединениям самого разного толка, в том числе не имеющим отношения к политическому представительству народа [4, с. 9]. Данный Закон отменял порог явки на выборах, что, с одной стороны, обеспечивало свободу волеизъявления избирателей [5, с. 13], но, с другой стороны, расширяло возможности для различных манипуляций голосами избирателей, махинаций при их подсчете. Явка избирателей на III выборах в Государственную Думу (1999 г.) оказалась на 3,4 млн человек меньше, чем на выборах 1995 г.

Избирательный процесс на протяжении 1990-х годов нес на себе не только отпечаток переходного развития России и формирования новой политической системы, но и откровенные искажения демократии, фундаментальной причиной чего, по мнению Я.А. Пляйса, являлся созданный тогда «криминальный капитализм» [3, с. 45]. Действительно, формирование демократической избирательной системы оказалось в глубоком противоречии с теневыми, часто бандитскими способами раздела государственной собственности, сфер экономического и административного влияния. И демократия проигрывала. Избирательный процесс накапливал негативные черты, многие из которых становились традиционными, оказывая решающее воздействие на формирование состава депутатов российского парламента. Влияние избирателей на него превращалось в формальность, а сам парламентаризм все в большей степени становился ширмой для плутократии.

Политическая обстановка вокруг парламентских и других выборов в России стала меняться лишь с приходом к руководству страной В.В. Путина [6, с. 41]. Общество осознавало, что демократическое развитие страны подошло к критической черте. Возникло и усиливалось противодействие негативным тенденциям в избирательном процессе. Инициативами Президента В.В. Путина вносились изменения и поправки в действующие законы, принимались новые, в частности о политических партиях, принимались управленческие решения по введению избирательного процесса в русло законности и демократических правил. С начала 2000-х годов избирательный процесс стал очищаться от криминальных и олигархических влияний, более активную роль в нем стали играть политические партии, нормальные избирательные технологии. Более объективными становились результаты выборов. Начиная с IV Государственной Думы (2003—2007 гг.) стабилизировалась внутрипартийная структура российского парламента. Она сохраняется до настоящего времени, в общем отражая идейно-политические позиции активного населения, поддерживая его электоральную активность.

Вместе с тем негативные явления российского избирательного процесса до конца не преодолены. Некоторые из них перетекали в наше время из 1990-х годов, но имеются и вновь возникшие в сфере использования теневых избирательных технологий или административного ресурса исполнительных органов власти. Массовые искажения избирательного законодательства, нарушения норм и правил выборов во многих регионах страны сопровождали избирательные кампании 2007 и 2011 гг. Вслед за этим проходили судебные разбирательства, анализ учеными и жесткая критика журналистов. В некоторых элементах качество выборов повышалось, но общее их состояние все еще не удовлетворяет общество.

Конечно, нарушения и недостатки сопровождают избирательный процесс практически во всех странах, поскольку качество выборов определяется не только избирательным законом, но и характером его реализации. Р. Таагепера и М.С. Шугарт пишут на основе обобщения избирательной практики многих западных стран: «Даже если официально провозглашены вполне удовлетворительные правила выборов, следуют им не всегда. Имеется множество путей искажения электоральных норм, в частности: введение ограничений на выдвижение кандидатов и предвыборную агитацию; создание препятствий, затрудняющих участие людей в выборах; нарушение тайны голосования и фальсификация результатов... Помимо явного мошенничества существуют и вполне открытые и легальные — но при этом сомнительные — методы увеличения числа голосов. К их числу относятся неравная нарезка избирательных округов и махинации с определением их границ» [7, с. 120]. В демократической России все эти способы использовались на выборах всех уровней и, разумеется, в интересах властных групп.

Предстоящие VII выборы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ не являются исключительными. Как обычно, изменена система выборов: теперь используется смешанная система: мажоритарная — по одномандатным округам, и пропорциональная — по партийным спискам. Считаем, что подобная система логична для России, она уже использовалась в избирательном процессе и ее можно сделать постоянной для выборов в Государственную Думу. Но в данном случае очевидна ее мотивация для правящей партии: «Единая Россия» уверена в получении абсолютного большинства депутатских мест по одномандатным округам. И, конечно, с помощью ресурсов исполнительной власти. Также положительным моментом нынешнего избирательного цикла можно считать проведенный «Единой Россией» предварительный анализ рейтинга своих кандидатов путем проведенного по всей стране предварительного голосования. Но — опять с помощью исполнительной власти. Другим партиям не по силам провести подобную работу. Примечательным является и отсутствие у парламентских партий четких предвыборных платформ: ЛДПР эксплуатирует идеи национализма и имперской политики; КПРФ идеализирует Сталина; «Единая Россия» прикрывается «Антикризисной программой Правительства» и авторитетом В.В. Путина. Создается впечатление, что все эти партии не готовятся к активной борьбе за избирателя путем пропаганды своих программ, а надеются на какие-то иные ресурсы.

Общеизвестно, что выборы это не только лакмусовая бумажка демократии, но и фундаментальная основа эффективного парламентаризма. С выборов депутатов начинается качество парламента, а он, в свою очередь, призван обеспечить эффективность всей государственной политики. Российскому обществу и правящим в стране группам на этом пути предстоит сделать еще многое.

Библиографический список

1. Понеделков А.В. Патриотизм как основа современной национальной безопасности // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 5.
2. Дербишайр Дж.Д., Дербишайр Я. Политические системы мира: в 2 т. М., 2004. Т. 1.
3. Пляйс Я.А. Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма // Парламентаризм в России и Германии: история и современность. М., 2006.
4. Зотова З.М. Политические партии и избирательный процесс. М., 2002.
5. Комкова Г.Н. Реформы избирательного законодательства: проблемы обеспечения равенства // Избирательные процессы в современной России: теория и практика. Саратов, 2008.
6. Долгов В.М., Долгова Г.Н. Региональная политика: теоретические модели и современная практика России // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6.
7. Таагенера Р., Шугарт М.С. Описание избирательных систем / пер. с англ. // Полис. 1997. № 3.

V.V. Semenov, N.V. Semenov
**Interethnic Relations Development
in the Saratov Region:
Political and Legal Analysis**

Issues of interethnic relations in the Saratov Region are considered. The causes of ethnic conflicts and the formation of national ideology of extremism are revealed. Ways to optimize interethnic relations and measures to counter extremist ideology are proposed.

Key words and word-combinations: extremist ideology, policy and law, interethnic relations.

Рассматриваются вопросы межнациональных отношений в саратовском регионе. Выясняются причины возникновения межнациональных конфликтов и формирования идеологии национального экстремизма. Предлагаются пути оптимизации межнациональных отношений и меры противодействия экстремистской идеологии.

Ключевые слова и словосочетания: экстремистская идеология, политика и право, межнациональные отношения.

УДК 323.1
ББК 66.094

В.В. Семенов, Н.В. Семенов

РАЗВИТИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В российском законодательстве достаточно подробно перечислены признаки, по которым могут осуществляться противоправные действия, направленные на возбуждение ненависти в обществе. Этими признаками являются пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии [1]. Наиболее актуальным на сегодняшний день и вместе с тем недостаточ-

но исследованным остается политико-правовой аспект использования национальной принадлежности в качестве фактора возбуждения массовой вражды, а также унижения достоинства человека.

В современном постоянно меняющемся мире проблема национального, этнического, социального и политического экстремизма стоит особенно остро [2]. В настоящее время Россия продолжает переживать сложный период экономической нестабильности, возрастания социального неравенства, политических противоречий, отрицания многолетних устоев и традиций общества. Такая ситуация дает благодатную почву для зарождения и активного развития экстремистской идеологии. В качестве оснований для зарождения экстремистских идей в умах людей исследователи выделяют:

- расслоение общества по признаку уровня благосостояния населения: слишком велик сегодня разрыв между слоями населения, фактически находящимися за чертой бедности или на грани ее, и представителями состоятельных слоев общества;

- высокий уровень межэтнической конфликтности: возрастающий наплыв мигрантов из ближнего зарубежья, их социальная незащищенность и одновременно довольно уверенное, а иногда и вызывающее, поведение в отношении местного населения;

- постоянное стимулирование интереса к происшествиям криминального характера через средства массовой информации, в том числе Интернет и телевидение [3].

На наш взгляд, при исследовании проблематики развития и использования чужденоненавистнических идеологий, возбуждения вражды в обществе с целью становления наиболее эффективной системы противодействия идеологии экстремизма, принимая во внимание процессы, происходящие в Российской Федерации в сфере межнациональных отношений на протяжении последних лет (в частности конфликты, произошедшие в городах Кондопога, Пугачев, а также в районе Бирюлево и др.), следует использовать методы как юридических, так и политических наук, уделить особое внимание вопросам технологий провокации ненависти по признаку национальности.

В ходе исследования нами был проведен экспертный опрос (методом глубинного интервью), в котором приняли участие тридцать экспертов (лидеров национально-культурных общественных организаций, сотрудников органов государственной власти и муниципального самоуправления). При формировании выборки в исследовании особое внимание было уделено профессионализму экспертов, их компетентности, опыту работы, практическим навыкам изучения и квалификации в сфере исследуемого объекта. Основу инструментария составила анкета (гид) для выявления экспертного мнения по вопросам развития межнациональных отношений в Саратовской области. Целью опроса стало выяснение причин межнациональных конфликтов, а также возбуждения ненависти либо вражды по признаку национальности.

Определяя задачи проведения исследования и в дальнейшем анализируя результат, нам удалось определить основные тенденции межнациональных отношений, преобладающие на территории региона; выявить основные факторы, влияющие на развитие конфликтов в сфере межнациональных отношений;

обозначить риски, связанные с возможностью использования негативных поводов для разжигания межнациональной розни и провокации экстремизма.

Начиная исследование, мы исходили из следующей гипотезы: в регионах России в настоящее время происходят и в перспективе будут продолжаться процессы, допускающие возникновение конфликтов, которые могут быть интерпретированы как межнациональные, по сути не являясь таковыми. При этом, учитывая сложную социально-экономическую обстановку, сохраняется возможность использования деструктивными силами национального фактора для возбуждения ненависти либо вражды по признаку национальности, а также провокации иных экстремистских действий.

В ходе исследования установлено, что ситуация в сфере межнациональных отношений в регионе в целом оценивается экспертами как проблемная, но не критическая. В частности эксперты дали следующие характеристики ситуации: «удовлетворительная», «благоприятная с наличием некоторых проблем», «в целом проблемная», «не такая критичная, как в других регионах», «скорее неблагоприятная», «стабильная», «в целом массовых националистических настроений нет, но возможностей для возникновения конфликта достаточно много». При этом так или иначе все эксперты признают наличие проблем в сфере межнациональных отношений. Относительно согласованными оказались позиции экспертов, касающиеся тенденции изменения межэтнического баланса в муниципальных районах, которая выражается в росте полиэтничности населенных пунктов; появлении этнических групп, ранее не проживавших на территории регионов. В частности, основной тенденцией в межнациональных отношениях является то, что многонациональными становятся не только каждый район, но и большинство населенных пунктов, так что частота межнациональных контактов возрастает. Согласно экспертному мнению, это является следствием необходимости трудовой миграции, вызванной естественной убылью трудоспособного населения, особенно в сельской местности. Большинство мигрантов принадлежит к народам Кавказа и Средней Азии, ранее мало представленным в области.

По мнению экспертов, в регионе в целом сохраняется тенденция разрушения и сокращения крупных предприятий, имеющих более многонациональный состав работников, чем мелкие предприятия. В результате изменилась структура производства, возросло количество мелких организаций, использующих в основном неквалифицированный либо низкоквалифицированный наемный труд, в отличие от больших предприятий, использующих более высококвалифицированный персонал. Таким образом, с распадом крупных предприятий происходит массовое снижение культурного уровня населения, дисквалификация и маргинализация их бывших работников, вынужденных заниматься менее квалифицированным трудом и конкурировать с мигрантами, то есть происходит деградация части общества в профессиональном, и, как следствие, в культурном плане. Культурная деградация общества представляется потенциальным конфликтным фактором.

В связи с этим актуализируется отмеченная экспертным сообществом особая роль миграционных процессов в межнациональных отношениях области. В результате миграционных процессов приезжих различных национальностей становится достаточно много для того, чтобы создавать мелкие мононациональные трудовые коллективы — ремонтные бригады, торговые, сельскохо-

зяйственные коллективы и т.д. Эти мелкие коллективы находятся в конкурентных отношениях между собой, поэтому раздел ресурсов: земли, торговых точек и т.п. — является потенциальным конфликтным фактором, который может быть использован для провокации экстремистского поведения, а также возбуждения ненависти либо вражды по национальному признаку. Эксперты отмечают, что возникающие на основе конкуренции конфликты в силу низкого культурного уровня их участников могут приобретать этническую окраску.

На примере конфликта в Пугачеве (где за год до конфликта произошло сокращение крупного предприятия, и множество людей потеряло рабочие места) эксперты наблюдают возможное использование технологии преобразования бытового конфликта в массовое выступление жителей города посредством организационных усилий заинтересованных лиц и последующей подачи информации о нем как о «межнациональном конфликте» в средствах массовой коммуникации. Технологические схемы, расписанные в соответствии с ролями участников информационных акций, подробно рассмотрены в научной литературе [4].

Согласно мнению экспертов, массовые выступления в Пугачеве в июле 2013 г. не являлись межнациональным конфликтом, а были вызваны ухудшением социальной ситуации из-за разрушения производственной и бытовой инфраструктуры города. Помимо этого, экспертами была отмечена склонность правоохранительных органов и местного самоуправления скрывать случаи мелких конфликтов с этническим оттенком, произошедших на подведомственной территории, «не выносить сор из избы». По мнению экспертов, «если конфликты и бывают, то местные органы власти и правопорядка не заинтересованы в том, чтобы данная информация попадала в СМИ, чтобы не портить репутацию своей территории и не попадать в “плохие” списки». Но при этом очевидно, что замалчивание мелких конфликтных ситуаций, отсутствие своевременного реагирования и принятия соответствующих решений может способствовать развитию более крупного конфликта, способного привести к нарушению закона.

В качестве еще одного фактора, потенциально влияющего на формирование конфликтных ситуаций, эксперты отметили возможную коррупционную составляющую на местах, «стремление работать “по договоренности”, а не по закону». Данный фактор способствует нарастанию чувства несправедливости у населения, которое повышает уровень агрессивности, что потенциально может быть использовано для провокации экстремизма, возбуждения ненависти либо вражды. В связи с этим важно отметить проблему социального неравенства (обеспеченные «чужие», как правило, раздражают больше, чем такие же «свои»), которая наиболее остро ощущается жителями малых населенных пунктов. В качестве конфликтного фактора эксперты выделяют также «отсутствие равенства перед законом различных этнических групп». Следует отметить, что фактором, потенциально влияющим на развитие конфликта, эксперты считают и «пробелы в обеспечении правопорядка, прежде всего на местном уровне», в частности «слабость правоохранительных органов на районном уровне, их отсутствие в некоторых населенных пунктах».

Таким образом, факторами, потенциально влияющими на формирование и развитие конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений,

которые могут быть использованы для провокации экстремистских действий, согласно экспертным мнениям, являются: реальные социально-экономические проблемы в конкретных населенных пунктах; культурная деградация общества, низкий культурный уровень части населения, в том числе приезжего; формирование мононациональных трудовых коллективов и естественная экономическая конкуренция между ними; наличие сил (организаторов), способных представить бытовой конфликт между людьми различных национальностей в качестве межнационального. Кроме этого влияют склонность средств массовой информации интерпретировать бытовые конфликты как межнациональные; наличие и нарастание в обществе чувства страха, возникающего в результате экстремистских и террористических преступных действий; возможная коррупционная составляющая, усиливающая чувство несправедливости, приводящее к росту агрессии в обществе; отсутствие равенства перед законом различных этнических групп, потенциально способное спровоцировать экстремистские действия; сильное социальное расслоение, в том числе различных этнических групп, которое наиболее болезненно воспринимается жителями малых населенных пунктов; возможные пробелы в обеспечении правопорядка.

В процессе проведения исследования выявлено, что в межнациональных отношениях отмечаются две противоположные тенденции — дифференциация (самоизоляция) и интеграция этнических групп. Интеграция оценивается экспертами как магистральный объединительный процесс, происходящий по причине естественной тяги человека к развитию, цивилизации и комфорту. Значительная часть молодежи региона различных национальностей уезжает из сельской местности в города для учебной или трудовой деятельности, где процессы интеграции сильнее. В целом средой обитания человека становится полиэтническое общество. Одновременно с ростом количества мелких мононациональных трудовых коллективов, говорящих на одном языке и самодостаточных, происходит процесс дифференциации (самоизоляции) различных этнических групп.

Можно сделать прогноз (необходимый для обозначения рисков, а также выявления факторов потенциально возможного разжигания межнациональной розни и провокации экстремизма) развития межнациональных отношений в регионах России. В случае сокращения или распада производственных предприятий, закрытия учебных заведений, научно-исследовательских институтов и других крупных организаций эксперты прогнозируют нарастание конфликтности в обществе, что может послужить одной из причин столкновений, в том числе в сфере межнациональных отношений. Сохранится необходимость поощрять миграцию, преимущественно в сельскую местность. Основная часть мигрантов, по мнению экспертов, как и прежде, будет прибывать с Северного Кавказа, из Закавказья, Казахстана и Средней Азии. Частота межэтнических контактов будет увеличиваться, они будут восприниматься как привычное явление, возможно учащение межнациональных браков мигрантов и местных жителей, дети которых будут обладать двойной-тройной этнической идентичностью («отец-армянин, мать-казашка, сам говорит и думает по-русски»).

В то же время, прогнозируется расселение мигрантов группами родственных семей, создание производственных коллективов, состоящих из родственников и соплеменников. В сельской местности, вероятно, мигранты будут общаться в

основном со своими соплеменниками на родном языке. Вероятна конкуренция трудовых коллективов мигрантов с коллективами, созданными местными жителями, на почве чего возможны конфликты, некоторые из которых кто-то будет характеризовать как межнациональные и, возможно, использовать для возбуждения ненависти и провокации экстремизма. При этом дети мигрантов будут учиться в школе на русском языке, часть из них впоследствии будет работать в русскоязычных коллективах, что будет способствовать интеграции приезжих в российское общество. По мнению экспертов, интеграция мигрантов будет проходить быстрее в городах, чем в сельской местности.

Анализируя развитие законодательства в сфере профилактики экстремизма, можно отметить планомерное принятие необходимых правовых норм, обязывающих органы местного самоуправления проводить профилактику межнациональных конфликтов на вверенной территории. Так, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» законодатель обязал органы местного самоуправления участвовать в профилактике терроризма и экстремизма [5].

Следующим шагом стало принятие Федерального закона от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений», обязывающего местные власти создавать условия для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов. Также соответствующие взаимосвязанные дополнения внесены в Федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Эксперты подтвердили представленное в науке мнение [6] о важнейшей роли СМИ и социальных сетей в распространении негативной информации и экстремистских настроений в сфере межнациональных отношений [7].

Важнейшими выводами представляются следующие. Во-первых, социально-экономическая ситуация в стране и регионе не исключает полностью возможности распространения идеологии национального экстремизма и возникновения межэтнических конфликтов. Во-вторых, в целях противодействия экстремизму органам власти необходимо развивать взаимодействие с общественностью, в том числе с национально-культурными организациями. В-третьих, необходимо совершенствование правового обеспечения противодействию экстремизма в СМИ и социальных сетях.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

2. Ильина Е.К., Емельянов В.В., Иванов А.В. Экстремизм и его профилактика // Новая наука: современное состояние и пути развития. Стерлитамак, 2015.
3. Андреева Е.А. Теоретико-методологические основы экстремизма в контексте научного знания // Актуальные проблемы современной науки. Алушта, 2015.
4. Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И. Экстремизм и его причины / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2013.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. от 30 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2015. № 21. Ст. 1808.
6. Боднар Э.Л., Дихорь В.А., Сыманюк Э.Э. Терроризм и экстремизм как социально сконструированные явления: стратегии превентивной политики // Актуальные проблемы психологического знания. М., 2015. № 4 (37).
7. Гордеев Н.С. Особенности детерминации религиозного экстремизма (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53).

D.S. Lavrentiev
Social Justice as a Key Element
of Political Landscape of a Region:
Practices and Ideologies

Key principles of regional social and political landscape formation on the basis of the "social justice" concept application are considered. The structure and the role of the concept in political trends formation as a basis for the political mobilization are revealed. A thesis on the role of perception of social justice as a factor in the conflict potential at the regional level is stated.

Key-words and word-combination: social justice, politics, region, political struggle, political mobilization, legitimacy.

Рассматриваются ключевые принципы построения социально-политического ландшафта региона на основе использования концепта «социальная справедливость». Раскрывается структура и роль данного концепта в формировании политических течений как основы политической мобилизации. Выдвигается тезис о роли восприятия социальной справедливости как фактора конфликтности на уровне региона.

Ключевые слова и словосочетания: социальная справедливость, политика, регион, политическая борьба, политическая мобилизация, легитимность.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

Д.С. Лаврентьев

**СОЦИАЛЬНАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛАНДШАФТА РЕГИОНА:
ПРАКТИКИ И ИДЕОЛОГИИ**

Понятие о справедливости является важнейшей морально-нравственной и социальной ценностью любого человека. Вместе с тем идеи о социальной справедливости дают основу для возникновения политических идей о наилучшем устройстве общества, приводят в движение социально-политические процессы, во многом влияют на формирование политических институтов и политических систем [1; 2].

В самом общем виде справедливость — это представление о соответствии между деятельностью человека и теми благами (или

невзгодами), которые он получает в результате своей деятельности. Представления о социальной справедливости или несправедливости возникают в результате рефлексии человека над полученным социальным, экономическим и / или политическим благом в ходе процессов личностной и социальной идентификации, в результате возникновения сложной комбинации отношений между личностью и обществом [3]. При этом идеи о социальной справедливости распространяются на отношение человека к социальному неравенству, социальным иерархиям, социальным структурам, процессам, возникающим в процессе реализации личных притязаний, и, как следствие, к социальным конфликтам, властным отношениям и политическим институтам [4].

В современном российском обществе доминирует определенное противоречие между различными представлениями о социальной справедливости, как проявлениями способностей людей и разных достижений в результате конкурентной борьбы, вплоть до полного неприятия неравенства и жесткой конкуренции. Такое противоречие является опасным ввиду того, что в российской политической системе пока не в полной мере сформировались эффективные механизмы и институты, позволяющие направлять политические и идеологические конфликты в конструктивное русло, в русло политических процессов, обеспечивающих локализацию и последующую канализацию негативных социально-экономических и политических действий отдельных лиц, сообществ, политических групп [5].

Социальная справедливость в российском социально-политическом контексте может интерпретироваться как состояние достигнутое и недостигнутое, а также как достижимое и недостижимое. С одной стороны, это сформированный социально-политический дискурс состояния социальной справедливости. С другой стороны — представления о социальной справедливости как о состоянии недостигнутом. Это приводит к рефлексии и попыткам рационализировать жизненное пространство, к стремлению преобразовывать существующие социальные отношения.

Данные противоречия служат источником социальных, политических, экономических практик, направленных на социально-политическое переустройство, на рост эффективности социальных взаимодействий [6]. Вместе с тем проблематика социальной справедливости / несправедливости является не единственным источником политической активности в обществе. Это лишь отношение (дескриптивная характеристика), которое находится в сложной системе взаимосвязей с множеством других факторов, формирующих феномен власти и ее доминирующих форм.

В первую очередь, представления о социальной справедливости находятся в тесной взаимосвязи с общественно-политическими и государственно-управленческими практиками. Существует системная зависимость между идеями и представлениями о социальной справедливости и распространенными в обществе политическими и управленческими технологиями, которые реализуются в контексте современной «политической повестки дня».

Опыт анализа политических, социальных и экономических конфликтов в конкретных локальных сообществах в России и на Западе показывает зависимость самой системы политической власти как от структурных и функциональных характеристик, так и от потребностей будущего политического развития общества

(политических ожиданий), состояния существующей идеологии, наличия сложившихся устойчивых традиций и особенностей политической культуры.

Политические конфликты в России формируются под влиянием существующего исторического и политического контекста, традиций, доминирующих норм морали и политических взглядов, артикулируемых в СМИ, привычек политического и социального поведения граждан и стереотипов массового сознания. Ключевое значение при этом имеют распространенные представления о социальной справедливости и возможных путях ее достижения, как правило, формируемые и тиражируемые в СМИ [7].

При этом наиболее значимым фактором формирования конфликтного потенциала является сама структура социальных приоритетов, ожиданий, предпочтений населения. Результаты мониторинговых исследований, проводимых в России, показывают, что за последние 25 лет структура социальных притязаний и, соответственно, представлений о качестве жизни претерпела существенные изменения (табл. 1).

Таблица 1

**Что в первую очередь свидетельствует
о высоком качестве жизни в обществе?**

(Закрытый вопрос, любое число ответов; опрос ВЦИОМ, www.vciom.ru)

Варианты ответов	1991	2016
Здоровье	4	55
Семья	2	51
Жилье	4	45
Социальная защищенность	2	41
Высокое материальное благосостояние	29	35
Условия труда, интересная работа	5	33
Культурный уровень	12	32
Развитие экономики	3	31
Политическая стабильность	2	27
Доброжелательность, хорошее настроение	5	27
Экология	1	26
Досуг	2	18
Политические свободы, права	5	18
Изобилие товаров	10	12
Философские рассуждения	4	6
Другое	7	1
Затрудняюсь ответить	25	6

На первый план в настоящее время выходят притязания, связанные с качеством жизни — здоровье, наличие семьи, жилья, уровень социального и материального благополучия. Факторы, связанные с реализацией социально-политического потенциала индивида отходят на второй план. Эти факторы проявляются как на индивидуальном, так и на групповом уровне, формируя на личностном уровне — контекст, а на групповом — ландшафт социальных, политических и экономических отношений.

На межличностном уровне в существующей системе ценностей важным фактором является доминирование идеологий коллективизма или индивидуализма. Традиционно в российской культуре для индивидуума важно чувство единения с другими людьми, их поддержка. В политическом групповом контексте это находит отражение в стремлении к равенству и к соборным (общественным) формам взаимоотношений, что, как правило, проявляется в эгалитаризме [8]. Это дает возможность почувствовать себя полноправной «единицей» локального сообщества, ощущающей свои права и свободы и умение этими свободами пользоваться.

Так, в частности, опираясь на исследования, проведенные ВЦИОМ в 2016 г., можно констатировать, что по сравнению с предыдущими десятилетиями чувство свободы (в широком понимании) испытывает почти половина жителей страны (табл. 2).

Таблица 2

Чувствуете ли Вы себя в нашем обществе свободным человеком или нет?
(Закрытый вопрос, один ответ; опрос ВЦИОМ, www.vciom.ru)

Варианты ответа	1991	2000	2016
Да	21	23	45
Скорее да	19	34	26
Скорее нет	22	22	14
Нет	25	15	12
Затрудняюсь ответить	12	6	3

Чувство свободы неизменно коррелирует с потребностью (ре)презентации себя, своего статуса как в локальном сообществе, так и в межгрупповых отношениях. Презентация себя, своей группы, своих интересов часто связана с потенциальными конфликтами, которые основаны в одних случаях на состязательности (политические, социально-культурные), а в других (вооруженные, насильственные) — на прямом противостоянии.

Необходимо отметить, что для современного российского общества характерны не только особенные формы протекания межличностных и межгрупповых конфликтов, но и существующий в течение длительного исторического времени системный конфликт. Он связан с противоречиями между возрастающей сложностью социальной жизни, системой социальных и экономических отношений и традиционными (а в ряде случаев архаичными) нравственными

основаниями социальной деятельности. Данные противоречия находят отражение в работах по депривационному анализу социально-политических отношений внутри региональных сообществ, в том числе проводимых российскими учеными [9].

Исследователи отмечают, что для модернизирующегося российского общества характерно существование системных противоречий. Общество пытается не столько их преодолеть, сколько приспособиться к ним. Как правило, в российском обществе конфликты носят затяжной и неконструктивный характер. Они приводят к формированию так называемой промежуточной цивилизации, «застывшей» между традиционным и современным состоянием, что некоторые авторы называют также «абортивной модернизацией» [10].

В этом контексте идеи и представления о социальной справедливости часто являются ключевым мотиватором политических практик, ориентированных на мобилизацию. Тематика социальной справедливости часто обсуждается на научных и общественно-политических конференциях, проводимых политическими партиями и общественно-политическими движениями. Идеи справедливости, как правило, занимают центральное место при проведении протестных акций. При этом различными политическими группами могут использоваться разные концепции справедливости [11]. Фактически идеи социальной справедливости являются ядром политических идеологий. Они подробно отражаются в политических концепциях партий и программных документах [12].

Опираясь на исследования, проводимые в России ведущими социологическими и аналитическими центрами (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр), можно отметить, что восприятие населением социальной справедливости серьезно трансформировалось. Так, с одной стороны, социальная справедливость, основанная на традиционном российском патернализме и глубоко укорененная в массовом сознании, привела общество к латентному отторжению западного опыта индивидуализма. С другой стороны, осознание социальной справедливости как критерия «заслуженности» социальных, политических и экономических позиций в социальной структуре общества стало стимулом для реализации личностных притязаний, ориентации на независимость и формирование новых социально-политических установок, экономических практик, в том числе и ориентированных на протест в отношении сложившейся социально-политической и экономической системы.

Противоречия восприятия социальной справедливости в социальной, экономической и политической сферах усугубляются существенным разрывом между декларируемыми государственными институтами социальными целями и сложившейся практикой игнорирования социальных запросов и проблем общества [13]. Этот разрыв понимания социальной справедливости (и как цели, и как условия сосуществования граждан), с одной стороны, влияет на снижение легитимности политической власти на всех уровнях, потерю доверия к властным структурам, а с другой — не дает возможности сформироваться эффективным (удовлетворяющим потребности общества, большинства его членов) экономическим, политическим, нравственным и правовым отношениям в российском государстве.

Таким образом, восприятие социальной справедливости населением предписывает модели отношений и социального поведения. Оно является ключевым элементом формирования политической повестки дня, определяющим фактором социальных и экономических отношений между жителями региона.

Библиографический список

1. *Роулс Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
2. *Гэлбрейт Дж.* Справедливое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1998.
3. *Darendorf R.* Class and Class Conflict in industrial Society. Stanford, 1979.
4. *Алексеева Т.А.* Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М., 2001.
5. *Рывкина Р.В.* Методология изучения справедливых и несправедливых неравенств в современной России // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., 2003.
6. *Кашиников Б.Н.* Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Новгород, 2004.
7. *Острая Т.Б.* Социальное государство как инструмент достижения социальной справедливости // Известия Томского политехнического университета. 2006. № 2.
8. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003.
9. Многофакторная модель депривационного анализа конфликтогенного потенциала обществ в условиях структурных преобразований / под ред. С.Ю. Наумова. Саратов, 2009.
10. *Гудков Л.Д.* Абортивная модернизация. М., 2011.
11. *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011.
12. *Кочетков В.В.* Социальный вопрос и конституционализм // Полис. 2012. № 2.
13. *Мусихин Г.И.* Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. 2011. № 5.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

L.A. Abdulkholikzoda
Competence-based Model
for the Implementation of Social-
Pedagogical Functions of Higher
Education Institutions in the Republic
of Tajikistan

A competence-based model for implementing functions of higher education institutions in the system of education of students in Tajikistan is considered. The quality system of university educational activity that directly affects the present-day training of future specialists is analyzed.

Key words and word-combinations: competence-based model, qualification, skills, professionalism, competence, Tajikistan.

Рассматривается компетентностно-ориентированная модель реализации функций вуза в системе воспитания студенческой молодежи Таджикистана. Анализируется система качества воспитательной деятельности вуза, непосредственно влияющей на современную подготовку будущего специалиста.

Ключевые слова и словосочетания: компетентностно-ориентированная модель, квалификация, профессионализм, компетенция, Таджикистан.

УДК 371.4
ББК 74.200

Л.А. Абдуллохликзода

КОМПЕТЕНТНОСТНО- ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Современное общество диктует новые условия существования людей в мире, и, как следствие, актуальными для педагогики и образования становятся проблемы формирования личности, способной адекватно действовать в многонациональном и мультикультурном пространстве. Происходящие в последние годы социально-политические изменения в Республике Таджикистан привели к пробуждению национального самосознания таджикского народа. Одним из приоритетных вопросов развития системы образования в Таджикистане является воспитание молодого поколения. В настоящее время в системе образования Таджикистана формируется новая культура воспитания с такими особенностями, как плюрализм и

вариативность воспитательных практик, возрастание роли психологических и педагогических технологий, личностно-деятельностная направленность образования [1, с. 234–237]. Эти обновления требуют более реального подхода в системе воспитания молодежи.

Закон Республики Таджикистан «Об образовании» требует активного формирования у молодежи высоких нравственных качеств: чувства национальной гордости, патриотизма, гуманного отношения к людям, уважения к своей культуре, самобытности народа, нравственного поведения — что детерминирует становление новых парадоксальных подходов к формированию духовно-нравственной личности [2, с. 20]. В реализации воспитательной концепции важную роль играет правильный выбор моделей воспитания.

Одним из подходов к прогнозированию состава элементов модели является дифференцирование вызовов или заказов. Прежде всего в вузах процесс моделирования в воспитательной системе направляется на общекультурную, гражданско-правовую компетентности, на формирование инициативности и лишь затем на формирование креативности и уверенности в себе, в самостоятельности. В характеристиках компетентности подчеркивается значимость конкретных умений и навыков, которые обеспечивают мобильность студента-выпускника в современных условиях рынка труда, характеризующегося новыми формами занятости, организации труда, новым содержанием и видами деятельности.

Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан направлена на воспитание молодежи как граждан правового демократического государства, способных к конструктивному решению личных и общественных проблем в условиях гражданского общества и быстро меняющегося мира, при расширении участия общества в решении задач образования, в том числе воспитания подрастающего поколения [3]. В документах Правительства Республики Таджикистан поставлена также задача противодействия негативным социальным процессам в молодежной среде: вытеснения асоциального поведения, борьбы с преступностью. Эффективное решение этих задач обуславливает необходимость модернизации воспитания как неотъемлемой составляющей образования.

Необходимо учитывать, что система воспитания студентов в современных условиях высшей школы должна иметь конечные долговременные цели, обладать конкретными идеалами и ценностями, но в то же время должна быть достаточно гибкой, чтобы отвечать всем требованиям современного общества, учитывать особенности профессиональной деятельности будущего специалиста.

Исследование значимости компонентов компетентности указанной модели позволило осмыслить ее как определенный инструмент прогнозирования структуры управления воспитательной деятельности и структуры воспитательной среды вуза, способствующей формированию социально-конструктивного специалиста.

Таким образом, содержание дефиниции «социально-педагогическая функция вуза» как педагогической категории, под которой понимается преобразующая роль вуза в таджикском обществе, способствует обеспечению процесса воспитания современного специалиста в условиях социокультурных изменений в Республике Таджикистан. При этом в Таджикистане были представлены следующие формы модельного проявления:

1. Советская модель (1917–1990 гг.). В этот период основной заказ был

направлен на идеологическую подготовку молодежи в виде деятельности партии и организации комсомола, где государство строго регулировало образовательные учреждения и молодежно-студенческие организации.

2. Модель периода 1990–1995 гг., характеризующаяся ослаблением идеологической роли государства. В это время появляются новые политические тенденции, связанные с процессом демократизации общественно-политической жизни, противостояние идеологий в обществе, которые достаточно отчетливо и строго действовали на решение экономических и содержательных вопросов в вузах.

3. Следующим этапом является период с 1995 по 2005 г., когда формируется законодательная база регулирования социально-педагогических функций государства в повышении роли воспитательного процесса в образовательных учреждениях. Кроме того, данный период характеризуется восстановлением и формированием новых тенденций в воспитательной и образовательной системе вузов Таджикистана.

4. Современная модель интеграции вузов Таджикистана в международное сообщество в условиях перехода к инновационной экономике (с 2000 г. по настоящее время), что связано с присоединением Таджикистана к Болонской декларации и повышением роли взаимодействия государства, общества и учебных заведений. Актуальными становятся вопросы, связанные с общественным воспитанием, формированием самостоятельности и компетентности личности. Междисциплинарный подход позволяет уточнить состав и структуру воспитательной деятельности, выявить взаимосвязь компонентов с внутренней и внешней средой в изменяющихся социокультурных условиях, разработать модель воспитательной среды вуза и системы управления ею.

Следует отметить, что за последние десятилетия структура терминальных ценностей студенческой молодежи остается неизменной: она считает, что ценность высшего образования связана с качеством знаний. При этом структура инструментальных ценностей молодежи усиленно продвигается, то есть молодежь в основном полагается на свои силы и на самих себя, так как, по их мнению, они являются более предприимчивыми.

Социально-педагогическая функция вуза рассматривается как педагогическая категория, под которой понимается ее преобразующая роль в современных условиях инновационно развивающегося общества, где постоянно проводится соответствующая подготовка специалистов в ориентированной на воспитание среде. Помимо того, необходимо усилить гуманистические направления образовательного процесса, а также более компетентно влиять на формирование субъектной позиции выпускника.

Нами была разработана модель воспитательной деятельности вузов экономического профиля в новых социокультурных условиях на основе компетентностного подхода и принципов системы менеджмента качества, которые рассматривались как инструмент реализации социально-педагогических функций вуза в подготовке высококвалифицированных специалистов нового поколения, ориентированной на требования рынка труда.

Система качества воспитательной деятельности вуза — это совокупность принципов, методов, показателей и требований к процессам деятельности, а также критерии, которые определяют уровень качества этих процессов и

их оценку. Данное обстоятельство в совокупности представляет весь процесс воспитательной деятельности, который может повлиять на качественную подготовку специалиста в целом.

Качество подготовки будущего специалиста обусловлено уровнем сформированности его профессиональных компетенций в процессе обучения и качеством воспитательной деятельности вуза. Данные составляющие определяют и дополняют друг друга, что позволяет говорить о тесном переплетении системы контроля обучения с управлением качеством воспитательной работы со студентами [4]. Воспитательная деятельность должна осуществляться на основе процессного подхода, который рассматривается как совокупность взаимосвязанных процессов воспитания. Особая роль принадлежит процессу «студенческого самоуправления», которая заключается в формировании конкурентоспособного специалиста в новых социокультурных условиях, в актуализации его активности, индивидуальных возможностей, творческого потенциала личности как субъекта самовоспитания, саморазвития и самореализации. Экспериментальным путем установлено, что воспитательный процесс в вузе носит динамический характер и отражает взаимосвязь элементов управления.

Любое общество является неоднородным, и современное тоже. В нем есть люди, не растратившие высшие ценности, причем их всегда меньшинство; существует определенная категория людей, которая не имела никаких ценностей, и им просто нечего терять. Связывать финансовые трудности с «кризисом ценностей» причинной связью методологически неправильно.

Под компетентностно-ориентированной моделью реализации социально-педагогической функции вуза понимается ее преобразующая роль в обществе, которая обеспечивает взаимодействие участников образовательного процесса, направленное на подготовку активного, социально ответственного специалиста, который стремится к непрерывному развитию и повышению уровня своей социально-личностной компетентности в развивающихся социокультурных условиях. 20 января 2016 г. лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан отметил: «Правительство страны ставит в центр своего внимания вопросы, связанные с государственной молодежной политикой, и осуществляет все необходимые меры для поддержки созидательных инициатив молодежи нашей независимой страны. Для молодежи мы должны создать такие условия и воспитать ее таким образом, чтобы наши дети выбирали правильный путь в жизни, освоили современные науки и знания, изучали современные профессии и ремесла, нашли в будущем свое достойное место в обществе» [5].

Отметим, что разработку компетентностно-ориентированной модели воспитательной работы в вузе можно трактовать достаточно широко, распространяя ее воздействие на весь период обучения студентов в вузе. При этом становится возможным говорить о воспитании как о многоаспектном феномене, отражающем различные грани комплексного понятия, а именно социальной интеграции личности. Модель понимается как взаимосвязанный и взаимообусловленный комплекс, объединяющий несколько компонентов, как целевой и содержательный, обеспечивающий психолого-педагогическую готовность к многоплановой социальной реализации специалиста, но прежде всего гражданина.

Целевой компонент модели ориентирован на достижение готовности студентов к многоплановой социальной интеграции. Подразумевается решение задач, определяющих стратегические направления воспитательного процесса, к которым относится в первую очередь формирование этических основ поведения и общения, формирование социальной зрелости, гражданственности, патриотизма и толерантности. К данной модели можно отнести и формирование здорового образа жизни, становление коммуникативной компетентности и профессиональной зрелости. Содержательный компонент модели воспитания включает необходимые знания, умения и компетенции, которые дают установку на реализацию намеченной цели, и объединяет в себе принципы, функции и содержание.

В основу модели воспитательной работы вузов положен ряд идей, которые соответствуют современным тенденциям развития таджикской национальной образовательной системы. Как известно, основной целью воспитательной деятельности в вузе является максимальное вовлечение студенческой молодежи в целенаправленно организованную деятельность, которая способствует реализации интеллектуального, морального, творческого и физического развития, содействует формированию комплексно развитой и гармоничной личности студента. Для достижения этой цели необходимо создать ряд условий для становления профессионально и социально компетентной личности студента, способного к творчеству, обладающего научным мировоззрением, высокой культурой и гражданской ответственностью.

В процессе организации воспитательной работы следует особое внимание уделить компетентностному подходу, который активизирует позитивные качества всех участников учебно-воспитательного процесса, и ориентировать студентов на высокий уровень индивидуальной работы, обеспечивающей формирование ценностей в системе «человек — общество — природа» [6]. Компетентностная модель личности студента вуза включает в себя профессиональную компетентность, социально-культурную компетентность, профессионально и социально значимые качества личности.

Для развития компетентности студенческой молодежи приоритетной задачей воспитательной работы в вузах Республики Таджикистан была и остается ориентация студентов на непрерывное активное саморазвитие и самореализацию. Для решения данной задачи в системе вуза сформирована полноценная система образования, которая действует по моделям воспитательных направлений.

В результате исследований нами выявлено, что компетентностно-ориентированная модель реализации социально-педагогической функции вуза в системе воспитания студентов носит динамический в связи с изменениями в социокультурной сфере, аддитивный характер, компоненты которого имеют педагогически значимые связи.

Таким образом, при подготовке высококвалифицированного современного специалиста изменяется роль системы профессионального образования. Большое внимание уделяется не только освоению профессиональных компетенций, но и созданию новых социокультурных ценностей. Образовательное учреждение формирует образовательную среду подготовки специалиста, выполняет педагогическую социально-значимую функцию воспитания [7]. В связи с этим исследование компетентностно-ориентированной модели реализации социально-педа-

гоической функции вуза в системе воспитания студентов в вузах Таджикистана приобретает особую актуальность. Здесь требуется синтез междисциплинарного знания, а также анализ проблем и противоречий на социально-педагогическом, научно-теоретическом и научно-методическом уровнях.

Библиографический список

1. Эшонджонова Л.А. Проблема профессионального воспитания студентов высших учебных заведений в условиях модернизации образования // Вестник Таджикского национального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 3.
2. Об образовании: Закон Республики Таджикистан от 2 июля 2013 г. № 1004. Душанбе, 2013.
3. Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан (утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 3 марта 2006 г. № 94). Душанбе, 2006.
4. Мареев В.И. Аккредитация и образование. М., 2016.
5. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20 янв. 2016 г. URL: <http://www.president.tj/ru/node/10587>
6. Пономарев А.В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2009.
7. Чепляев В.Л. Компетентностный подход в подготовке государственных служащих как инструмент формирования социальной ответственности // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53).

A.M. Gabrielyan
From the American Model of Globalization to European Internationalization: a Slant on the Corporate University in the Context of the Global Educational Policy

The phenomenon of the corporate university as a product of globalization, and its development in terms of the Anglo-Saxon geopolitical dominance project are studied. The European educational policy of internationalization is considered.

Key words and word-combinations: corporate university, educational policy, globalization and internationalization.

Изучается феномен корпоративного университета как продукта глобализации, его развитие с точки зрения геополитического англосаксонского проекта доминирования. Рассматривается европейская образовательная политика интернационализации.

Ключевые слова и словосочетания: корпоративный университет, образовательная политика, глобализация и интернационализация.

УДК 378
ББК 74.58

А.М. Габриелян

ОТ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ДО ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД НА КОРПОРАТИВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Необходимость анализа становления корпоративного университета и его значения в образовательной политике стран мира обосновывается объективно протекающим процессом глобализации, вне контекста которого сегодня невозможно осуществлять реформы высшего образования.

Глобализация стала для высшего образования серьезным испытанием, так как в центре внимания оказалась подготовка кадров для глобальной экономики. Само образование стало неким «солнечным сплетением» глобального мирового организма. Здесь пересеклись интересы экономики, политики и культуры. Процессы эти все чаще происходят на качественно новом уровне — на базе изменившегося, уже корпоративного университета. Если проанализировать современные вызовы глобализирующегося мира, и в том числе развитие корпоративных отношений в сфере высшего образования, становится очевидным, что образовательная политика государства должна найти на них адекватные ответы. Наиболее остро стоит проблема сохранения национальной самобытности с одновременным интегрированием в мировое сообщество.

Чтобы теоретически осмыслить необходимость внедрения тех или иных мировых образовательных моделей, мы проанализируем корпоративный университет как часть западного образца развития образовательной политики государства.

Для понимания оценки корпоративной модели университета следует ответить на следующие вопросы: что есть корпоративный университет, элементы его идеологического и геополитического содержания; какие угрозы может нести в себе американский (или глобализационный) проект развития системы высшего образования; какие существуют альтернативы данной образовательной политике.

Руководитель МАКО (Международной ассоциации корпоративного образования) О.М. Гольштенкова описывает корпоративный университет как систему внутреннего обучения, выстроенную в рамках корпоративной идеологии на основе единой концепции и методологии, охватывающую все уровни руководителей и специалистов. Отмечает при этом, что корпоративный университет является инструментом стратегического менеджмента, неотъемлемой составной частью бизнес-процессов [1, с. 30].

Основными особенностями корпоративного университета являются: уменьшение государственного финансирования, переход на контрактную (грантовую) систему взаимоотношений между государством и университетом; переход от системы стипендий к грантовой и кредитной поддержке обучения; большая дифференциация в оплате труда преподавателей, в том числе за счет разделения преподавательской и исследовательской составляющих университетской деятельности [2, с. 102].

Вторая половина XX в. — это время смены классического университета корпоративным, который является детищем глобализации, постнационализма, и прежде всего ослабления наций-государств. По-настоящему последствия перехода к корпоративному университету стали ясны только с концом Холодной войны, с распадом СССР, когда эта система автоматически стала переноситься на все страны — бывших первого, второго, третьего и четвертого миров. Сегодня взаимодействие университета со знанием, государством, политикой и гражданским обществом, прежде всего экономикой, напряженно как никогда. Корпоративный университет в своей идеологии зачастую становится проводником ценностей неолиберального государства, нужд корпораций или гегемонных концепций универсального знания. Основными становятся при-

нципы эффективности и превосходства, которые заменяют все другие ценности и навязываются повсеместно как основные принципы продуцирования знания в современном мире [3, с. 183].

Собственно интернационализация как взаимодействие и сотрудничество все чаще заменяется глобализацией как продвижением внешних образцов, доминирующих корпоративных структур, а не проектов национальных государств и их союзов. Университет становится «большим предприятием» (как в США), основными и прагматическими целями которого становятся, с одной стороны, удовлетворение спроса на образовательные услуги, а с другой, как было отмечено, подготовка кадров для глобальной экономики.

Развитые страны предлагают свой проект глобализации, в который вмонтирован и процесс реформирования высшей школы по ими же предлагаемому образцу. При этом возможна потеря не только национального суверенитета, но и культурной самобытности, ведь система образования является ключевым механизмом социализации, воспроизводства и развития культуры.

Таким образом, трансформация классического университета в корпоративный вызывает серьезные возражения. Но в качестве встречного аргумента приводится в пример система университетского образования в США, геополитическое средоточие корпоративного университета, образец эффективной рыночно ориентированной системы. Однако следует заметить, что в ее развитии есть и известная доля влияния объективно действующих условий, и эффект протекционистской политики. Действительно, исторически так сложилось, что вузы США возникали в основном как частные образовательные структуры. Они вынуждены были оттачивать механизмы выживания в жестких условиях рыночной экономики. Преподаватель и студент оказывались в условиях «академического капитализма» с конкуренцией, частичной и временной занятостью, отсутствием гарантии на труд, платностью образовательных услуг.

Однако в настоящее время государство проводит такую политику, что даже частные американские университеты поддерживаются им прямо или косвенно. Если к этому добавить кумулятивный эффект интеграции в американское общество посредством получения американского образования, то выявятся не только сильные, но слабые стороны такой системы.

Отмеченное станет еще более очевидным, если задаться вопросом — кто реально управляет современным американским университетом, определяет не только его образовательную политику, но и коммерческую, а главное социальную и даже гуманитарную политику.

Болонский процесс является европейским ответом на вызовы времени. Его подход более мягок, так как риторика и практика рыночных отношений системы высшего образования ограничиваются декларацией социальной значимости высшего образования, а не только эффективностью и полезностью для рынка труда. Европейское тождество является важным конституирующим принципом Болонского процесса.

Мягкий и гибкий подход политики Болонского процесса, осуществляемой Европейским Союзом, представляется более приемлемым для значительного числа стран мира даже за пределами европейского цивилизационного поля.

«Реорганизация европейской университетской системы по англо-американской модели и все более широкое распространение английского языка в академических кругах вызывает много споров среди европейских чиновников, профессоров и общественности. В Западной Европе рынок понимается как риторическая конструкция или идеологическая концепция. Рыночная экономика — относительно незначительный фактор в западноевропейских странах, которая не может обеспечить существование рынка образовательных услуг. Европейские правительства не приветствуют формирования в системе высшего образования “академического капитализма”. Сорбоннская, Болонская декларации, встречи министров образования в Праге и Берлине подтвердили общественное предназначение высшего образования, подчеркнули его общественную функцию» [4, с. 82—85].

Пока неясно, может ли такой подход эффективно конкурировать с американским, по сути, с транснационализацией высшего образования. Очевидно, что в кратко- и среднесрочной перспективе американские вузы одерживают победу. Сегодня университеты США, Канады, Австралии начали продавать свои онлайн-курсы по всему миру. Они пытаются не отстать от глобальных компаний: Microsoft и IBM, крупнейших биотехнологических и фармацевтических фирм, транснациональных и межнациональных издательств, которые начинают доминировать в сфере международной торговли образовательными услугами. Идет жесткая конкурентная борьба, в которой европейские университеты уступают лидерство.

Однако исторически это лидерство обуславливалось для европейских университетов иными факторами. Они были интеллектуальными и культурными центрами, средоточием научных исследований, они выступали авторитетом для общественного мнения. Для европейских университетов потеря таким образом понимаемого лидерства была бы серьезным испытанием, и именно его они не хотят уступать.

Во-первых, большинство осознает, что до сих пор именно европейские университеты давали интеллектуальную и идеологическую подпитку всем другим университетам, в том числе корпоративным. Во-вторых, в декларации превосходства американского университетского образования есть известная доля лукавства, так как при более внимательном рассмотрении видна протекционистская политика американского государства по отношению к продвижению образовательных услуг своих университетов на глобальный рынок. Перефразируя слова Ч. Вильсона «что хорошо для Джeneral Моторс, то хорошо для Америки», сегодня можно сказать: «что хорошо для Гарвардского университета, то хорошо и для Америки». США очень четко придерживаются такой экономической политики в сфере высшего образования.

Используя положительные аспекты корпоративной образовательной модели, российскими учеными предлагается, к примеру, модель подготовки квалифицированных кадров для интегрированных организаций на принципах сбалансированного применения академического и корпоративного подходов профессионального образования. Содержание данной модели состоит в оптимизации знаний и опыта для целей бизнеса на основе корпоративизации обучения и насыщения его фундаментальным образовательным потенциалом

академических учреждений профессионального образования. Реальная форма существования данной модели может выражаться в разработке совместных образовательных программ профессионального обучения, создании лабораторий, учебно-производственных подразделений университетских образовательных комплексов [5, с. 5].

Подводя итог, отметим, что, во-первых, динамика формирования единого мирового, в частности европейского, образовательного пространства, включение него России и стран постсоветского пространства и рассмотрение в этом процессе возникающих мировых тенденций является весьма актуальным для выработки современной образовательной политики. Университеты (в частности по образцу университетов США) под воздействием внешних факторов преобразуются сегодня в экономические корпорации, которые управляются как корпорации особого рода — связанные с производством и распространением знаний, при этом сравнимые с любыми иными субъектами рыночных отношений по принципу: то, что не продается, не производится.

Во-вторых, при всей автономности университетского образования трудно представить, что достойные ответы возможно найти без участия государства. Реформа как государственная политика модернизации современного университета активно осуществляется и в развитых, и во всех других странах.

В-третьих, объективный процесс глобализации преобразован в геополитический англосаксонский проект доминирования. Чтобы сохранить национальную самобытность университета, работающего прежде всего на удовлетворение региональных и национальных интересов и потребностей, необходимо уйти от проекта глобализации как единого стандарта университета-корпорации. Возможной альтернативой может послужить интернационализация — процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. Это позволит сохранить возможность сотрудничества на международном уровне, избежать самоизоляции и отсталости, а также воспользоваться возможностями получить доход на глобальных рынках и поддерживать высокое качество образовательных услуг за счет корреляции их с качеством образования у международных партнеров. Отношения субъектов политики реформ становятся более демократичными и эффективными. Но при этом интернационализация дает возможность сохранить свою национальную самобытность и быть интересным миру.

Библиографический список

1. Гольшеникова О.М. Построение корпоративного университета // Менеджер по персоналу. 2010. № 5. С. 30–36.
2. Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России / Институт экономики переходного периода. Научные труды № 115Р. М., 2008.
3. Глостанова М.В. Судьба университета в эпоху глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 180–185.
4. Налетова И.В. Изменение национальных традиций образования в современных условиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 4. С. 82–90.
5. Денисов Д.С. Подготовка квалифицированных кадров для инновационной экономики на базе корпоративных университетов: дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2011.

S.V. Kornilov, A.A. Samorukov
International Legislation
on Corruption Counteraction
Standards

Stages of formation and development of the international legal mechanisms and standards of corruption counteraction provided by international conventions are analyzed. The legislation on corruption counteraction of Russia and a number of foreign states is considered.

Key words and word-combinations: international legislation, corruption, corruption counteraction standards.

Анализируются этапы становления и развития международно-правовых механизмов и стандартов противодействия коррупции, закрепленных в международных конвенциях. Рассматривается законодательство о противодействии коррупции России и ряда зарубежных государств.

Ключевые слова и словосочетания: международное законодательство, коррупция, стандарты противодействия коррупции.

УДК 341
ББК 67.9

*С.В. Корнилова,
А.А. Саморуков*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СТАНДАРТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Международно-правовой механизм противодействия коррупции формировался и формируется на протяжении длительного времени. Международное сообщество стремилось законодательно урегулировать отношения в области противодействия коррупции путем принятия многочисленных актов, начиная с разработки правовых норм уголовно-правового, гражданско-правового характера и заканчивая подготовкой специальных документов [1]. Однако для эффективной борьбы с коррупцией требуется системный и комплексный подход к формированию стандарта принимаемых мер, активизация, расширение и надлежащее осуществление международного сотрудничества в правовой сфере.

В связи с этим Организация Объединенных Наций и другие международные организации обратили внимание на необходимость борьбы с подкупом должностных лиц иностранных государств в сфере международных коммерческих и финансовых операций. Кроме этого, такие страны, как Германия, Бельгия, Великобритания, Франция, Финляндия, Португалия, Япония, Корея, Сингапур, Таиланд, США определили борьбу с коррупцией как приоритетное направление своей государственной политики.

В ООН разрабатываются проекты международного соглашения по борьбе с не-

законными выплатами и иными видами коррупционных практик, а также предпринимаются попытки найти юридическое определение коррупции. Венская конвенция ООН о праве международного договора была подготовлена Комиссией международного права ООН и подписана в Австрии (Вена) в 1969 г., а вступила в силу только в 1980 г. Она предусматривала способы выражения согласия на обязательность договора и их особенности, а также общие принципы имплементации. В настоящее время 114 государств-участников присоединились к Конвенции. В этот период государства — члены ООН внедряют в практику своего национального законодательства виды коррупционных практик как уголовно-наказуемые. Однако предпринимаемые попытки не завершились принятием общей конвенции, хотя имели продолжение в иных международно-правовых документах.

Современный этап отличается активизацией разработки конкретных мер противодействия некоторым видам коррупционных практик и принятием 8 ноября 1990 г. Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, в которой рассматривались как уголовно-правовые, так и гражданско-правовые аспекты международного сотрудничества по борьбе с данным видом преступлений.

Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1996 г. была принята Декларация о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, которая обязывала государства принимать эффективные и конкретные меры по борьбе со всеми формами коррупции, в том числе установить уголовную ответственность за дачу взяток иностранным государственным должностным лицам. В дальнейшем Объединенным экономическим сообществом 17 декабря 1997 г. была принята Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (ОЭСР), которую подписали свыше 30 государств, а также создан эффективный механизм для принятия последующих мер, открытый для участия на равной основе государств-членов и других государств [2].

В 2015 г. страны-участники распределились по группам в зависимости от степени соблюдения положений данной Конвенции с указанием их совокупной доли в мировом экспорте следующим образом. Первую группу «полностью соблюдают» (22,8%) составили четыре государства — США, Германия, Великобритания, Швейцария. Во вторую группу «соблюдают в целом» (8,8%) вошли шесть государств — Италия, Канада, Австралия, Австрия, Норвегия, Финляндия. Третья группа «ограниченно соблюдают» (12,7%) представлена девятью государствами — Франция, Нидерланды, Южная Корея, Швеция, Венгрия, ЮАР, Португалия, Греция, Новая Зеландия. В четвертой группе «соблюдают минимально или не соблюдают» (20,4%) 20 государств — Япония, Россия, Испания, Бельгия и другие.

На 102-й сессии 4 мая 1998 г. Комитет министров принял Резолюцию № 98 о разработке частичного и расширенного соглашения о создании Группы государств против коррупции (ГРЕКО), чтобы расширить возможности ее членов в борьбе с коррупцией путем наблюдения за выполнением их обязательств. В

рамках данной программы были подготовлены два документа: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г.

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, подписанная в целях достижения большего единства между государствами-членами Совета Европы, стала базовым документом, призванным сформировать общую уголовно-правовую антикоррупционную политику на международном уровне. Вторая глава указанной Конвенции «Меры, которые должны быть приняты на национальном уровне» содержит перечень коррупционных правонарушений, который подлежит закреплению во внутреннем законодательстве, в том числе «злоупотребление влиянием в корыстных целях, схожее с посредничеством, отмывание преступных доходов от коррупционных преступлений и связанные с ними правонарушения в сфере бухгалтерского учета» [3].

Конвенция Совета Европы ратифицирована Российской Федерацией и принята Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» [4]. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию отмечает вредные финансовые последствия коррупции для частных лиц, компаний, государств и международных институтов, а также указывает на важность вклада гражданского права в борьбу с коррупцией, в частности в сфере обеспечения возможности лицам, понесшим ущерб, получить справедливую компенсацию. «Каждая Сторона предусматривает в своем национальном законодательстве эффективные средства правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность возмещения убытков» (ст. 1) [4]. Конвенция устанавливает общие правила гражданско-правового и гражданско-процессуального характера в сфере борьбы с коррупцией и является первым такого рода международным договором о коррупции.

15 ноября 2000 г. в Нью-Йорке Резолюцией № 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, в которой ст. 8 и 9 посвящены коррупции и мерам борьбы с ней [5, с. 281–289]. Этот международный документ подписан Российской Федерацией 12 декабря 2000 г. и ратифицирован Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» [6]. Эти акты носили рекомендательный характер и получили название актов «мягкого права» (soft law).

Одновременно с этим региональные международные организации разрабатывают и принимают акты, регламентирующие международное сотрудничество в противодействии коррупции и определяющие основные инструменты и

механизмы в отдельных сферах общественной жизни и государственного управления. Эти акты носят обязательный характер. Такие страны как Швейцария, Норвегия, Дания, Италия, Германия, Великобритания и США (их менее 20%), на долю которых приходится 30% мировой торговли при совершении международных коммерческих сделок, активно применяют положения Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках. Однако более половины государств, подписавших данную Конвенцию, среди которых Австрия, Австралия, Болгария, Бразилия и другие, исполняют ее недостаточно точно, что свидетельствует о необходимости усилить эффективность механизма антикоррупционных актов [7, с. 24].

Российской Федерацией Конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» [8].

Важным событием является принятие в Нью-Йорке 31 октября 2003 года Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН первой универсальной Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции — комплексного универсального международного договора, препятствующего развитию и распространению коррупции во всех сферах жизнедеятельности [9, с. 103—113]. В преамбуле данной Конвенции признается важность активизации сотрудничества для эффективной борьбы с коррупцией, а также содержатся общие, специальные принципы и инструменты имплементации. Характерно, что в 2009 г. ее подписали 129 государств, в 2010 — 144, а к 2011 — 151 государство из 192 государств — членов ООН. В России Конвенция была подписана 9 декабря 2003 г. и ратифицирована Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» [10], а вступила в силу 14 декабря 2005 г. Государства-участники в соответствии со ст. 43 данной Конвенции рассматривают возможность оказания друг другу содействия в расследовании и производстве по гражданско-правовым и административным вопросам, связанным с коррупцией, в случае если это целесообразно и соответствует их внутренней правовой системе. Исходя из этого, вопросы, связанные с противодействием коррупции, должны быть регламентированы национальным законодательством.

Так как конституции большинства государств мира (США, Россия, Франция, Аргентина и др.) предусматривают прямое действие международных договоров, соответственно, в целях реализации антикоррупционных конвенций государство-подписант должно самостоятельно определить законы и подзаконные нормативные правовые акты, подлежащие принятию.

В Российской Федерации имплементация международных конвенций по противодействию коррупции после их ратификации осуществлялась на основе двух специальных законов: Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратифика-

цией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона “О противодействии коррупции” № 280-ФЗ [11; 12]. Указом Президента Российской Федерации были утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции. Этими актами было предусмотрено внесение изменений в целый ряд других российских законов.

Антикоррупционная стратегия всех государств в основном направлена на обеспечение системного подхода к противодействию коррупции в публичной и частных сферах. В свою очередь, системный подход предполагает единые принципы борьбы с коррупцией в государственном и негосударственном секторе (публичность, прозрачность деятельности, контроль и ответственность лиц, недопущение конфликта интересов, сочетание правовых и неправовых средств). Законодательством многих стран (Австралия, Великобритания, Бельгия, Венгрия, Дания, Израиль, Канада, КНР, США, Франция и др.) в соответствии с Конвенцией предусмотрен институт уголовной ответственности юридических лиц. Принцип публичности и прозрачности деятельности реализуется в таких правовых формах, как опубликование информации, относящейся к их деятельности, а также декларирование доходов и расходов государственных и муниципальных служащих.

В соответствии с Конвенцией ООН против коррупции государства-участники вынуждены совершенствовать свое законодательство и правоприменительную практику, направленную на установление обязанности декларирования доходов и расходов публичных должностных лиц [13, с. 58]. Такая обязанность закрепляется законодательно и подзаконными нормативными правовыми актами для различных категорий должностных лиц практически во всех европейских странах, Китае, Сингапуре, Канаде, США и других. Как правило, в декларации о расходах включают сведения об инвестициях, недвижимом и движимом имуществе, владении ценными бумагами и долями капитала, банковских вкладах, а также о выданных другим лицам займах, финансовых обязательствах, в том числе выплатах по кредитам, страховым и другим договорам, возмещении ущерба, компенсационных выплатах, налоговых вычетах, зарегистрированных на супруга или детей частных фирмах (предприятиях), расходах на поездки за рубеж.

Однако во многих государствах, в том числе и в России, есть проблемы с определением объектов декларирования, субъектов исполнения обязанности по декларированию сведений о расходах, по обеспечению контроля за предоставлением сведений о расходах, а также отсутствует необходимая инфраструктура, позволяющая обеспечивать постоянный контроль за расходами должностных лиц. Принцип прозрачности и публичности в негосударственном секторе обеспечивается внедрением международных стандартов финансовой отчетности, принятием внутрикорпоративных правил делопроизводства и отчетности сотрудников компаний. Законодательство большинства государств реализует принцип недопущения конфликта интересов через обязанность

государственных и муниципальных служащих предоставлять информацию о своей деятельности, которая может привести к конфликту интересов.

В рамках взаимодействия органов по борьбе с коррупцией с научным и предпринимательским сообществом Конвенцией предусмотрено создание специализированных органов по предупреждению и противодействию коррупции. В одних государствах (Франция, Польша, Филиппины, Сингапур, Латвия, Литва и др.) сформированы специализированные органы по борьбе с коррупцией, наделенные широкой компетенцией, в других (Испания, Индия) создаются особые трибуналы и судебные инстанции.

На участников общественных отношений воздействуют не только правовые регуляторы противодействия коррупции, но и этические нормы, способные дополнить законодательство в вопросах разрешения нравственных коллизий. В практику функционирования государственной, муниципальной службы, правительства таких стран, как Великобритания, Германия, Польша, Россия, США, широко внедряется концепция этического поведения государственных и муниципальных служащих. Соблюдение этических норм содействует укреплению авторитета государственной и муниципальной службы, доверию граждан к органам государственной власти и местного самоуправления, а также способствует формированию соответствующего морального климата. Принцип сочетания правовых и неправовых средств противодействия коррупции служит обеспечению комплексного воздействия на коррупцию.

Таким образом, международная практика в области реализации антикоррупционного законодательства выявила определенные тенденции, связанные с ужесточением санкций и требований; расширением ресурсов регуляторов и активным международным сотрудничеством правоохранительных органов; введением положений о защите лиц, сообщающих о коррупционных нарушениях, и предъявлением исков со стороны акционеров. Вопросы противодействия коррупции, регламентированные многочисленными международными актами и регулирующие различные аспекты этого явления, требуют системного и комплексного подхода к принимаемым мерам.

Библиографический список

1. *Козлов В.А.* Государственная политика в сфере противодействия коррупции (международно-правовой аспект) // *Международное уголовное право и юстиция.* 2008. № 1.
2. Об уголовной ответственности за коррупцию: Конвенция Организации Объединенных Наций от 27 янв. 1999 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=121544>
3. *Константинова М.А.* Борьба с коррупцией в органах государственного управления. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinova_borba.pdf
4. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Федер. закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61753/
5. Конвенции Совета Европы и Российской Федерации: сб. документов. М, 2000.
6. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, осо-

бенно женщинами и детьми, и наказание за нее: Федер. закон от 26 апр. 2004 г. № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

7. *Талан М.В.* Коррупционные преступления в сфере экономической деятельности // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2005.

8. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: Федер. закон от 1 февр. 2012 г. № 3-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902325838>

9. *Бочков С.О.* Борьба с коррупцией: гражданско-правовые аспекты // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2006. № 3/4 (28/29).

10. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федер. закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12145648/>

11. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82998/

13. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.S. Borisov
Citizen Participation
in Federal Law-Making

The role of law in the process of statehood formation is considered. The development outcomes of the Russian Federation in terms of legitimacy of the Basic Law are analyzed. It is concluded that the main condition of the efficient state building is the strict compliance with all laws, first and foremost – with the Basic Law, and the legitimacy of the mechanisms of its adoption.

Key words and word-combinations: legitimacy, legality, state authority, the Constitution, law, the morals.

Рассматривается роль объективного права и законов в процессе построения государственности. Анализируются итоги развития Российской Федерации с точки зрения легитимности Основного закона. Делается вывод о том, что главным условием построения эффективной государственности является неукоснительное соблюдение всех законов, в первую очередь Основного закона, и легитимный характер механизмов его принятия.

Ключевые слова и словосочетания: легитимность, легальность, государственная власть, Конституция, объективное право, мораль.

УДК 342.55
ББК 67.400.7

А.С. Борисов

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ФЕДЕРАЛЬНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

Более двух десятков лет прошло с момента принятия Конституции РФ, в течение которых российское государство строит свою новую государственность, претендуя на легитимный, демократичный характер государственной власти. За прошедший период российское общество сотрясали множественные реформы и преобразования, в том числе и направленные на демократизацию политико-правовых институтов. Неоднократно реформировался государственный аппарат и механизмы его формирования, активно развивалось законодательство и правоприменительная практика. Однако многие новаторские и реформационные начинания наталкивались на незримые препоны, сводящие к нулю реформационные процессы. Данное обстоятельство наводит на риторические вопросы о том, почему российская государственность XXI в. все еще не может в полной мере именоваться демократической. Почему проведенные реформы так и не смогли актуализировать и запустить демократические процессы учас-

тия народа в управлении делами государства? Насколько легитимно современное российское законодательство и властные политико-правовые институты?

Для ответов на поставленные вопросы вполне целесообразно обратиться к политико-правовой теории и уточнить содержание и сущность некоторых понятий. Например, легитимность в юриспруденции и политологии понимается как «результат процесса легитимации, благодаря которому авторитет (власти, начальства) приобретает признание подвластных или все участники политических процессов признают законность ее возникновения, формирования, соответствие власти критериям посредника, обеспечивающего выполнение взаимных обязательств, и убеждаются, что данная государственная власть станет выразителем общих интересов» [1, с. 74].

Из приведенного определения вытекает, что государственная власть легитимна, если, во-первых, является выражением суверенной воли единого народа; во-вторых, сформирована в соответствии с требованиями конституции и других правовых норм, то есть легальна [2, с. 190]. Здесь существенным является то, насколько непосредственно народ участвовал в образовании принадлежащей ему власти, в частности в выборе президента, парламента, местных органов самоуправления, и насколько эти выборы соответствуют требованиям закона. В-третьих, легитимация и легализация государственной власти должны осуществляться по нормам, соответствующим принципам права, общечеловеческим ценностям и, в частности, Основному закону страны — Конституции [3, с. 120]. Только при наличии легитимной власти народ обязуется добровольно выполнять поручения власти. Это возможно, если выборы будут не только законными, но и полностью выражающими единую волю народа [4, с. 8].

Современная трактовка демократического правового государства не может рассматриваться в отрыве от необходимости учета интересов гражданского общества в процессе становления и функционирования целостной правовой системы этого государства, то есть легитимного законодательства, формирование которого находит свое выражение в предусмотренной для граждан возможности принимать участие в реализации государственных функций. Такая возможность обеспечена целым рядом положений Конституции РФ, характеризующих основы конституционного строя, конституционно-правового статуса личности, вопросы взаимоотношений Российской Федерации и ее субъектов, принципы осуществления государственной власти в Российской Федерации.

Одна из государственных функций, в реализации которой могут принимать участие граждане, — правотворческая. Следует отметить, что ее невозможно реализовать лишь усилиями граждан. Безусловно, правотворческая деятельность — это прерогатива в первую очередь органов государственной власти, но нельзя и полностью исключать из этой деятельности население (народ), легитимирующее ее.

Граждане России обладают правом принимать участие в правотворческом процессе в разных формах и на разных его стадиях, что само по себе выступает как проявление демократического характера данного процесса [5, с. 2]. Однако это право граждан не безусловно, так как наблюдается умаление права

населения на правотворческую инициативу [6] и иные формы участия в современном правотворчестве [7; 8].

Наиболее демократичной формой участия населения в легитимации законодательства и правотворческой деятельности, наиболее ярким выражением правотворчества народа является референдум. Как вид правотворчества референдум представляет собой непосредственное волеизъявление граждан по установлению правовых норм. Участие в референдуме принимают граждане Российской Федерации, обладающие активным избирательным правом. Решение, принятое на референдуме, носит общеобязательный характер, оформляется нормативно-правовыми актами высших органов государственной власти и не нуждается в дополнительном утверждении. Казалось бы, решение референдума — апофеоз легитимации закона, но так ли это в российской действительности?

В соответствии с действующим российским законодательством могут проводиться три вида референдумов: референдум Российской Федерации, референдум субъекта РФ, местный референдум (ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9]).

На федеральном уровне участие граждан в правотворчестве осуществляется на референдуме Российской Федерации, который представляет собой всенародное голосование по законопроектам, действующим законам и другим вопросам государственного значения и является непосредственным выражением власти народа. Референдум как эффективная разновидность правотворчества позволяет прямо и непосредственно, без промежуточных инстанций и возможных искажений, выявить отношение граждан страны к тому или иному варианту правового урегулирования вынесенного на референдум вопроса и сразу же принять по нему окончательное решение.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 6 апреля 2015 г.) «О референдуме Российской Федерации» [10] инициатива проведения референдума принадлежит:

— не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме, при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации находится место жительства не более 50 тысяч из них;

— Конституционному Собранию — в случае, предусмотренном ч. 3 ст. 135 Конституции РФ;

— федеральным органам государственной власти — в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом.

Инициатива проведения референдума, принадлежащая гражданам Российской Федерации не может быть выдвинута в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации на основании решения уполномоченного федерального органа, а также в случае, если проведение референдума приходится на последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собра-

ния Российской Федерации. Участники референдума образуют инициативную группу по проведению референдума, которая должна состоять из региональных подгрупп, создаваемых более чем в половине субъектов РФ. В каждую региональную подгруппу инициативной группы по проведению референдума должно входить не менее 100 участников референдума, место жительства которых находится на территории того субъекта РФ, где образована региональная подгруппа. Гражданин (граждане) Российской Федерации, выдвинувший (выдвинувшие) предложение об образовании инициативной группы по проведению референдума, не позднее чем за пять дней до дня проведения собрания участников референдума для решения вопроса об образовании региональной подгруппы уведомляет (уведомляют) в письменной форме избирательную комиссию соответствующего субъекта РФ о месте и времени проведения собрания, а также о вопросе (вопросах) референдума.

Собрание региональной подгруппы правомочно, если в нем принимают участие не менее 100 человек, место жительства которых находится на территории того субъекта РФ, где проводится собрание. Подписи участников референдума в протоколе их регистрации на собрании региональной подгруппы удостоверяются нотариально.

Первое и единственное всероссийское голосование состоялось 12 декабря 1993 г., правовой основой его легальности явился Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 15 октября 1993 г. № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г.» [11]. Указом было также утверждено Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции. Однако вопрос легитимности Основного закона России до сих пор вызывает жаростные споры среди ученых-юристов. Обратившись к общеизвестным фактам, следует отметить, что в референдуме по принятию Конституции РФ участвовали 54,8% избирателей. Из них 58,4% проголосовали за новую Конституцию страны, против — 41,6% [12, с. 300]. Таким образом, она была фактически одобрена только третьей частью населения России.

По данным Национальной службы новостей, в референдуме участвовало 58 187 775 зарегистрированных избирателей (54,8%), большинство из которых — 32 937 630 (58,43%) проголосовали за принятие новой Конституции. Против принятия Конституции голосовали 23 431 333 чел. (41,6%). Основываясь на результатах проведенного референдума, ЦИК в постановлении «О результатах всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» от 20 декабря 1993 г. констатировала, что всенародное голосование по проекту Конституции следует считать состоявшимся и что Конституцию РФ следует считать признанной данным всенародным голосованием [13, с. 43]. Следовательно, даже Основной закон российского государства, обладающий наивысшей юридической силой, принятый в наиболее демократической форме — референдумом, не является отражением воли большинства народа и, соответственно, не может считаться легитимным.

Еще одной формой народного правотворчества является всенародное обсуждение законопроекта. Это позволяет гражданам непосредственно влиять

на содержание принимаемого закона. Институт всенародных обсуждений дает возможность как наиболее полно учесть всю совокупность интересов, подлежащих законодательному признанию, так и точнее разобраться в их структуре, состоянии сбалансированности, или согласованности. Использование в законодательной деятельности практики всенародных обсуждений в более широком плане характеризует демократизм государственной системы. Очевидно, что широкое обсуждение законопроектов способствует закреплению в законе согласованных интересов [14, с. 29].

Однако, возвращаясь к принятию Конституции РФ, следует констатировать, что и эта форма в нашем государстве используется только формально, так как проект Конституции был опубликован в средствах массовой информации 25 ноября 1993 г., а 12 декабря 1993 г. уже принят общероссийским референдумом.

Таким образом, вопрос о легитимности российского законодательства до настоящего момента остается насущным. Для его положительного решения необходимо активное использование всех форм участия населения в правотворчестве всех уровней власти. Необходимо активно использовать механизмы всенародных обсуждений наиболее важных законопроектов, что позволяет привести в действие положение, сформулированное в ст. 3 Конституции РФ [15]. Очевидно, что власть не просто принадлежит народу, он вправе в конституционных формах распоряжаться ею по своему усмотрению. При таком подходе категория «законодательная воля» будет точнее соответствовать общей воле, или согласованному интересу. Посредством всенародных обсуждений в законодательный процесс включается всенародное лобби, и тем самым ставится надежный заслон тем формам лоббизма, которые направлены на утверждение в законе групповых (корпоративных), узконаправленных интересов. Всенародные обсуждения дают возможность рассмотреть обсуждаемый закон с точки зрения его социальной пригодности, полезности, определить его способность решать реальные социальные проблемы, выявить, какие положения законопроекта волнуют граждан больше всего, на чем следует акцентировать внимание, какие изменения необходимо внести. Законодательный процесс становится прозрачным, свободным от конъюнктуры и намерений отдельных групп людей. Понятно, что эффективность всенародных обсуждений зависит от создания качественного и эффективного механизма учета высказанных пожеланий, рекомендаций. С технической стороны возможности компьютерных технологий позволяют успешно решать проблемы такого рода.

Что касается референдума, который представляет собой узаконенную форму прямого народного волеизъявления, важнейшее проявление демократии и легитимации права, следует констатировать, что в современной России его возможности как инструмента правотворчества остаются нераскрытыми. Нереализованным остается как правотворческий потенциал данного института, так и его возможности по стимулированию демократизации процессов.

Таким образом, представляется целесообразным законодательное закрепление не только перечня вопросов, по которым необходимо всенародное обсуждение, но и закрепление качественного и эффективного механизма учета высказанных пожеланий и рекомендаций, а также ответственности депутатов за качество принимаемых актов. Что же касается вопроса о легитимности российского законодательства, то для его положительного решения необходимо активное использование всех форм участия населения в правотворчестве всех уровней власти. Данные положения должны найти свое выражение в федеральном законе, детально регулирующем правотворческую процедуру, который необходимо принять в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Самара, 1999.
2. Селютина Е.Н., Матвеева Е.С. Актуальные проблемы формирования и развития российской государственности (обзор материалов научно-практического «круглого стола») // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4.
3. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001.
4. Джангирян Ж.Д. Легитимная государственная власть как гарант конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8.
5. Шаповал В.Н. О смыслах народного представительства // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2.
6. Щеголева Н.А., Борисов А.С. К вопросу об умалении права населения муниципального образования на правотворческую инициативу // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2013. № 4. С. 8–11.
7. Щеголева Н.А. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации. Орел, 2009.
8. Щеголева Н.А. Право на участие в управлении делами государства: понятие и ограничения // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 3. С. 114–116.
9. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
10. О референдуме Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/
11. О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 15 окт. 1993 г. № 1633. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9021403>
12. Куликов В.И. История государственного управления в России. М., 2003.
13. Бехтерев С.Л. Проблема легитимации национально-государственных образований в России в XX в. // История государства и права. 2013. № 8.
14. Юртаева Е.А. Нормативность законодательства: современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права. 2012. № 11.
15. Конституция Российской Федерации. М., 2014.

E.V. Afonina
Budgetary and Legal Mechanisms
for the Implementation
of Social Policies

The practice and prospects of budgetary and legal instruments application for public administration during the economic crisis are analyzed. The author pays special attention to measures to ensure the stability of social policy.

Key words and word-combinations: budget, Reserve Fund, social policy.

Анализируется практика и перспективы применения бюджетно-правовых инструментов государственного управления в период преодоления кризисных явлений в экономике. Особое внимание уделяется мерам по обеспечению стабильности социальной политики.

Ключевые слова и словосочетания: бюджет, Резервный фонд, социальная политика.

УДК 354
ББК 66.3(0),123

Е.В. Афолина

БЮДЖЕТНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Изменения в мировой и национальной экономике с неизбежностью находят свое отражение в бюджетной сфере. Кризисные экономические явления ставят под угрозу сохранение достигнутого уровня жизни, социальных гарантий, в связи с чем повышается актуальность разработки финансово-правовых механизмов, обеспечивающих устойчивость государственной политики при изменении экономических условий.

Полученный в последнее десятилетие опыт преодоления негативных экономических явлений должен быть использован для формирования эффективного правового регулирования с учетом возможного появления новых дестабилизирующих факторов. В период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. российское государство благодаря принятию комплекса антикризисных мер в совокупности с некоторыми другими факторами имело возможность в целом сохранить стратегический курс своего развития и продолжить движение к намеченным ранее целям. В этот период были предприняты усилия по обеспечению устойчивости финансовой системы, снижению бюджетного дефицита и масштабной реструктуризации бюджетных расходов, оптимизации налоговой системы [1]. Принятые меры позволили продолжить последовательную реализацию определившейся за предшествующие годы социальной политики и обеспечить финансирование социальных обязательств в полном объеме. Одним из факторов, определивших возможность не

снижать уровень социальных гарантий в кризисный период, стало наличие и эффективное использование финансовых резервов (Стабилизационный фонд [2, ст. 1, п. 75–76]; в дальнейшем — Резервный фонд, Фонд национального благосостояния). Бюджетным правом регулируются отношения, складывающиеся в процессе формирования, управления и использования данных фондов, причем средства фондов обособляются в общем объеме средств бюджета, подлежат отдельному учету, что позволяет выделить их в отдельную разновидность объектов бюджетных правоотношений. Выделение данной разновидности осуществляется вне рамок классификации объектов бюджетных правоотношений на доходы, расходы и источники финансирования дефицита бюджета, поскольку их правовой режим охватывает процессы и формирования, и расходования средств.

Положительный опыт функционирования указанных фондов приводит к выводу о целесообразности дальнейшего использования данного инструмента бюджетного управления. При этом механизмы функционирования подобных инструментов должны оперативно обновляться вслед за изменением финансовых показателей, от которых они зависят. В соответствии со ст. 96.9–96.10 Бюджетного кодекса РФ [3], Резервный фонд и Фонд национального благосостояния формируются за счет нефтегазовых доходов. Доходы от управления средствами фондов в течение года с 1 февраля 2016 г. будут напрямую направляться на финансовое обеспечение расходов федерального бюджета, а не пополнять соответствующие фонды [4]. Данная мера обусловлена ростом дефицита федерального бюджета, на котором отразилось резкое снижение цен на нефть в 2015 г., а также рядом других факторов, в том числе внешнеполитических. В связи с этим увеличилась потребность в использовании средств Резервного фонда, и в настоящее время высказывается мнение, что они могут быть исчерпаны к 2017 г. [5]. Однако полный отказ от Резервного фонда без создания альтернативных резервов даже в неблагоприятных экономических условиях представляется нецелесообразным, поскольку такая мера может привести к нарушению последовательности и снижению социальной ответственности государственной политики. Фонд национального благосостояния предназначен для обеспечения софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан Российской Федерации, а также обеспечения сбалансированности (покрытия дефицита) бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации. Указанные цели функционирования фонда свидетельствуют о том, что его уменьшение и тем более упразднение при отсутствии иных механизмов софинансирования приведет к снижению достигнутого уровня социальных гарантий.

Одной из важнейших задач публичной финансовой деятельности в сфере формирования и исполнения бюджетов является обеспечение минимальных социальных стандартов, то есть гарантированного предоставления гражданам установленного минимума социальных услуг. В настоящее время данное понятие изъято из бюджетного законодательства, и частично его функциональная нагрузка была воспринята категорией расходных обязательств. Однако понятие расходных обязательств является более широким, а расходные обя-

зательства в социальной сфере законодательно не выделены и имеют единый правовой режим с иными расходными обязательствами. При этом следует отметить, что расходные обязательства в социальной сфере обладают повышенной общественной значимостью и должны иметь приоритетное значение при формировании бюджетных расходов. В связи с этим представляется актуальной разработка механизмов особого правового регулирования расходных обязательств в социальной сфере, для которых в последнее десятилетие сложилось устоявшееся наименование — социальные обязательства государства и муниципальных образований.

В последние два года, несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку, высшие органы власти Российской Федерации продолжают декларировать намерения по сохранению и выполнению социальных обязательств. В Послании Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г. В.В. Путин ставит выполнение социальных обязательств в качестве исходного положения, определяющего дальнейшую деятельность: «Чтобы безусловно реализовать все наши планы, выполнить все основные социальные обязательства государства, сформулированные еще в указах президента в мае 2012 года, необходимо ответить на вопрос, что мы будем делать в экономике, в финансах, в сфере социального развития, и, главное, каким будет наш стратегический курс» [6]. В Послании от 3 декабря 2015 г. Президент вновь напоминает об обязательствах, зафиксированных в майских указах 2012 г. и отмечает, что «при текущих сложностях ответственность за благополучие людей только повышается» [7]. В начале 2015 г. Правительством РФ был утвержден План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г., в соответствии с которым в 2015 г. большинство категорий расходов должно быть сокращено на 10%, в первую очередь за счет неэффективных затрат, «при этом должно быть полностью обеспечено исполнение обязательств социального характера, что потребует выделения дополнительных бюджетных ассигнований» [8].

Тезис о сохранении и выполнении социальных обязательств в динамично меняющихся экономических условиях стал основополагающим в социальной политике России как в период экономического кризиса 2008—2009 гг., так и в непростых условиях 2014—2015 гг., однако до сих пор он фиксировался только в подзаконных актах и программных документах и не получил законодательного закрепления, что не соответствует его возрастающей значимости. В качестве одного из инструментов решения данного вопроса в юридической науке высказывается предложение вернуть в Бюджетный кодекс РФ имевшее опыт применения в 1990-е годы понятие защищенных статей: «Реконструкция в бюджетном законодательстве понятия защищенных статей бюджетных расходов и механизма их реализации стала бы последовательным воплощением в жизнь конституционного принципа социального государства в целом и принципа социальной направленности финансово-правового регулирования в частности» [9, с. 89].

Положение о финансировании социальных обязательств в полном объеме

по своей природе представляет собой правовой принцип, который должен быть положен в основу осуществления бюджетных расходов в социальной сфере. Иными словами, это одно из основных начал, определяющих правовой режим такого объекта бюджетных правоотношений, как расходы в социальной сфере. При этом в силу системности бюджетных расходов, действие данного принципа оказывает влияние и на формирование других бюджетных расходов и в целом имеет значение для всей бюджетной системы, поскольку является выражением общей направленности и целей ее правового регулирования. Данный принцип вытекает из общего смысла конституционного и бюджетного законодательства, в частности таких конституционных положений как приоритет прав и свобод человека и гражданина, принцип социального государства, государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан. Положение о финансировании социальных обязательств в полном объеме является одним из способов реализации в бюджетной сфере общеправового принципа социальной справедливости, выражающего «общесоциальную сущность права, поиск социального компромисса в ходе реализации правоотношений» [10, с. 56]. Рассматриваемое положение в целом соответствует провозглашаемым направлениям финансовой деятельности государства, а также согласуется с ведущимися фундаментальными научными разработками, такими как применение антропосоциокультурного подхода в праве, предполагающего исследование правовых явлений с точки зрения их значения для человека как исходной причины и смысла их возникновения и существования [11].

Отсутствие конкретной формулировки указанного принципа в действующем законодательстве приводит к тому, что его реализация отличается неустойчивостью и отсутствием четкой системы. Ввиду вышеизложенного представляется целесообразным дополнить перечень принципов бюджетной системы Российской Федерации принципом финансирования социальных обязательств в полном объеме и включить в текст Бюджетного кодекса РФ следующее определение: «Принцип финансирования социальных обязательств в полном объеме означает сохранение объемов финансирования расходов, необходимых для обеспечения поддержания достигнутого уровня социальных гарантий, в том числе в случае общего сокращения расходов бюджета».

Примером реализации принципа финансирования социальных обязательств в полном объеме можно считать продление действия подпрограммы «Совершенствование социальной поддержки семьи и детей» государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [12], предусматривающей выплату материнского капитала семьям, имеющим двух и более детей. В Послании Президента РФ от 3 декабря 2015 г. было выдвинуто предложение о продлении не менее чем на два года действия государственной программы поддержки семей, имеющих детей. Данное предложение одобрено законодателем путем принятия Федерального закона №433-ФЗ [13], установившего выплату материнского капитала в правоотношениях, возникших в связи с рождением ребенка в период до 31 декабря 2018 г. Программный метод финансирования тех или иных мероприятий предполагает ограничение

срока их действия. Однако в стратегической перспективе прекращение срока действия государственной программы по предоставлению тех или иных социальных гарантий должно быть оправдано изменением ситуации в данной сфере в целом или компенсировано иными механизмами поддержания уровня социальных гарантий.

Необходимость законодательного закрепления указанного принципа обусловлена его значимостью для последовательной реализации социальной политики и воплощения идеи социального государства и принципа социальной справедливости. Кроме того, закрепление приведенного положения в Бюджетном кодексе РФ должно повлечь определенные изменения в регулировании правового режима бюджетных средств, в том числе упомянутое введение защищенных статей расходов, а также иных правовых инструментов. Детальная разработка правовых средств реализации принципа финансирования социальных обязательств в полном объеме должна стать предметом дальнейших научных разработок.

Библиографический список

1. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год (утв. Правительством РФ) // Российская газета. 2009. № 48.
2. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 26 апр. 2007 г. №63-ФЗ (в ред. от 29 нояб. 2014 г.) // СЗ РФ. 2007. № 18. Ст. 2117; СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6664.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 № 145-ФЗ (с изм. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2015. № 29, ч.1. Ст. 4343.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2016 год»: Федер. закон от 3 нояб. 2015 г. № 301-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2015 г.) // СЗ РФ. 2015. № 45. Ст. 6202; СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 1. Ст. 26.
5. *Кривошапко Ю.* Силуанов: Резервный фонд к 2017 году будет исчерпан. URL: <http://rg.ru/2015/10/27/rezervi-site.html>
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 дек. 2014 г. // Российская газета. 2014. № 278.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 дек. 2015 г. // Российская газета. 2015. № 275.
8. Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году: распоряжение Правительства РФ от 27 янв. 2015 г. № 98-р (в ред. от 16 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 2015. № 5. Ст. 866; СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4625.
9. *Беликов Е.Г.* Становление Российской Федерации как социального государства: финансово-правовые аспекты / под ред. Е.В. Покачаловой. М., 2015.
10. *Беликов Е.Г., Беликова А.В.* Общие принципы права в социально ориентированной финансовой деятельности государства // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53). С. 56–62.
11. *Гаврилюк Р.А.* Антропосоциокультурный код налогового права. Кн. 1: Истоки налогового права. Черновцы, 2014.
12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная

поддержка граждан»: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 296 // СЗ РФ. 2014. № 17. Ст. 2059.

13. О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: Федер. закон от 30 дек. 2015 г. № 433-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 1. Ст. 53.

O.A. Gracheva
The Concept and the Essence of the
Prosecutor's Check in the Pretrial
Proceedings

The concept and the essence of the prosecutor's checks, their properties and value in the pretrial proceedings in criminal cases are analyzed. Special attention is given to the specific characteristics and distinctive features characterizing the prosecutor checks at pretrial stages of the criminal process.

Key words and word-combinations: criminal process, pretrial proceedings, prosecutor's checks.

Анализируются понятие и сущность прокурорской проверки, ее свойства и значение в досудебном производстве по уголовным делам. Особое внимание автор уделяет специфическим особенностям и отличительным чертам, характеризующим прокурорские проверки на досудебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова и словосочетания: уголовный процесс, досудебное производство, прокурорские проверки.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

О.А. Грачёва

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ
ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ
В ДОСУДЕБНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ

Проведение прокурором проверок является основным способом выявления нарушений действующего законодательства. Согласно статистическим данным о деятельности органов прокуратуры Российской Федерации только за январь—декабрь 2015 г. в ходе осуществления надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства путем прокурорских проверок выявлено около 500 тысяч случаев нарушения закона [1]. Однако ни понятие, ни порядок, ни форма, ни сроки прокурорских проверок в действующем законодательстве не закреплены.

На необходимость нормативно-правового регулирования понятия прокурорской проверки, сроков ее проведения, прав лиц, участвующих в прокурорской проверке, составления итогового документа по результатам проверки уже неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ. В своих постановлениях от 18 февраля 2000 г. № 3-П и от 17 февраля 2015 г. № 2-П Конституционный Суд РФ указал на необходимость принятия закона, который бы урегулировал

процедуры прокурорских проверок, а также установил сроки принятия решения об ознакомлении с материалами проверки, поводы для начала, порядок, сроки и пределы проведения прокурорских проверок. Законодательно было реализовано только предписание, обозначенное в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П, об установлении сроков принятия решения об ознакомлении с материалами проведения прокурорской проверки [2]. Остальные вопросы о понятии, сроках, порядке, поводе и пределах проведения проверок, а также сроках исполнения предписаний прокуроров законом не разрешены. Кроме того, нет определенности по данным категориям и в научной литературе. Многие авторы дают определение и анализируют так называемые общенадзорные проверки, в то время как прокурорские проверки в досудебном производстве по уголовным делам предметом отдельного самостоятельного научного исследования не являлись, в связи с чем их определение не приводилось.

Проверка в целом как самостоятельное явление — это всегда комплекс мер, направленный на установление соответствия чего-либо предъявляемым требованиям [3, с. 167; 4, с. 131]. В теории прокурорского надзора понятие проверки зачастую отождествляется с прокурорским надзором [5, с. 23; 6; 7, с. 9], что подчеркивает особую значимость данного рода деятельности прокурора. При анализе научной литературы можно выделить две основных группы точек зрения на определение прокурорской проверки. Первая группа авторов определяет прокурорскую проверку как широко используемое на практике полномочие прокурора по надзору за точным и единообразным исполнением законов должностными лицами, метод осуществления высшего надзора [8, с. 105, 106, 122]. Вторая группа авторов относит прокурорские проверки к разновидности средств прокурорского надзора по выявлению нарушений закона [9, с. 140—145; 10; 11, с. 89—93]. Стоит согласиться с обоснованным мнением Е.Р. Ергашева и А.А. Фирсовой о том, что прокурорская проверка это «правовое средство прокурора, представляющее собой совокупность взаимосвязанных интеллектуальных, организационных, технических, управленческих действий» [12].

Однако в уголовном процессе прокурорская проверка исполнения закона имеет свои специфические черты и отличительные особенности. Согласно ст. 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [13] полномочия прокурора при осуществлении надзора в досудебном производстве регламентированы УПК РФ. В соответствии со ст. 21 УПК РФ [14] прокурор является основным субъектом, на которого возложена обязанность по осуществлению уголовного преследования. Подчеркивается роль прокурора как лица, осуществляющего уголовное преследование в досудебном производстве, и в международном законодательстве. В соответствии с п. 2 Рекомендации N R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» «во всех системах уголовного правосудия прокуроры: решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования; поддерживают обвинение в суде; могут обжаловать или давать заключения по жалобам на все или некоторые решения суда» [15, с. 65—70].

Возложение на прокурора обязанности по осуществлению уголовного преследования делает одной из основных его задач в досудебном производстве установление целесообразности и возможности осуществления уголовного преследования, в том числе и с целью защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. При этом в досудебном производстве прокурор осуществляет уголовное преследование не путем самостоятельного его возбуждения, а опосредованно путем надзора за законностью возбуждения уголовных дел и осуществления уголовного преследования органами расследования. В связи с этим можно согласиться с мнением А.Ю. Чуриковой о том, что «уголовное преследование является изобличающей деятельностью, направленной в отношении определенного лица, и осуществляется прокурором как непосредственно ..., так и опосредованно — путем надзора за соблюдением уголовно-процессуального закона» [16, с. 77]. Эта особенность предопределяет важную отличительную черту проверок исполнения законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, от общенадзорных проверок: прокурор при проведении досудебной проверки по уголовным делам выступает не как сторонний наблюдатель, а как непосредственный участник.

Следующей особенностью, определяющей сущность прокурорской проверки в досудебных стадиях уголовного процесса, является ее метод. В основе деятельности прокурора по проведению проверок в досудебном производстве по уголовным делам лежит метод постоянного наблюдения. Так, Ш.М. Абдул-Кадыров указывает, что прокурорский надзор имеет характер постоянного наблюдения за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам [17]. Данный метод красной линией прослеживается в правовой регламентации полномочий прокурора в уголовном процессе, начиная от создания органов прокуратуры и до настоящего времени. В связи с этим стоит согласиться с мнением Е.Г. Лиходаева, что «в новых условиях изменения полномочий прокурора в стадиях досудебного производства, сущность его надзорной деятельности, основанная на методе постоянного наблюдения, остается неизменной» [18, с. 105—108].

Использованием метода постоянного наблюдения для проведения прокурорских проверок как основного обусловлены отличительные от общенадзорных особенности повода и основания для проведения прокурорских проверок в уголовном процессе. В соответствии с положениями ст. 30 Федерального закона «О Прокуратуре Российской Федерации» и ст. 37 УПК РФ прокурорские проверки в досудебном производстве проводятся вне зависимости от наличия или отсутствия повода для их проведения, носят регулярный характер и их проведение является обязательным для прокурора.

Специфической чертой досудебной прокурорской проверки также является процессуальная форма ее проведения. Согласно ст. 30 Закона «О Прокуратуре Российской Федерации» «полномочия прокурора по надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации», то есть в установленной уголовно-процессуальным законом форме.

Уголовно-процессуальная форма — это порядок и условия совершения отдельных процессуальных действий и их совокупности, официального закрепления их хода и результатов, установленных законом [19, с. 49]. Согласно постулатам уголовного процесса субъектам уголовного судопроизводства — государственным органам и должностным лицам разрешено делать только то, что прямо указано в уголовно-процессуальном законе, то есть прокурорская проверка осуществляется в строго установленном уголовно-процессуальным законом порядке, прокурор вправе осуществлять лишь предоставленные ему законом полномочия и обязан документировать проводимую им проверку.

Кроме того, предмет деятельности прокурора по осуществлению прокурорских проверок в досудебном производстве по уголовным делам специфичен и представляет собой исполнение уголовно-процессуального законодательства компетентными государственными органами и должностными лицами, а именно органами дознания, дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органами предварительного следствия, следователем, руководителем следственного органа.

Рассмотренные отличительные признаки, характеризующие сущность прокурорской проверки в досудебном производстве по уголовным делам, позволяют дать ее определение. Прокурорская проверка в досудебном производстве по уголовным делам — это осуществляемая в строго установленном законом порядке с использованием метода постоянного наблюдения деятельность прокурора по оценке соответствия деятельности (действий / бездействия и их результатов) органов дознания (дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания) и предварительного следствия (следователя, руководителя следственного органа) в рамках досудебного производства требованиям федерального законодательства, а также по установлению целесообразности и возможности осуществления уголовного преследования с целью защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

По результатам социологического исследования методом анкетирования среди прокурорских работников прокуратур Саратовской, Пензенской, Волгоградской, Кировской и Ульяновской областей ($N = 200$), проведенного автором в период с апреля 2015 по февраль 2016 г., абсолютное большинство прокуроров (73,7%) считает, что в УПК РФ требуется закрепление понятия «прокурорская проверка исполнения закона» с четким определением ее правового регулирования (процедуры, сроков и способов проведения) в досудебном производстве. При этом 91,2% из 200 опрошенных прокурорских работников считают, что необходима единая (унифицированная) форма прокурорских проверок.

Прокурорские проверки в сфере уголовного судопроизводства имеют особое значение, так как именно в уголовном процессе происходит наиболее острое вторжение в различные области жизни человека. Быстрое реагирование на любое сообщение о совершенном либо готовящемся преступлении, своевременное, всестороннее и полное расследование уголовного дела являются

залогом защиты прав потерпевших и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В таких условиях деятельность прокурора, направленная на оперативное выявление и пресечение нарушений действующего законодательства играет особенно важную роль в борьбе с преступностью и защите прав граждан. В связи с изложенным полагаем необходимым закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве понятия прокурорской проверки и процедуры ее проведения.

Библиографический список

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2015 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/950073/>
2. О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 2 июля 2013 г. № 156-ФЗ // Российская газета. 2013. 5 июля, № 145.
3. *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка Дмитриева. М., 2003.
4. Энциклопедический словарь экономики и права. URL: <http://slovo.yaxy.ru/96.html>
5. *Козлов А.* О пределах общего надзора // Социалистическая законность. 1976. № 6.
6. *Ахетова О.С.* Прокуратура и прокурорский надзор. URL: <http://www.be5.biz/pravo/paos/01.htm>
7. *Винокуров Ю.Е.* Прокурорский надзор: учебник. М., 2011.
8. Прокурорский надзор в СССР / под ред. Б.А. Галкина. М., 1982.
9. *Синельников Ю.П.* Правовые средства прокурорского надзора // Настольная книга прокурора / под ред. С.И. Герасимова. М., 2003.
10. *Кушир И.В.* Прокурорский надзор. URL: <http://www.be5.biz/pravo/p003/03.htm>
11. *Ломовский В.Д.* О понятии и содержании прокурорской проверки // Правоведение. 1988. № 5.
12. *Ерғашев Е.Р., Фирсова А.А.* К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки // Российский юридический журнал. 2013. № 1. [Электронный ресурс] Доступ из СПС «Гарант».
13. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 28 нояб. 2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 мая 2016 г., с изм. от 23 июня 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
15. Рекомендация N R(2000)19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» (принята Комитетом министров Совета Европы 6 окт. 2000 г. на 724-м заседании представителей министров) // Журнал российского права. 2001. № 8.
16. *Чурикова А.Ю.* О деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // Судебная система и гражданское общество России: материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2015.
17. *Абдул-Кадыров Ш.М.* Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4.
18. *Лиходаев Е.Г.* Деятельность прокурора по надзору за регистрацией сообщений о преступлениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 6 (52).
19. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

K.S. Morkovskaya
The Introduction of Mediation
Procedures as a Means to Improve the
Efficiency of Enforcement Proceedings

The introduction of mediation procedures in the enforcement proceedings is analyzed. Legislation gaps in the application of mediation at runtime are identified. The author describes the conflicts in and suggests specific changes to the current legislation.

Key words and word-combinations: enforcement proceedings, mediation procedures, mediation.

Анализируется внедрение медиативных процедур в исполнительное производство. Выявляются пробелы законодательства в отношении применения медиации на этапе исполнения. Автором рассмотрены коллизии и предложены изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова и словосочетания: исполнительное производство, медиативные процедуры, медиация.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

К.С. Морковская

ВНЕДРЕНИЕ
МЕДИАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР
КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА

Из анализа тенденций развития российского законодательства можно сделать вывод о движении законодателя в направлении включения расширенного набора примирительных процедур в систему законодательства. Включение процедур медиации в качестве механизмов реализации положений законов Российской Федерации, предусматривающих возможность примирения сторон, закреплено в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007—2012 гг.». Пришедшая ей на смену Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013—2020 гг.» не содержит прямого указания на примирительные процедуры, однако можно сделать вывод о логическом продолжении вектора, заданного первой программой. Использование медиации остается одним из приоритетов законодателя, что указывалось и в послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. [1].

В правовых системах мира действует порядка 20 альтернативных способов урегулирования споров: переговоры, мини-процесс (mini-trial), посредничество (mediation), посредничество-арбитраж (med-arb), комиссии по рассмотрению споров (dispute review boards) и другие. Культура урегулирования споров является важной частью правовой культуры государства.

Медиация — это особый внеюрисдикционный способ урегулирования правового спора между сторонами с помощью услуг нейтрального посредника, который помогает участникам конфликта изложить свою позицию, услышать и понять позицию второй стороны, прийти к взаимовыгодному компромиссному решению с наименьшим уровнем как материальных, так и моральных потерь [2]. Теоретически можно выделить ряд преимуществ медиации по сравнению с другими способами урегулирования правовых споров: высокая скорость процесса; простота; получение решения, выгодного для обеих сторон; сохранение деловых / партнерских отношений и другие.

Ценность процедуры медиации наиболее ярко прослеживается в предпринимательских отношениях, что подчеркнул Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении, закрепив обязанность арбитражного суда при рассмотрении дела принимать меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах [3].

Важным практическим ходом вместе с закреплением в процессуальном законодательстве возможности применения примирительных процедур для разрешения возникающих конфликтов стало принятие Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) [4]. Как отмечал еще до принятия Закона о медиации Г.В. Севастьянов, «принципиальная важность разработки закона о посредничестве (медиации) состоит в том, что его принятие будет способствовать более активному использованию этого института саморегулирования гражданского общества при урегулировании конфликтов» [5].

Закон о медиации предназначен для урегулирования споров в досудебном порядке, равно как и для применения примирительных процедур во время судебного процесса. Так, среди задач подготовки дела к судебному разбирательству также выделяют задачу примирения сторон, которая является обязательным элементом указанной стадии гражданского процесса [6]. В свою очередь, в отличие от судов, перед судебным приставом-исполнителем (далее — СПИ) не ставится задача примирения сторон и содействия им в урегулировании между ними споров. Однако считаем возможным рассмотреть использование предусмотренных Законом о медиации процедур и для урегулирования спора в исполнительном производстве. Именно в процессе исполнения юрисдикционного акта между сторонами могут сложиться условия для достижения договоренностей. Взаимные уступки, на которые стороны могут пойти на данном этапе, естественно, имеют отличия от мирных договоренностей до вынесения судебного постановления. Это продиктовано фактическим разрешением спора по существу.

До вынесения решения по существу у каждой из сторон есть свои представления о материальных благах, которые им принадлежат или должны принадлежать. Абстрактная возможность отстоять свое право у потенциально проигрывающей стороны не дает ей ни объективно оценить последствия будущего судебного акта, ни вести плодотворные переговоры с оппонентом. После вынесения решения первоначальные цели и задачи проигравшей сторо-

ны меняются, вследствие чего может измениться и позиция как взыскателя, так и должника относительно удовлетворения уже подтвержденного органом судебной власти требования взыскателя. Само исполнительное производство как вид правоприменительной деятельности бесспорно. Спор о праве уже разрешен судом, и существует судебный акт, определяющий права и обязанности сторон. Поэтому в исполнительном производстве предметом урегулирования с участием медиатора являются не разногласия сторон по существу спора, а вопросы, направленные на обеспечение исполнения решения [7].

Ученые-процессуалисты в своем большинстве сошлись во мнении о возможности медиации в исполнительном производстве [8, с. 80]. Заключение до окончания исполнительного производства между взыскателем и должником мирового соглашения, соглашения о примирении, утверждаемых судом, предусмотрено ст. 50 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [9]. Прямое противоречие устранено в 2015 г., когда в п. 1 ст. 50 слова «мировое соглашение, утверждаемое» заменили словами «мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые» [10]. Отметим, что следует четко разграничивать медиативное соглашение и мировое соглашение, заключенное по нормам ГПК РФ даже при участии медиатора. Утвержденное мировое соглашение в случае его неисполнения подкреплено принудительной силой государства, чего нет и не может быть по природе вещей в отношении медиативного соглашения [11].

В свою очередь по Закону о медиации процедура медиации применяется для урегулирования споров о праве. Ввиду оговоренной ранее бесспорности исполнительных процессуальных правоотношений возникает конфликт правовых норм. Видится целесообразным дополнить п. 2 ст. 1 Закона о медиации словами «а также к бесспорным отношениям в исполнительном производстве». Закрепление права сторон на заключение мирового соглашения на стадии принудительного исполнения судебных актов может свидетельствовать о праве урегулирования уже разрешенного спора на условиях, отличных от положений, содержащихся в резолютивной части судебного акта, руководствуясь исключительно собственным интересом. Единственное ограничение — такие условия не должны противоречить закону и затрагивать права других лиц.

Е.И. Носырева считает: «...в связи с тем что в исполнительном производстве существует вероятность нарушения таких прав (не случайно процессуальными Кодексами предусмотрена отдельная регламентация защиты прав других лиц при исполнении судебных актов), процедура медиации может оказаться неприменимой либо потребуются привлечение этих лиц с их согласия и согласия сторон к процедуре медиации» [7].

Множественность лиц в правоотношении может затруднить процесс переговоров. Чем больше лиц участвует, тем сложнее сторонам учесть все пожелания и позаботиться о правах всех участвующих. Основополагающими началами медиации являются сотрудничество сторон и добровольность. Взаимная заинтересованность, сотрудничество проявляются как составляющие добросовестности в гражданских процессуальных правоотношениях. В.М. Семенов указывал: «Добросовестность сторон и других участников дела создает

атмосферу сотрудничества их с судом» [12, с. 99]. Понятно, что это утверждение применимо и для сторон в исполнительных процессуальных правоотношениях.

Однако российским законодательством не предусмотрен механизм, заставляющий недобросовестную сторону исполнить медиативное соглашение [13, с. 209], что, несомненно, является минусом. Кроме того, отсутствует правовая регламентация периода, когда стороны заявили о готовности добровольно исполнить судебный акт, но при определенных обстоятельствах, которые не зависят от непосредственных участников исполнительного производства. Если стороны заявят о желании договориться, срок исполнительного производства автоматически не приостанавливается. Также не откладываются исполнительные действия и применение мер принудительного исполнения.

В ст. 39–40 Федерального закона «Об исполнительном производстве» не содержится основание, предусматривающее право СПИ или суда приостановить исполнительное производство для заключения сторонами мирового соглашения. Согласно ст. 38 Закона «Об исполнительном производстве» СПИ вправе отложить исполнительные действия и применение мер принудительного исполнения по заявлению взыскателя или по собственной инициативе на срок не более десяти дней. Помимо этого, СПИ обязан отложить исполнительные действия и применение мер принудительного исполнения на основании судебного акта, а также в иных случаях, предусмотренных законом. Однако законом прямо предусмотрен лишь один случай отложения, это ст. 87.1 — «при поступлении от должника ходатайства о самостоятельной реализации имущества, стоимость которого не превышает 30 000 рублей, СПИ выносит постановление об отложении применения мер принудительного исполнения».

Обстоятельства, являющиеся основанием для отложения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, в отличие от приостановления исполнительного производства, устранимы в конкретный срок. Срок отложения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения должен быть установлен с учетом сроков на гражданское судопроизводство (ст. 154 ГПК РФ), исполнительное производство (ст. 36 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), процедуру медиации (ст. 13 Закона о медиации). Таким образом, в постановлении СПИ или определении соответствующего суда должна быть указана конкретная дата, до которой производится отложение. Такое указание, в отличие от приостановления, побудит стороны и медиатора совершить необходимые действия и завершить процедуру медиации до установленной даты.

В постановлении / определении об отложении указываются конкретные исполнительные действия или меры принудительного исполнения, что автоматически не запрещает СПИ совершать иные исполнительные действия или применять иные меры принудительного исполнения. Данное положение служит гарантией для взыскателя в случае негативного исхода примирительной процедуры.

Процедура медиации прекращается либо в связи с заключением медиативного соглашения (п. 1 ст. 14 Закона о медиации), либо в связи с обстоятель-

ствами, которые препятствуют дальнейшему проведению процедуры (п. 2–5 ст. 14 Закона о медиации).

В настоящее время не все ясно даже с уже зарекомендовавшей себя процедурой — заключением мирового соглашения. Согласно ст. 439 ГПК РФ мировое соглашение, заключенное в исполнительном производстве, утверждается судом. Поскольку ГПК РФ не устанавливает порядок и срок рассмотрения судом вопроса об утверждении мирового соглашения на стадии исполнительного производства, соответственно, суды исходят из общего смысла гражданско-процессуальных норм, заявление об утверждении мирового соглашения рассматривается в порядке, предусмотренном ст. 203 ГПК РФ.

Однако на практике нередко возникают спорные ситуации [14]. Некоторые судьи оставляют заявление об утверждении мирового соглашения без движения со ссылкой на ст. 131–132 ГПК РФ. Но, поскольку заявление об утверждении мирового соглашения не является по своей природе исковым, видится, что ссылка судьи на нарушение ст. 131, 132 ГПК РФ в обоснование определения об оставлении без движения, является необоснованной.

Возвращаясь к процедуре медиации, отметим, что для нормального ее функционирования в исполнительном производстве необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство об исполнительном производстве, о медиации. Во-первых, видится целесообразным дополнить ч. 2 ст. 1 Закона о медиации словами «а также к бесспорным отношениям в исполнительном производстве». Во-вторых, закрепить обязанность СПИ по разъяснению сторонам исполнительного производства их права обратиться в целях урегулирования спора за содействием к посреднику, в том числе к медиатору, в порядке, установленном федеральным законом, и последствий совершения таких действий. В-третьих, дополнить ст. 38 Федерального закона «Об исполнительном производстве» пунктом 2.1 «Судебный пристав-исполнитель обязан отложить исполнительные действия и применение мер принудительного исполнения по письменному заявлению взыскателя и должника о намерении заключить мировое соглашение, соглашение о примирении на срок, не превышающий 10 дней».

Библиографический список

1. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12 дек. 2012 г. // Российская газета. 2012 г. 13 дек, № 287.
2. Медиация в сфере исполнительного производства или На вооружении новые методы работы // Новости ФССП России. URL: <http://fssprf.ru/news/133210-mediatsiya-v-sfere-ispolnitelnogo.html>
3. О примирении сторон в арбитражном процессе: Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9, сент.
4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2013 г.) // СЗ РФ. 2010 г. № 31. Ст. 4162; 2013. № 30, ч. 1. Ст. 4066.
5. *Севастьянов Г.В.* Законопроект о посредничестве (медиации) в его поэтапном и диалектическом развитии // Третейский суд. 2006. № 6.

6. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 (в ред. от 9 февр. 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 9, сент.

7. *Носырева Е.И.* Медиация в исполнительном производстве // Принудительное исполнение актов судов и иных организаций в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей): проблемные аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции (4–8 июня 2012 г., г. Воронеж) / отв. ред. Д.Х. Валеев, А.О. Парфенчиков. М., 2013.

8. *Львова О.А., Ракитина Л.Н.* Медиация (посредничество) в исполнительном производстве // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М., 2009.

9. Об исполнительном производстве: Федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 1 мая 2016 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1393.

11. Интернет-интервью с Ц.А. Шамликашвили, президентом Национальной организации медиаторов: «Медиация и суд: соотношение судебной защиты прав и реализация их в процедуре медиации». URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/shamlikashvili4/>

12. *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982.

13. *Соловьева С.В., Филиппов В.В.* Медиация в сфере исполнительного производства: европейский опыт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2).

14. Определение Приморского краевого суда от 16 сент. 2015 г. по делу № 33-8421/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/RU127L0iQurQ/>

I.A. Zaytseva
**The Youth Social Potential Formation
as a Strategic Priority of the State
Youth Policy in Conditions of a Small
Town**

The contemporary Russian youth as an object of socialization and self-fulfillment in a small city is considered. The multidimensional characteristic of the modern youth's social potential is presented and its basic development patterns are revealed. The main principals and essential concepts of the state youth policy in the context of formation and implementation of youth potential in a small city are grounded. Results of the authorial research conducted in Yelets, Lipetsk Region, are presented.

Key words and word-combinations:
youth socialization, social potential, the state youth policy, Lipetsk Region.

Рассматривается современная российская молодежь как объект социализации и самореализации в условиях малого города. Представлена многоаспектная характеристика социального потенциала современной молодежи, раскрываются основные направления его формирования. Обоснованы принципы и концептуальные положения государственной молодежной политики в контексте формирования и реализации социального потенциала молодых людей в условиях малого города. Приводятся результаты авторского социологического исследования в г. Ельце Липецкой области.

Ключевые слова и словосочетания:
социализация молодежи, социальный потенциал, государственная молодежная политика, Липецкая область.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

И.А. Зайцева

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МАЛОГО ГОРОДА

В современном российском обществе изучение проблем социализации молодежи в условиях малого города имеет важное теоретическое и практическое значение. Сложные и противоречивые социально-политические процессы, протекающие в России, воздействуют на ее социокультурные устои. Меняются ценности, убеждения, потребности, представление о престиже, возникают совершенно иные социокультурные идентификации. В этих условиях социальные процессы наибольшее выражение получают в крупных городах, где достигается высокий уровень концентрации разнообразных видов деятельности. Поэтому большие города, их проблемы привлекают внимание исследова-

телей. Между тем, на наш взгляд, особый интерес для России представляют малые города, имеющие значительный удельный вес в российском городском пространстве. Обладая особой экономической, социальной, демографической, экологической, культурной организацией, они являются своего рода основой социального пространства, обеспечивающей его целостность. Несмотря на односторонность производственной базы, социальной инфраструктуры, коммуникационную отсталость, усугубляемые влиянием региональной политической и экономической элиты, стремящейся направить процесс развития в русло своих корпоративных интересов, именно здесь, в провинции, в известной степени сохраняются национальная культура, культурные традиции.

Характеристику особенностям малого города дал А.В. Мудрик, выделив следующие признаки: «количество жителей (до 50 тыс.); наличие исторического прошлого, превышающего столетний минимум; занятость населения в несельскохозяйственных сферах; специфический социально-психологический климат» [1, с. 44–45]. Н.Ю. Деткова называет такие его признаки, как «территориальная удаленность от центра; невысокий уровень развития городской среды; наличие особого уклада жизни (ориентация на спокойную тихую жизнь, консерватизм, медленный ритм); преобладание личностных отношений и наличие прочных коммуникативных связей; тесная связь с природой и сельской жизнью; наличие специфического духовного пространства, порождаемого ментальностью жителей» [2, с. 11]. И.П. Бахтина к основным особенностям малого города относит «высокий образовательный и культурный уровень населения, достаточное и стабильное финансовое обеспечение социально-культурной деятельности, опережающий характер инноваций в сфере образования и др.» [3, с. 6].

Молодежь в условиях малого города имеет специфические условия для социализации, что позволяет говорить о ней как об особой статусной группе, имеющей свои особенности социального развития и ценностных ориентаций, на формирование которых оказывает влияние социокультурная среда провинции.

Каковы же особенности социализации студенческой молодежи в условиях малого города? Исследование, проведенное в ЕГУ им. И.А. Бунина, позволило их выявить. Опрос проводился в форме раздаточного анкетирования. Генеральная совокупность — обучающиеся по очной форме в ЕГУ им. И.А. Бунина ($N = 2784$). Общий объем выборки — 400 респондентов (40% юношей и 60% девушек). Возраст респондентов от 15 до 30 лет (подавляющая часть — 92% выборки — в возрасте от 17 до 24 лет). 88% респондентов обучаются на бюджетных местах, 12% — на местах с оплатой стоимости обучения. Для опроса студентов была спроектирована многоступенчатая выборка по следующим признакам: институт, курс, пол.

Молодежи, получившей первичную социализацию в семье и школе, а затем реализовавшей вторичную социализацию в сложных условиях трансформирующейся России, в условиях изменения инструментальных и базисных ценностей, норм, идеалов, в известной мере свойственна мозаичность ценностных ориентаций, их подвижность, противоречивость: наряду с сохранением преемственности с традиционными ценностями и ценностными системами

предшествующих поколений можно отметить и появление новых установок, не известных ранее особенностям массового сознания молодых.

Какие же цели ставит перед собой провинциальная молодежь? Среди приоритетных личных целей молодые люди выбирают семейное счастье (68%), карьеру (52%), стать квалифицированным специалистом (38%), свободу и независимость в поступках (38%), возможность реализовать свой талант (23%), богатство (22%), принести пользу стране (16%), власть (5%), славу (4%). Стремление молодых людей в провинции к карьере, высокому положению в обществе, общественному признанию является своеобразным ответом на снижение уровня жизни, рост социального неравенства, ограничение возможностей социального продвижения и самореализации.

Какие проблемы молодежь сегодня считает наиболее актуальными? Их значимость с точки зрения молодых людей такова: трудоустройство молодых людей — 76%, получение образования — 28%, невозможность обрести материальную обеспеченность — 18%, наркомания — 43%, пьянство — 36%, моральная деградация — 14%. Эти ответы указывают на то, что среди интересов молодежи на первый план выходят материальные, отражающие ее озабоченность материальным благополучием в будущем. Социокультурные, отражающие озабоченность культурным, морально-нравственным кризисом, занимают не приоритетное положение.

Указанные выше установки молодежи на личный успех, стремление к материальному благополучию распространены среди молодых людей шире, чем приверженность основным либерально-демократическим ценностям, связанным с ними правами и свободами. Среди наиболее важных прав человека студенты называют: право на жизнь (78%), право на бесплатную медицинскую помощь и обеспечение в старости (54%), право на бесплатное образование (52%), неприкосновенность личной жизни (52%), право владеть собственностью (42%), право на гарантированный государством прожиточный минимум (34%). Наиболее значимыми оказываются традиционные для россиян ориентации на государственные гарантии, а не на общественные свободы.

Целый комплекс ответов позволяет выявить составляющие нравственного идеала провинциальной молодежи. В их числе: семья — 74%, здоровье — 72%, любовь — 54%, работа — 62%, дети — 52%, уважение окружающих — 38%, творчество — 16%. Все перечисленные ценности — частные, связанные с повседневной жизнью людей, что свидетельствует о сохранении нынешним поколением молодых верности российским базовым традициям.

Оценка меры комфортности в современном обществе согласуется с названными ценностями. 52% нуждаются в «социальной защите», 18% — «чувствуют себя никому не нужными», 30% — «ощущают себя комфортно». 34% испытывают беспокойство за свое будущее «часто», «нет» — 22% (44% затруднились с ответом).

А как оценивают молодые люди своих сверстников и себя? Для студентов малого города иерархия качеств молодого человека такова: самостоятельность поступков — 42%, образованность — 40%, независимость суждений — 38%, вера в будущее — 22%, патриотизм — 12%, способность к самосовершенс-

твованию — 12%, индивидуализм — 8%, вера в свои силы — 10%, гражданственность — 8%, духовность — 1% (раскованность, бездуховность, аполитичность не были выбраны). Кроме того, провинциальные студенты оценили свое поколение как «равнодушное» и «циничное», при этом, идентифицируясь с данной возрастной группой, большинство отнесло себя к романтическому поколению, поколению надежд.

Для студентов малого города характерно и прагматично-утилитарное представление о моральных нормах, что во многом стало следствием существующей в России социальной практики. Например, оценка респондентами такого средства добывания денег, как подготовка за деньги дипломных и курсовых работ, для 42% является нормальной практикой, а к мнению «в общем, так делать нельзя, но в трудной ситуации можно» присоединились еще 34% («нет» — 24%). Вызывает беспокойство то, что определенная часть молодых людей ориентирована на возможность неуплаты налогов — 12%, на работу в сомнительной фирме — 24%, на получение взяток — 22%, а 34% допускают заключение брака из-за богатства, 8% положительно относятся к краже крупных сумм денег.

Анализ установок на практические действия молодых людей в ситуации правового и морального выбора в случае совершения преступления на их глазах показал, что лишь 20% «сообщают об этом в милицию», 18% — «вмешаются, чтобы его предотвратить», а 62% «поступит каким-либо образом в зависимости от ситуации». Данные ответы говорят о том, что в правовом сознании студентов нет жесткой взаимосвязи между правовыми установками и ориентациями, с одной стороны, и действиями — с другой. Настораживает факт, свидетельствующий о возможности одобрения криминального бизнеса и соответствующего поведения. 48% опрошенных считают, что «в России нельзя жить по закону», а 25% считают «наиболее влиятельной силой организованную преступность», а 27% — «государственную власть».

Анализ ценностных ориентаций молодежи, а именно отношение к таким ценностям общества, как гражданственность, долг, патриотизм, показал, что «гражданство» для провинциальной молодежи идентифицируется в первую очередь с «принадлежностью к государству» — 56%. Для 28% — «с долгом, обязанностью», 16% — с «патриотизмом».

Особенности социализации молодежи заставляют рассматривать молодежную политику как стратегический приоритет внутренней политики государства. В Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. определены три приоритетных направления, нацеленных «на оказание молодежи содействия в раскрытии ее потенциала и участии в жизни общества: расширение возможностей, развитие способностей и предоставление повторного шанса» [4]. В качестве первостепенных задач определены: «формирование ценности здорового образа жизни; работа с молодежью, оказавшейся в трудной жизненной ситуации; формирование ценностей семьи в молодежной среде; поддержка работающей молодежи и развитие молодежного предпринимательства; развитие студенческого и ученического самоуправления; обеспечение жильем молодых семей; развитие добровольчества-волонтерства; под-

держка деятельности студенческих трудовых отрядов и молодежных трудовых объединений; развитие системы продвижения инициативной и талантливой молодежи через поддержку молодой науки, творчества молодежи и т.д.» [4].

Рассматривает ли молодежь государственную молодежную политику в ряду вопросов стратегического развития общества? На вопрос: «Что для Вас означает понятие “молодежная политика”?» (допускалось несколько ответов) — 32% ответили, что это — «развернутая инфраструктура услуг для различных категорий молодежи, нуждающейся в помощи»; 26% — «расширяющаяся сеть социальных служб молодежи со стороны государства и негосударственных структур, религиозных организаций»; 22% — «развитая инфраструктура услуг для молодежи, ориентированная на труд и учебу»; 18% — «благотворительная деятельность социальных и религиозных служб, осуществляемая добровольцами»; 16% — «социальные службы для молодежи, работающие по единым международным программам с региональной спецификой»; 14% затруднились с ответом. 56% опрошенных считают, что в отношении молодежи проводится государственная молодежная политика («нет» ответили лишь 42%, «затруднились с ответом» — 2%).

По мнению молодых людей, приоритетными в государственной молодежной политике должны быть следующие направления: образование — 36%; занятость в профессиональной деятельности — 72%; здравоохранение — 48%; жилье — 32%; социальная защита — 46%; семейная политика — 18%; досуг — 28%; ювенальная юстиция — 8%; оборона и военная служба — 28%; патриотическое воспитание — 18%; духовно-нравственное воспитание — 16%; гражданское становление — 6%.

В современных социально-политических и экономических условиях в России перед обществом, государством встала задача проведения научно обоснованной и продуманной молодежной политики, цель которой — создание благоприятных предпосылок использования молодежного потенциала, создание условий для реализации молодыми людьми социальных интересов, жизненных перспектив, гражданско-политической активности.

Социализация молодежи включает процессы адаптации, интеграции, саморазвития и самореализации и осуществляется под воздействием таких факторов, как: социально-психологические (ценностные установки и ориентации, интериоризация социальных норм и ценностей, жизненные стратегии); социально-политические (муниципальная молодежная политика, законодательная база молодежной политики); социальные (развитость социальной сферы (система образования, социальная защита, культура, здравоохранение), социальная дифференциация и возможности социальной мобильности); социально-экономические факторы (демографическая ситуация, уровень жизни, структура экономики, труд и занятость молодежи, финансирование молодежных программ и проектов) [5].

Одной из главных составляющих в многофакторном процессе социализации молодежи является молодежная политика, которая предусматривает формирование социально значимых ориентаций, обеспечивающих выполнение молодежью ее социальных и политических ролей, создание условий для

ее самореализации. Особенностью государственной молодежной политики в современной России является уход от патерналистской модели взаимосвязи государства и молодежи, уход от политики, осуществляемой в отношении молодежи, где роль молодежи инструментальна и молодежь является преимущественно пассивным объектом воздействия со стороны субъектов молодежной политики.

Современная молодежная политика — это политика, проводимая самой молодежью по реализации молодежных интересов. Роль молодежи в ее реализации является приоритетной, а сами молодые люди становятся активными субъектами молодежной политики. Это обеспечивается через систематическое приобщение молодых людей к общественно-полезной деятельности в рамках волонтерского (добровольческого) движения, через развитие детского и молодежного парламентаризма, студенческого самоуправления, создание условий для формирования и функционирования детских и молодежных организаций и общественных движений, поддержка студенческих трудовых отрядов, молодежных трудовых объединений и т.д.

В современных условиях наметилась тенденция постепенного «вызревания» элементов системы социализации молодежи. Молодежная политика проводится в соответствии с такими принципами, как: создание системы общественных организаций, объединяющих активную молодежь; адаптация мероприятий по гражданско-патриотическому воспитанию, культурному досугу, укреплению здоровья молодежи, профилактике девиантного поведения; обеспечение преемственности в воспитании молодежи на всем ее жизненном пути.

В условиях построения правового государства в современной России актуальность приобретает деятельность институтов государственной власти в процессе социализации молодежи. Муниципальная политика носит долгосрочный характер, определяя цели и задачи органов местного самоуправления. Е.А. Князькова дает следующее определение муниципальной молодежной политики: «муниципальная молодежная политика — многокомпонентная система, целостная совокупность приоритетов, целей, функций, форм, методов, средств деятельности органов местного самоуправления как института власти и гражданского общества. Его назначение — защита прав, интересов, социальных политических гарантий молодежи различных социальных статусов в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации» [6].

Муниципальная молодежная политика на практике реализуется разными методами. Это зависит от того, какие именно обстоятельства относятся государством к проблемам молодежи. Важную роль играют культурные, бытовые традиции населения, степень дифференциации общества по полу и возрасту, его этническая и конфессиональная разобщенность. Наряду с муниципальными органами власти субъектами молодежной политики выступают партии, молодежные и детские общественные объединения и организации, сообщества, профсоюзы, ассоциации, бизнес-сообщества, СМИ, юридические и физические лица.

Модель муниципальной молодежной политики в условиях малого города (на примере г. Ельца) включает: поддержку молодежных инициатив, молодежное волонтерство, молодежный парламентаризм, социальное проектирование, молодежное и детское движение; профилактику социально-негативных явлений в молодежной среде; физическое воспитание, пропаганду здорового образа жизни, организацию позитивно-содержательного досуга и профилактику асоциального поведения в молодежной среде; патриотическое воспитание молодежи; поддержку талантливой молодежи; повышение гражданской активности и ответственности молодежи; информационно-технологическое, кадровое, методическое, ресурсное обеспечение, систему мониторинга.

Наряду с положительными моментами в реализации муниципальной молодежной политики есть и проблемы, подлежащие решению. Как показывают результаты исследований, определенная часть молодежи не удовлетворена экономическим положением семьи, обеспечением гарантий в сфере труда и занятости, поддержкой своих способностей, таланта, системой молодежного, детского и семейного отдыха, возможностями получения образования и становления профессионализма.

Приводимые выше факты убеждают, что государству сегодня необходима сильная и социально ориентированная политика. Но было бы неправильно говорить о перекладывании всей ответственности на государство. Большой вклад в разработку и реализацию стратегий по решению проблем молодежи могут внести и специалисты самых разных профилей и формирующиеся в нашей стране институты гражданского общества, включая политические партии, профсоюзы, другие общественные организации.

Библиографический список

1. Мудрик А.В. Социальная педагогика: учебник для студентов педагогических вузов / под ред. В.А. Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. М., 2000.
2. Деткова Н.Ю. Духовная жизнь малого провинциального города (на примере г. Шадринска первой половины XX века): автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009.
3. Бахтина И.П. Развитие творческой личности педагога дополнительного образования детей в малых городах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2007.
4. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 нояб. 2014 г. № 2403-р. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/39133.html>
5. Букин В.П. Социализация молодежи российской провинции в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2011.
6. Князькова Е.А. Современная муниципальная молодежная политика в России: проблемы, тенденции, механизмы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. №8 (28). URL: www.sis8.nkras.ru

**M.A. Kolmykova, N.I. Seliverstova
Social and Economic Representation
of the Category of Interest as a Base
of Social Interaction**

The interest as a multi-disciplinary category that has common positions in social and economic, as well as management and law contexts is studied. The authors postulate that the use of the “interest” category clarifies the distinctive characteristics of social interaction as a base of management process.

Key words and word-combinations: interest, society, the State, needs, conflict.

Исследуется междисциплинарная категория интереса, имеющая сходные позиции в социально-экономическом и управленческо-правовом контекстах. Авторы постулируют, что использование категории «интерес» объясняет особенности общественного взаимодействия как основы процесса управления.

Ключевые слова и словосочетания: интерес, общество, государство, потребности, конфликт.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

*М.А. Колмыкова,
Н.И. Селиверстова*

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТРАКТОВКА КАТЕГОРИИ
ИНТЕРЕСА
КАК ОСНОВЫ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Социально-экономические отношения преобладают в современном обществе, так как становятся условием и результатом жизнедеятельности населения любого государства. Стремление уйти от политики приводит зачастую к повышению внимания к социально-экономическим проблемам общества, которые рассматриваются нами как результат общественного взаимодействия, столкновения и переплетения интересов. Поэтому полагаем необходимым рассмотреть в этой статье категорию интереса в ее социально-экономическом измерении. Категории «интерес», «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «потребность», «мотив» и «стимул» активно используются различными исследователями в юридическом, экономическом, управленческом, социологическом и политическом контекстах.

Рассмотрим интерес с философской позиции. В указанной сфере научного знания различают два основных подхода — субъективный и объективный. Любопытство как изначально присущее человеку качество провоцирует интерес, поэтому субъективно интерес воспринимается как форма желания и / или любопытства.

В своей работе А.В. Кузьмина [1, с. 12]

выявляет проблематику интереса в философской классике, выделяя несколько тенденций, отражающих специфику философских размышлений. Одни философы акцентировали внимание на рефлексии интересов за пределами собственного «Я», другие делали акцент на личных интересах, в том числе и в сфере познания. В философии сложилось направление, представители которого осмысливали проблематику интересов на основе диалектического синтеза субъективации внешних интересов и объективации внутренних. Исследовался интерес как предмет рефлексии отечественных философов. Автором выделены три периода в исследовании философии интересов: досоветский, советский и постсоветский — каждый из которых отличается не только хорошо известным социалистическим бытийным контекстом, но и особыми философско-мировоззренческими спецификациями [2].

Интерес — сложнейший факт и реальности, и философской рефлексии, скрывающий свою внутреннюю сущность самыми разнообразными способами, и это накладывает отпечаток на открытие того, что составляет его природу и бытие.

Что касается правовой трактовки исследуемой категории, она привлекает внимание многих правоведов в историческом и современных контекстах. Так, существует специфическое направление в юриспруденции, связанное с предметом нашего исследования — юриспруденция интересов, разработанная американским социологом права Р. Паундом. Речь идет о прагматической модели соотношения интересов личности, общества и государства. Юридически защищаемые интересы Р. Паунд делил на три основные группы:

- а) публичные интересы, возникающие ввиду государственного и муниципального управления и ориентированные на общественное благо;
- б) индивидуальные интересы, специфичные для каждой личности;
- в) общественные (социальные) интересы, продуцируемые общественной средой [3, с. 23].

Традиционный социологический подход к понятию интереса основан на его трактовке как реальной причины деятельности социальных субъектов, обусловленной стремлением к удовлетворению определенных потребностей. Нельзя также отрицать статусность социальных отношений, детерминированную положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений.

В социологических толковых словарях отмечено, что интерес представляет собой специфические социальные результаты, приносящие пользу группе или отдельному индивидууму. Причем интересы могут ими осознаваться и преследоваться, быть внешними, предлагаемыми обществом в качестве ведущих, но не всегда восприниматься таковыми. В данном контексте речь идет о различиях в интересах, продуцируемых социальными группами. Кроме того, в качестве интереса может выступать и то, что имеет какое-либо значение для удовлетворения социальных потребностей людей, а также сами потребности.

В XIX — начале XX вв. возникают попытки детерминировать категорию «интерес» в социологической науке. Обозначим некоторые из них. Наиболее распространенной в политических, экономических и социологических теориях является имущественно-классовая трактовка интереса К. Маркса и Ф. Энгельса. Специфически социологический подход, полагаем, просматривается

в «рационалистском» понимании интереса М. Вебером. Г. Зиммель предлагает культурно-социологическую трактовку интереса как «материи обобществления».

Многозначность трактовок исследуемой категории показывает, что социологи ее использовали не всегда как самостоятельную, но как необходимую для характеристики стремлений, мотивов и ориентаций на всех уровнях социального взаимодействия, что привело к интерпретации различных феноменов: рациональной мотивации, инстинктивной активности, объективной социальной связи и т.п.

Классовая трактовка выдвигает на первый план несовместимость интересов различных социальных классов, обусловленную их существенной дифференциацией, которая порождает «классовую борьбу» за возможность реализации собственных стремлений, потребностей, интересов. Именно благодаря осознанию классового интереса индивид социализируется и становится полноправным членом общества. Основой деятельности индивидов и общества в целом признается экономический интерес, опосредующий появление других.

М. Вебер считал, что экономические интересы являются детерминантой, импульсом к формированию человеческой деятельности, но не определяют все социальные взаимодействия, так как социальные интересы (ценности) первичны по отношению к ним. Он определяет ценность как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное эпохе направление интереса. Наиболее сильны интересы по укреплению своего социального статуса.

Эти идеи изложены в концепции идеальных типов — компоненте теории социального действия. Вебер трактовал идеальный тип как «интерес эпохи, выраженный в виде теоретической конструкции». Речь идет об идеальной модели, о том, что полезно человеку и отвечает его интересам в современную ему эпоху. Отметим, что идеальным типом могут выступать социальные ценности разной природы (моральные, политические, религиозные) и предписывающие их установки поведения и деятельности людей, правила и нормы их поведения, а также традиции социального общения [4].

Реализовать интерес можно лишь посредством социального действия, которое и стало предметом анализа М. Вебера. Когнитивная, потребностная и оценочная компоненты опосредуют социальное поведение, которое дифференцируется их сочетанием. Несмотря на отсутствие прямого указания на интересы, именно они являются импульсом к определенному поведению. В свою очередь, условия жизни людей порождают потребности и интересы, поэтому так важно интегрировать данные компоненты между собой. Таким образом, М. Вебер именно интересы определяет как импульс социального поведения. В основе его концепции целерационального действия лежит осознание цели и средств ее достижения, то есть личностный интерес в данном случае — исходная точка целеполагания. Ценностно-рациональное действие отличается преобладанием этического компонента — правил поведения в конкретных социальных ситуациях, то есть общественные интересы преобладают и управляют социальным взаимодействием. Аффективный и традиционный типы действия менее рациональны, так как на первый план выходят эмоции, привычки, но не осознаваемые людьми интересы.

Г. Зиммель полагал, что интересы объединяют людей в некое единство, следовательно, они являются основой функционирования общества. Согласно теории Г. Зиммеля, социальное взаимодействие, обозначенное им как социация, обусловлено общим интересом, который он называет материей обобществления. Ученый отметил, что интерес может пропасть в ходе социального взаимодействия, но всегда является отправной его точкой [5, с. 409–423].

Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маркс в своих научных работах создали предпосылки развития социологии конфликта. Поэтому считаем необходимым рассмотреть категорию «интерес» с конфликтологической точки зрения.

Итак, в основании любого конфликта лежит противоречие. Противоречивыми могут быть взгляды, ценности, потребности, интересы. Интерес представляет собой осмысленную потребность или осознанный способ ее удовлетворения. Как правило, ожидание удовлетворения какой-либо значимой для человека потребности, достижения целей соотносится с невозможностью это осуществить. Такое психологическое состояние принято называть фрустрацией. Оно способствует усилению социальной напряженности в коллективе или между двумя людьми и приводит к развитию и углублению значимых противоречий. Столкновение различных сторон с объективной невозможностью реализации их интересов выливается в противоборство одних интересов с другими, которое порождает конфликт [6, с. 91].

Следовательно, конфликт интересов основывается на взаимодействии людей, их идей, стремлений, потребностей, которые стимулируют экономическое и социальное поведение. При этом благо как таковое не является предметом столкновения интересов людей, сталкиваются позиции личности или социальной группы, которые обеспечивают возможность получения данного блага. Противоположно направленные позиции сторон, а именно столкновение интересов личных или общественных, являются причиной возникновения конфликта.

Так, конфликт интересов на государственной и муниципальной службе регламентируется ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; Федеральным законом от 27 июня 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и ст. 14.1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [7–9]. Согласно этим нормативным актам, конфликт интересов на гражданской и муниципальной службе — это ситуация, при которой личная заинтересованность государственного или муниципального служащего влияет на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, а противоречие между личной заинтересованностью государственного или муниципального служащего и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способно привести к причинению вреда законным интересам граждан, организаций, общества или государства.

Апостол Павел в послании «К римлянам» говорил: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю» [10, с. 188]. Это наглядно демонстрирует столкновение внутренних мотивов, когда поступки человека расходятся с его намерениями. Связано это прежде всего с тем, что поведение

человека в любой ситуации является оптимальным, то есть поступки его всегда направлены на получение им наибольшей пользы для себя. Как правило, человек не способен идти против самого себя, против своих интересов. Что же движет нашими поступками?

В основе нашего поведения лежат не просто биологические потребности, присущие всякому живому существу, а потребности именно неудовлетворенные. Среди потребностей, свойственных только человеку, выделяют социальные и духовные потребности. Стоит обратить внимание, что осознанные потребности преобразуются в интересы, а из взаимодействия потребностей, интересов, ценностных ориентаций складывается мотивационный механизм, который подробно был изучен в рамках многочисленных теорий мотивации.

Рассмотрим одну из содержательных теорий мотивации, которую разработал А. Маслоу [11, с. 42]. В рамках его теории разработана так называемая пирамида потребностей. В определенный момент времени для каждого человека один из пяти основных видов потребностей, которые расположены в строгой иерархии, является доминирующим, а поведение человека зависит от того, какая именно потребность наиболее значима. Обратим внимание на срединное положение социальных потребностей в пирамиде А. Маслоу. Полагаем, что социальные потребности — не просто потребности в дружбе и любви. Они обусловлены общностью человеческих интересов. При выборе человека для создания семьи людьми движет потребность найти «своего» человека, то есть такого, который разделял бы взгляды, чувства, интересы. Поэтому категория «интерес» с социологической точки зрения дополняет любую теорию мотивации, что показано на примере теории А. Маслоу.

Таким образом, социологические исследования предпринимаются для наполнения понятия интереса различным содержанием. В качестве субъектов интересов социологи рассматривают, как правило, социальные группы: нации, классы, коллективы, общество в целом — а также обращают внимание на то, что содержание интересов людей определяют их потребности. Важно, что в социологической литературе подробно анализируется соотношение категории интереса с категорией потребности. Последняя трактуется как объективная нужда, выражающая необходимую связь, зависимость человека от природы и от общества.

Суммируем социологические трактовки сущности и содержания категории интереса. В исследованиях социологов превалирует трактовка интереса как реальной причины мотивов и целей, продуцируемых как индивидом, так и обществом в целом, что находит отражение в объяснении социальных процессов и явлений. Интерес как отношения преимущественно связан с трактовками социального действия и взаимодействия, которые обуславливают общественное развитие. Также интерес рассматривается как потребность удовлетворения нужды посредством участия в индивидуальной или совместной деятельности.

Значительное внимание исследованию понятия интереса и смежных с ним категорий уделялось и уделяется экономической наукой. В Большом экономическом словаре интерес определяется как «предмет заинтересованности,

желания и побудительных мотивов действий экономических субъектов». Обратим внимание на «смежные категории» в экономическом словаре: «интерес жизненный», «интерес контрактный отрицательный», «интерес контрактный положительный», «интерес страховой», «интерес страхуемый», «интерес экономический».

Очевидно, что здесь прослеживаются отголоски социологического подхода, но акцент смещен в сторону материальных потребностей человека, возникающих в разных условиях его жизнедеятельности. Таким образом, осознание категории интереса учеными-экономистами характеризуется признанием того, что интересы — это непосредственные отношения между социальными субъектами по поводу производства продукта для удовлетворения экономических потребностей.

Обратимся к книге «Исследование о природе и причинах богатства народов», автором которой является А. Смит — родоначальник классической политэкономии [12]. В данной работе он пишет о доминировании экономических интересов над моралью в отношениях между людьми, однако считает главным, чтобы забота человека о собственном материальном благополучии не была помехой на пути к всеобщему благу, чтобы мысль о благоденствии всего общества преобладала над личными мотивами.

Ученые отмечают, что экономический интерес есть форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей. В качестве субъектов интересов экономисты рассматривают человека, коллективы и общество. Их интересы определяются экономическим положением субъектов в общественном производстве. Кроме этого, интерес рассматривается ими с целью обнаружения закономерностей стимулирования и мотивации субъектов хозяйственной деятельности, так как интересы отражают материальные условия общественного бытия людей и формируются под непосредственным воздействием потребностей.

В экономическом подходе так же, как и в философском, наблюдается два варианта трактовки интересов — одни ученые абсолютизируют объективность интересов, другие рассматривают интерес в единстве объективного и субъективного. Субъективность экономических интересов заключается в том, что каждый хозяйствующий субъект, вступая в экономические взаимосвязи, сознательно преследует определенную пользу, выгоду.

А.Б. Томовой установлено, что интерес как экономическую категорию невозможно изучать в отрыве от потребностей индивида, коллектива, общества. Тем не менее, они отражают разные стороны реальности. Нужда, необходимость человека, общества в материальных и духовных благах, которые важны для их жизнедеятельности, есть потребность. Несмотря на любые изменения в развитии общества, актуализирующие появление новых по своей качественной и количественной структуре потребностей, их сущность неизменна: они требуют удовлетворения [13]. Но нужда в чем-либо вовсе не означает интерес. Категория «экономический интерес» ориентирует на социально-экономический аспект взаимоотношений субъектов, наличие для них некой пользы, выгоды. Это побуждает к установлению взаимосвязей, взаимоотношений,

обеспечивает условия для самоутверждения, самодвижения и саморазвития субъекта интересов.

В.И. Лоскутов также пытается обнаружить взаимосвязь потребностей и интересов. Потребность в его интерпретации есть импульс индивида или социума к действию, интерес — направленность этого действия. Таким образом, интерес рассматривается как способ удовлетворения потребности, который выступает в разное время или одновременно в трех формах: объективной возможности, выражающейся в сочетании факторов, позволяющих удовлетворить потребность; осознанной возможности в виде плана, намерения, цели; реализуемой возможности, или реализации поставленной цели. Так как выбор направления деятельности детерминируется совокупностью факторов, то одни и те же потребности могут продуцировать разный интерес. «Достаточно появиться определенной ситуации, нужной для удовлетворения... потребности, чтобы в субъекте возникла конкретно очерченная установка и он почувствовал бы в себе импульс к деятельности в совершенно определенном направлении» [14]. В.И. Лоскутов пишет о трудностях в различении интересов и целей: интересы могут быть скрыты от социума, тогда как цели носят более явный характер.

Итак, из рассмотренного материала видно, что интерес является базовой категорией большинства гуманитарных дисциплин, что предопределяет его использование для характеристики многих общественных процессов и явлений, в том числе в их индивидуальном проявлении.

Упоминание специфических интересов субъектов в различных сферах жизнедеятельности и отраслях науки, полагаем, отличается от исследования интереса как социально-экономической и управленческо-правовой категории.

Социально-экономическая трактовка интереса отсутствует в трудах современных исследователей, которые склонны рассматривать интерес только в определенном контексте, исходя из базовых концепций развития индивидуума, общества и государства с учетом предмета исследования. Тем не менее предположим, что социально-экономическая сущность интереса состоит в том, что это формат социально-экономического взаимодействия субъектов в силу наличия для них обоюдной пользы, выгоды.

Библиографический список

1. Кузьмина А.В. Категория свободы в философии и в праве. М., 2009.
2. Гейко П.П. Категории философии в уголовном праве. URL: <http://www.geyko.su/stati/104-kategorii-filosofii-v-ugolovnom-prave>
3. Адыгезалова Г.Э. Правообразующий интерес в социолого-правовой теории Р. Паунда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. С. 23–25.
4. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М., 1994.
5. Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996.
6. Конфликтология: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
7. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск. 2008. № 4823.
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск. 2004. № 3539.

9. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007. № 4310.
10. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические, в русском переводе с параллельными местами и словарем. М., 1999.
11. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2003.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа (отдельные главы). Петрозаводск, 1993.
13. Томова А.Б. Экономические интересы: сущность, содержание и механизмы согласования. URL: <http://www.fpa.su/gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo/ekonomicheskie-interesy-suschnost-soderzhanie-i-mehanizmy-soglasovaniyatomova-a-b.html>
14. Лоскутов В.И. Принципы фундаментальной экономической теории – политической экономии. СПб., 2007. URL: <http://www.loskutov.org/>

**N.V. Medvedeva, I.Yu. Shimanskaya
Practice of Public Participation
in the Development of Social and
Cultural Services:
Domestic Experience**

The experience of public participation in social development, taking into account the historical specificity of the formation of civil society and government in Russia is revealed. Particular attention is paid to the analysis of the role of the zemstvos in the development of education and culture. The authors stress the importance of cultural and educational activities of the Russian philanthropists and patrons.

Key words and word-combinations: education, culture, public participation.

Раскрывается опыт участия общественности в развитии социокультурной сферы с учетом исторической специфики становления институтов гражданского общества и самоуправления в России. Особое внимание уделяется анализу роли земств в развитии сферы образования и культуры. Авторами подчеркивается значение культурно-просветительской деятельности российских благотворителей и меценатов.

Ключевые слова и словосочетания: образование, культура, общественное участие.

УДК 351
ББК 67.401.12

*Н.В. Медведева,
И.Ю. Шиманская*

**ПРАКТИКА
ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ
В РАЗВИТИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ***

Развитие демократических институтов, становление местного самоуправления и гражданского общества в настоящее время требуют переосмысления исторического опыта, накопленного в России. Его изучение обусловлено поиском новых механизмов и технологий расширения общественного участия как в решении вопросов местного значения, так и в организации социокультурной сферы. В связи с этим практику общественного участия необходимо рассматривать с учетом исторической специфики развития самоуправления в нашей стране и становления институтов гражданского общества.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта N16-33-01106.

Наиболее крупные реформы, направленные на расширение участия населения в управлении делами общества и государства, предпосылкой которым явилась отмена крепостного права, произошли в XIX в. Земская реформа 1864 г. открыла новые возможности для граждан в решении местных вопросов. Некоторые публицисты и общественные деятели предлагают даже восстановить земское движение в России, организовать земства и землячества, объединить их в Земский собор. По словам А.И. Солженицына, «создание земства есть школа народного управления», а также деятельная самоорганизация граждан, которая способна спасти Россию и обеспечить в ней «благонаправленное» управление [1].

Многие историки и авторы книг о местном самоуправлении, например Е.М. Ковешников, Н.М. Пирумова, неоднократно указывали на жизнеспособность земств, которая обеспечивалась их подлинным самоуправлением, лучшей приспособленностью к хозяйственным нуждам населения. Масштаб деятельности земских учреждений был огромным. В 1865 г. земские органы начали свою деятельность в 19 губерниях, в 1866 году — еще в 9. К 1890-м годам земские учреждения функционировали на территории уже 34 губерний, а к моменту Февральской революции — на территории 43 губерний. Земские учреждения решали практически все вопросы местного значения. К февралю 1917 г. насчитывалось уже 25 направлений земской деятельности. Жизнеспособность земств помогла им добиться больших результатов в области народного просвещения, народной медицины, в деле страхования имущества от пожаров, агрономии и особенно в статистическом деле [2, с. 91–93]. Особого внимания заслуживает рассмотрение роли земств в развитии сферы образования и культуры.

Земские учреждения сыграли огромную роль в развитии школьного образования России, они, по существу, создали оптимальный для того времени тип сельской школы и активно способствовали ее распространению. При этом на деятельность земств оказывало влияние множество факторов, основными из которых являлись недоброжелательное отношение и противодействие официальных властей, а также ограниченность собственных средств для развития школьного дела. В Положении о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. земствам предоставлялось право попечения о народном образовании «преимущественно в хозяйственном отношении». Таким образом, финансовая сторона содержания школ возлагалась полностью на земские органы. Однако расходы на образование были отнесены к разряду «необязательных» полномочий, то есть таких, которые могли быть удовлетворены уже после реализации обязательных статей (содержания казарм, пожарных служб, дорожного строительства и т.п.). В то же время сфера школьной деятельности земств постепенно расширялась — в их ведение перешли многие церковно-приходские школы, школы волостных и сельских обществ.

Первоначально открытие новых школ осуществлялось совместно с крестьянскими обществами, которые строили или выделяли для школы помещение, обеспечивали отопление и освещение, сначала полностью, а потом частично оплачивали учителей. Земство же снабжало школу учебными пособиями. Позднее жалование преподавателей и расходы на строительство школ

вошли в земский бюджет. В 1870—1880-е годы земское финансирование школ происходило следующим образом: «Заботу о подготовке учителей; устройство педагогических курсов и учительских съездов, организацию эмеритуры (обеспечение учителей пенсиями и пособиями) для народных учителей и выдачу ссуд на постройку школьных зданий почти везде взяли на себя губернские земства, уездные земства приняли на себя содержание учителей и снабжение учащихся учебными книгами и пособиями» [3]. Помимо финансовых вопросов перед земствами встали задачи и методического характера — прежде всего надо было определить, какой тип начальной школы лучше соответствует местным условиям, затем подготовить учителей. Поэтому по мере увеличения количества школ перед земствами встал вопрос о необходимости подготовки преподавательских кадров, тем более что по «Положению о начальных училищах» 1874 г. назначение на учительскую должность могло производиться только после сдачи претендентом соответствующего экзамена [4, с. 95—96].

При каждой земской школе создавался Совет попечительства, работавший на общественных началах, который составлял бюджет и распределял средства школы. Земская деятельность по образованию была результативной, так как земство оперативно реагировало на возникающие проблемы [5, с. 92].

К 1870-м годам сложился тип земской школы, отличавшийся лучшей постановкой учебного дела, чем другие начальные учебные заведения. Обучение во всех земских школах было бесплатным и длилось три года. Передовые земства стремились снабжать школы наиболее новой учебной литературой. Наряду с просветительной функцией земства оказывали и материальную помощь ученикам своих школ. В конце 1880-х — начале 1890-х годов начал организовываться подвоз детей в школы. В это же время по инициативе земских врачей делаются попытки кормить завтраком детей в земских школах, а также оказывать помощь наиболее бедным ученикам (в виде пособия на одежду и обувь).

В 1880 г. было произведено первое в России специальное статистическое исследование начального народного образования в 60 губерниях Европейской части России. По размерам расходов, произведенных на содержание училищ, первое место занимали земства (в земских губерниях — 53,2% общей суммы расходов), затем сельские общества (33,7% расходов во всех губерниях и 28% — в земских губерниях); на долю государственного казначейства приходилось только 12,1% всех расходов (в земских губерниях 9%), на долю частных лиц — 6,4% и на другие источники — 3,7%. Училищ, которые содержали земства, было 9108 (69,5% всех училищ в земских губерниях), сельские общества — 8674 (38% всех училищ и 15% училищ земских губерний). Министерство народного просвещения и другие правительственные учреждения при участии земств, сельских обществ и частных лиц содержали 3182 училища (14% всех училищ и 8,5% училищ земских губерний), церковно-приходские ведомства и духовенство — 1062 (5% всех училищ и 3,3% училищ земских губерний), частные лица — 741 (3% всех училищ и 3,7% училищ земских губерний) [6]. К началу 1890-х годов активизация школьного дела в земствах выразилась и в затратах на нужды народного образования. Только 44 земства расходовали по этой статье 10% своего бюджета,

189 земств — от 10 до 20%, 113 земств — от 20 до 30%, а 13 земств — от 30 до 40%. Следовательно, около трети бюджетных средств земских учреждений шло на развитие образования, что свидетельствует о важности и приоритетности данной сферы для местного самоуправления того периода.

Также в XIX в. была велика заслуга земств в организации широкой культурно-просветительной работы. До 1890-х годов земства не могли выделять большие средства на культурно-просветительные программы. Созданию библиотек, читален, музеев мешало и то обстоятельство, что среди гласных не было единства взглядов на цели культурно-просветительной работы среди крестьянства. Основные усилия значительной части из них в первые десятилетия были сосредоточены на распространении элементарной грамотности и сельскохозяйственных знаний, необходимых для развития аграрного сектора страны. «Либеральная часть московских гласных рассматривала просвещение народа не только как путь к интенсификации сельского хозяйства, но и как необходимое условие общественного прогресса» и социальной интеграции [7]. Главную цель культурно-просветительной деятельности земств либерально настроенные гласные видели в формировании нового типа личности, не характерного для современной им русской деревни, — читающего крестьянина, ориентирующегося в основных событиях внутренней и внешней политики России. Некоторые из земских гласных личным участием много сделали для развития внешкольного образования на селе. Например, открывали библиотеки, попечителями которых являлись либо они сами, либо их родственники.

Следует отметить, что к концу XIX в. благодаря земской инициативе «практически во всех 34 губерниях были созданы библиотеки-читальни, воскресные классы для взрослых; на серьезную основу поставлено издание земских периодических органов печати» [8]. Это было обусловлено изданием 15 мая 1890 г. «Правил о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними», согласно которым был упрощена процедура открытия библиотек (разрешение об их открытии принималось местным губернатором).

В 1911 г. в выступлениях делегатов Первого общеземского съезда по народному образованию прозвучали тезисы о равноценности школьного и внешкольного образования, были намечены основные принципы организации просветительной работы (общедоступность, бесплатность, систематичность, широкое привлечение общественных организаций и населения). Большое внимание было уделено организации библиотечного дела. Признавалась необходимость создания библиотечных сетей (центральная библиотека в уездном городе, волостные библиотеки в больших селах, сельские библиотеки при земских школах и передвижные библиотеки). Данная мера является актуальной и сегодня, так как в результате реформирования библиотечного дела в большинстве муниципальных образований создаются также централизованные библиотечные системы, целью которых является объединение всех муниципальных библиотек для обеспечения доступности библиотечных фондов, расширения библиотечных услуг, содействия образованию и воспитанию местного населения, повышению его культурного уровня.

Кроме земских учреждений большое значение в создании народных библиотек играли различные общественные объединения. В частности, в Нижнем

Новгороде библиотека была открыта обществом распространения школьного образования, в Одессе — Одесским славянским благотворительным обществом св. Кирилла и Мефодия, в Санкт-Петербурге — Невским обществом устройства народных развлечений, а также обществом «Помощь в чтении больным и бедным», основанным в 1895 г. Являясь благотворительными, данные общества проводили огромную просветительную работу.

Второй основной формой просветительной работы земств стали лекции и беседы. Еще в 1870-е годы правительство разрешило проведение народных чтений в городах и селах. В их организации под контролем властей приняли участие общественные и церковные структуры, а также земства. Другим типом народных чтений, необходимость которых явственно обозначилась в конце XIX в., являлись систематические циклы общеобразовательных лекций по различным научным дисциплинам. Для их организации губернские и уездные земства приглашали специалистов с высшим или средним специальным образованием или просили провести лекцию земских служащих (агрономов, врачей, ветеринаров, статистиков и др.).

Новым направлением в деятельности земств с начала XX в. стало создание земских музеев. Как правило, музеи организовывали уездные земства. Наиболее распространенными были музеи наглядных пособий, создававшиеся в здании уездной земской управы или школы. К 1917 г. их численность достигла 1700. В 13 земствах были созданы краеведческие музеи (они назывались естественно-историческими). В 15 губерниях были организованы Музеи кустарных промыслов, функциями которых было обеспечение кустарей сырьем и расширение возможностей сбыта готовой продукции.

Большую поддержку земствам в организации музеев оказало меценатство, расцвет которого наступил в конце XIX в. Во многом это было вызвано желанием русского купечества оказывать поддержку различным культурным общественным учреждениям, тем самым укрепляя в обществе православные традиции. Как правило, в тот период малые и средние города имели своих покровителей среди купеческих семей. Однако особенно следует отметить деятельность российских меценатов в столице. Большое количество памятников культуры в Москве было оставлено знаменитыми промышленниками и предпринимателями в результате их культурно-просветительской деятельности. Так, «на средства Марии Федоровны и Феодосии Ермиловны Морозовых строились и украшались многие старообрядческие храмы, Сергей Тимофеевич Морозов построил в Леонтьевском переулке Кустарный музей, а Савва Тимофеевич — великолепное здание Художественного театра. Профессиональными благотворителями называли современники семейство купцов Бахрушиных, щедро жертвовавших миллионы на строительство храмов, домов с бесплатными квартирами» [9]. Благодаря крупному железнодорожному промышленнику С.И. Мамонтову в его имении Абрамцево было создано творческое объединение, в которое входили известнейшие художники. Однако в результате Октябрьской революции 1917 г. сложная система благотворительности была разрушена и заменена унифицированной сетью государственных заведений, а меценатство как явление пропало с уничтожением частной собственности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что на про-

тяжении второй половины XIX в. общественность играла особую роль в развитии социокультурной сферы. Именно благодаря земствам в малых и средних городах появилась возможность для активизации деятельности в области народного просвещения, библиотечного дела, музейного дела. Были созданы условия для организации народных библиотек, музеев, курсов и кружков самообразования для взрослых, книжной торговли, чтения лекций, издательской деятельности и т.д.

Опыт земского самоуправления подтверждает, что муниципальная социальная политика реализуется наиболее эффективно только в том случае, когда органы местного самоуправления имеют собственные значительные финансовые ресурсы и могут ими распоряжаться, имеют собственную налогооблагаемую базу, создают и используют свой кадровый потенциал, способный решать проблемы развития территории, а также могут своевременно выявлять интересы и удовлетворять потребности населения (возрождая традиции общественного попечительства). Данный опыт заслуживает внимания и приобретает особую актуальность в современных условиях реформирования местного самоуправления, когда органы муниципальной власти большинства небольших сельских и городских поселений в условиях крайне ограниченных финансовых средств и дефицита бюджета не в состоянии обеспечить полноценный комплекс услуг в социокультурной сфере.

В России имеются примеры успешных муниципальных практик объединения граждан на основе исторического опыта. В частности, одним из первых регионов, где начали возрождать земские традиции, стала Белгородская область. Еще в 1996 г. губернатор Белгородской области подписал постановление «О земских собраниях сельских поселений (округов) Белгородской области» [10]. Земские собрания, действующие на принципах народного самоуправления и самофинансирования, созданы в 327 сельских округах, 21 поселке и трех городах районного подчинения [11]. Белгородское городское земское собрание является общественным органом, в состав которого входят 190 экспертов, выдвинутых профессиональным сообществом. Целями работы данного органа являются профессиональная и социальная экспертиза проектов и решений, выработка и реализация механизмов и форм гражданского участия в процессе формирования и осуществления социально-экономической политики, поддержка гражданских инициатив и развитие солидарного общества [12].

В настоящее время большинство земских собраний принимают участие в рассмотрении и решении наиболее важных вопросов местного значения — газификации и благоустройства территорий, принятия бюджетов, социальной поддержки малообеспеченных семей, восстановления культурного наследия. В числе приоритетных направлений деятельности земств в настоящее время дальнейшее развитие местного самоуправления, основанного на принципах народовластия и земских традициях; становление финансово-экономических основ земского самоуправления; изучение и обобщение опыта работы земских собраний, земских школ, учреждений культуры, подвижников земства; методическое и информационное обеспечение активистов земского движения, организация публикаций в СМИ об их деятельности. Опыт Белгородской области показывает, что данная модель самоуправления жизнеспособна и при-

менима в современных условиях в рамках территориального общественного самоуправления (особенно в сельских поселениях).

Однако большинство социологических опросов подтверждает, что население не вполне готово и не всегда желает участвовать в решении вопросов местного значения. В связи с этим интересными представляются результаты опроса общественного мнения, проведенного Фондом «Общественное мнение» на тему «Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России» [13]. По данным опроса, 55% граждан готовы объединяться с другими людьми для того, чтобы отстаивать свои права, и 56% готовы к объединению с другими людьми для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. При этом данные о степени готовности граждан объединяться для решения общегородских проблем выглядят несколько иначе. Всего 29% опрошенных готово участвовать в решении местных дел, наибольший процент наблюдается у респондентов средних городов, а наименьший — у жителей малых городов. Таким образом, только около трети жителей малых и средних городов обладают гражданской активностью и готовы включаться в решение вопросов местного значения. Подобная пассивность населения в решении вопросов местного значения может быть вызвана тем, что оно не доверяет органам местного самоуправления, не владеет достаточной информацией об их деятельности и не имеет возможности установить с ними необходимые контакты для диалога. Следовательно, только соблюдение принципов доступности и открытости позволит населению выбрать сферы приложения своих сил и реализации интересов, создав при необходимости собственные органы территориального общественного самоуправления.

В настоящее время территориальное общественное самоуправление, а также различные общественные объединения, занимающиеся развитием сферы образования и культуры на территории, могут стать реальными партнерами для муниципальных органов власти. В связи с этим на современном этапе развития самоуправления необходимо создание условий (экономических, правовых и др.) для расширения участия общественности в решении вопросов местного значения и предоставления местному сообществу дополнительных возможностей для активизации их деятельности.

Библиографический список

1. *Менькова Н.М.* Историко-правовой анализ определения территории функционирования местного самоуправления в России // *Муниципальное право*. 2005. № 3. С. 67–87.
2. *Ковешников Е.М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М., 2002.
3. *Яковкина Н.И.* История русской культуры: XIX век. СПб., 2002.
4. *Медведева Н.В.* Проблемы взаимодействия власти и общественности в сфере образования в России: исторический аспект // *Образование и наука в XXI в.: материалы 8 международной конференции*. Т. 14. София, 2012. С. 93–98.
5. *Кравченко Л.И.* Земские школы в истории России // *Мир образования – образование в мире*. 2006. № 1.
6. *Народное образование в России // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. 2005. Т. 10.
7. *Жукова Л.А.* Роль земств в решении социальных вопросов в российской провинции в 1864–1914 гг. URL: http://www.rcoit.ru/elect_history/rural_urban_reforms/17908/

8. Народные библиотеки и читальни // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 2005. Т. 10.

9. Жуковская Д. Меценатство и благотворительность в России в конце XIX – начале XX века. URL: http://www.historicus.ru/mecenatstvo_i_blagovoritelnost/

10. О Земских собраниях сельских поселений (округов) Белгородской области: Постановление главы администрации Белгородской обл. от 14 авг. 1996 г. № 479. URL: <http://lawgu.info/dok/1996/08/14/n510907.htm>

11. Официальный сайт органов местного самоуправления города Белгорода. URL: <http://www.beladm.ru/deyatelnost/obshchestvenno-politicheskaya-zhizn/belgorodskoe-gorodskoe-zemstvo/>

12. Первое заседание городского земского собрания провели в Белгороде. URL: <http://www.belnovosti.ru/news/society/2014/04/11/pervoe-zasedanie-gorodskogo-zemskogo-sobraniya-proveli-v-belgorode#hcq=EdZVdKp>

13. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда «Общественное мнение» 2013–2014 гг. М., 2014.

N.V. Stolyarova, T.V. Sinelnikova
Fundamental Purposes of Organizing
Labor of Convicts Sentenced to
Imprisonment in 1950–1960s

Basic objectives of organizing convicts' labor, characteristic of the 1950–1960s are analyzed. In the course of studying normative legal acts and archive documents the authors have come to the conclusion that during the specified time period the economic and social targets were pursued.

Key words and word-combinations: labor, convicts, correctional institutions.

Анализируются основные цели организации труда осужденных к лишению свободы, характерные для 1950–1960-х годов. В процессе изучения нормативно-правовых актов и архивных документов авторы приходят к выводу, что в указанный временной период он преследовал экономические и социальные цели.

Ключевые слова и словосочетания: труд, осужденные, исправительно-трудовые учреждения.

УДК 34(091)
ББК 67.3

Н.В. Столярова,
Т.В. Синельникова

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ
ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
В 1950–1960-Х ГОДАХ

Исторический опыт показывает, что труд, являясь одним из основных средств исправления в местах лишения свободы, всегда имел первостепенное значение. Однако в различные временные периоды организация труда осужденных претерпевала существенные трансформации, что и является предметом острых дискуссий как теоретиков, так и практических работников в настоящее время.

Начиная с 1950-х годов в пенитенциарной системе государства произошли важные изменения, выраженные в переориентации

производственных задач пенитенциарной системы в воспитательные. Данное положение подкрепляется указанием законодателя на то, что производственно-хозяйственная деятельность исправительных учреждений должна быть подчинена задачам исправления осужденных [1, с. 14].

Для более детального уяснения основных целей привлечения осужденных к труду считаем логичным обратиться к нормативно-правовым актам исследуемого хронологического периода. Так, согласно ИТК РСФСР 1933 г. «труд лишенных свободы должен служить перевоспитанию и приучению их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщению их к участию в социалистическом строительстве» [2]. Согласно Распоряжению Совета Министров СССР № 7688-рс от 10 июля 1954 г. «Об исправительно-трудовых лагерях и колониях» [3] исправление и перевоспитание осужденных на основе приобщения их к общественно полезному труду являлось целью их содержания в исправительно-трудовых лагерях и колониях. В свою очередь, организация труда заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях должна была обеспечивать:

- повышение производительности труда заключенных и механизацию работ;
- использование заключенных, главным образом, по имеющейся специальности и обучение их новым профессиям;
- выполнение производственно-хозяйственных заданий.

В Положении об исправительно-трудовых колониях (далее — ИТК) и тюрьмах МВД СССР 1958 г. участие осужденных в общественно полезном труде являлось основным средством исправления осужденных [4]. Положение об ИТК и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР 1961 г. [5] гласило, что на исправительно-трудовые колонии и тюрьмы возлагается исправление и перевоспитание осужденных с целью подготовки их к честной трудовой жизни.

Таким образом, из трактовки законодательных актов следует, что привлечение осужденных к труду в основном преследовало две цели: экономическую и воспитательную (социальную). Возмещение государственных расходов на содержание осужденных, равно как и их ресоциализация также входили в число первостепенных задач.

Экономическая цель труда. В послевоенный период перед пенитенциарной системой ставились задачи реконструкции разрушенных довоенных предприятий, восстановление коммунально-бытового сектора, жилищного строительства и развития новых отраслей производства.

Применение вольнонаемного труда в отдаленных районах СССР или в отраслях, где использовался тяжелый физический труд, было дорогостоящим, и в связи с этим было принято решение прибегнуть к труду заключенных ГУЛАГа, что было эффективнее, учитывая бесплатность (на первых этапах) труда и невысокие расходы по созданию инфраструктуры для жизни и работы осужденных.

Интеграция производственно-хозяйственного комплекса пенитенциарной системы в плановую экономику страны сопровождалась усилением репрес-

сивной политики государства, соответствующим изменением географического расположения исправительных учреждений и массовыми переводами осужденных из одного региона в другой. Благодаря дешевой рабочей силе исправительно-трудовые учреждения во многих случаях являлись основной производительной силой в выполнении пятилетних и иных планов [6, с. 225].

Достаточно результативным оказалось использование принудительного труда осужденных ГУЛАГа НКВД / МВД в сфере капитального строительства. В период послевоенного восстановления экономики страны это направление экономической деятельности наркомата принято считать первостепенным по значимости. Структура капитального строительства представляла собой сложную производственную систему, осуществлявшую строительство новых и расширение действующих объектов производственного и непроизводственного назначения и включавшую в себя: промышленное строительство, транспортное строительство, сельскохозяйственное строительство, строительство в водном хозяйстве, коммунальное и городское строительство [7].

За период 1949–1952 гг. объемы капитального строительства, осуществляемые МВД, выросли примерно вдвое, достигнув в 1952 г. около 9% общих государственных капиталовложений [8, с. 34]. При этом около 50% общей сметной стоимости строительства, выполняемого МВД СССР, осуществлялось по проектам и сметам, составляемым и утверждаемым другими министерствами и ведомствами [8, с. 271].

Представляется, что стоимость строительных работ, выполняемых МВД СССР, была равной либо более низкой по сравнению с другими министерствами. Пониженная стоимость строительных работ достигалась за счет лучшей организации работы, повышения производственной квалификации заключенных, применения механизации строительных работ, путем значительного упрощения строительства, применения облегченных технических решений, широкого использования местных строительных материалов и более коротких сроков производства работ по сравнению с другими министерствами [8, с. 273–274].

Из содержания доклада МВД СССР в ЦК КПСС «О назревшей реорганизации системы ИТЛ МВД» следует, что по состоянию на 5 апреля 1956 г. труд заключенных использовался в следующих отраслях народного хозяйства: в цветной металлургии — 60 877 человек; в угольной промышленности — 60 735 человек; в нефтяной промышленности — 23 600 человек; на специальном строительстве гидротехнических сооружений 34 594 человека, на стройках Министерства среднего машиностроения и Главспецстроя — 92 473 человека; в лесной промышленности — 240 815 человек; на предприятиях и строительствах других министерств — 71 889 человек; в промышленных и сельскохозяйственных предприятиях МВД — 196 647 человек [9, л. 388–399].

Из приведенных статистических данных видно, что преобладающее количество осужденных было занято в лесной промышленности. Такое положение можно объяснить тем, что исправительно-трудовые лагеря лесной промышленности обеспечивали лесоматериалами предприятия угольной, горнорудной и целлюлозно-бумажной промышленности, машиностроительные, вагоностроительные и автомобильные заводы, заводы сельскохозяйственного маши-

ностроения. В своей докладной записке к А.П. Берии С.Н. Крутлов писал, что исправительно-трудовые лагеря лесной промышленности МВД являются одним из основных лесозаготовителей Советского Союза [8, с.484].

Таким образом, труд осужденных использовался как в производстве средств производства, так и в производстве предметов потребления, но с разной долей участия и разной степенью эффективности. Английский исследователь Р. Конквест считает: «Есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен — например, на шахтах... Хотя система принудительного труда годится отнюдь не везде, есть определенные области, где она может быть доходной» [10].

Воспитательная (социальная) цель труда осужденных в пенитенциарных учреждениях, в основном, заключалась в получении или сохранении уже имеющейся специальности, необходимой после освобождения из мест лишения свободы. Достижению этой цели служили созданные в пенитенциарных учреждениях промышленные производства и общеобразовательное и техническое обучение, но через призму ведомственных интересов [11, с. 79].

Начиная с конца 1950-х годов в СССР проводились мероприятия по политехнизации общеобразовательной школы и обучению осужденных массовым профессиям, что положительно отразилось на организации профессионального обучения. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 11 июня 1958 г. № 4236 общеобразовательные школы, классы и учебно-консультационные пункты были переданы в ведение областного отдела народного образования.

В 1957 г. в исправительно-трудовых учреждениях Кемеровской области находилось три средних, девять неполных средних и 42 начальных школы, в которых обучалось 2247 человек. По состоянию на 1 сентября 1958 г. насчитывалось средних — 7, неполных средних — 10, начальных школ — 30, учебно-консультационных пункта — 2, отдельных классов — 22, с общим охватом учащихся 5334 человека [12, л. 25]. На их число приходилось восемь библиотек с 13 344 экземплярами литературы (экземпляров политической направленности — 1812, технического характера — 1699 и художественных книг — 8641. Постоянными читателями литературы, имевшейся в библиотеке, были 55% от общего числа заключенных. Администрация исправительных учреждений обеспечивала осужденных к лишению свободы 265 газетами и 121 журналом, кроме того сами заключенные выписывали 119 газет. В исправительно-трудовых учреждениях области имелись киноаппараты (11) и радиоузел (8) [12, л. 29-30].

В целях развития народного образования, в том числе профессионально-технического, в 1959 г. был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В соответствии с принятыми законодательными актами в исправительно-трудовых учреждениях значительно увеличилось число школ и курсов профессионально-технического образования, начали создаваться профессионально-технические училища, их филиалы. Создание учебных заведений профессионально-технического образования было качественно новым этапом в развитии системы

профессионально-технического образования осужденных. Именно в профессионально-технических училищах и их филиалах стали успешно решаться вопросы подготовки квалифицированных рабочих [13, с. 11].

В 1963 г. в колониях УМЗ Кемеровской области работало четыре средних, семь восьмилетних и одна начальная школа, четыре консультационных пункта для старших классов. Количество обучающихся осужденных составило более 50%, из них 3600 заключенных было охвачено общеобразовательным обучением, 800 человек обучались в профессиональных технических училищах, курсовым путем, проходили бригадное и индивидуальное ученичество. В 1962–1963 учебном году в колониях ИТК закончили обучение 2928 заключенных, из которых начальные классы окончили 1120 человек, восьмилетнюю школу — 1742, среднюю школу — 66 заключенных [14, л. 50].

В целях обучения профессиям, требовавшимся народному хозяйству, профессионально-техническое обучение осужденных было нацелено на подготовку квалифицированных кадров для промышленности, сельского хозяйства и оказывало воспитательное воздействие на заключенных. К примеру, только в 1961 г. в ИТУ Кемеровской области были организованы: два профессионально-технических училища, двенадцать начальных и пять восьмилетних общеобразовательных школ. Значительно увеличилось и количество преподавателей, мастеров, инструкторов из числа вольнонаемного состава, которые в процессе обучения оказывали положительное влияние на осужденных [15, л. 34].

Еще больше расширилась сеть профессионально-технических училищ и их филиалов во всех исправительно-трудовых учреждениях после принятия Общего положения о профессионально-технических училищах при исправительно-трудовых учреждениях Министерства охраны общественного порядка СССР, утвержденного приказом Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию и МООП СССР от 26 июня 1968 г. № 45/411.

Итак, в указанный период заметно повысился образовательный и культурный уровень осужденных, в местах лишения свободы стали готовить квалифицированные кадры из числа отбывающих наказание. Однако профессиональное обучение было подчинено потребностям народного хозяйства, а также производству, организованному в местах лишения свободы.

Подводя итог выше сказанному, можно утверждать, что в исследуемый хронологический период труд осужденных не утратил своего методологического и практического значения. Будучи основным средством исправления осужденных, организация труда осужденных к лишению свободы преследовала экономические и воспитательные цели, максимальное достижение которых в конечном итоге являлось залогом достижения основных целей наказания. При этом приоритетное значение отдавалось экономическим целям, направленным на создание материальных и культурных ценностей государства, однако поставленные в процессе труда экономические цели не противоречили остальным, а, напротив, были объективно сближены единством конечных результатов в виде исправления осужденных.

Библиографический список

1. *Шамсунов С.Х.* Труд и социализация личности осужденных к лишению свободы в России. Самара, 2005.
2. Об утверждении исправительно-трудового Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 1 авг. 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
3. Об исправительно-трудовых лагерях и колониях: распоряжение Совета Министров СССР от 10 июля 1954 г. № 7688-рс // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 151–162.
4. Приказ МВД СССР № 990 с объявлением «Положения об ИТК и тюрьмах МВД СССР» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С.195–206.
5. Об утверждении «Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР»: Указ Президиума Верховного Совета от 9 сент. 1961 г. № 154/3. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5722.htm
6. *Панкратова З.Н.* Социологический анализ трансформации функций отечественной пенитенциарной системы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 3.
7. *Цепкалова А.А.* Главпромстрой в системе ГУЛАГа: экономика принудительного труда на «Великих стройках коммунизма». URL: http://www.hist.msu.ru/gulag/Articles/statya-ejgodnik-tsepkalova.htm#_ednref7
8. *Хлевнюк О.В.* История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3: Экономика Гулага / отв. ред. О.В. Хлевнюк. М., 2004.
9. О назревшей реорганизации системы ИТЛ МВД: доклад МВД СССР в ЦК КПСС № 74 от 5 апр. 1956 г. // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 479.
10. *Конквест Р.* Большой террор. Кн. 2 / пер. В.Владимирова. URL: http://www.sd-inform.org/upload/books/Antitotalitarism/Repressii/bolshoi_terror_kniga_II_.pdf
11. *Раскевич А.А.* Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46).
12. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 206. Оп. 7. Д. 7.
13. *Шамсунов С.Х.* Профессионально-техническое обучение осужденных к лишению свободы в России (социально-правовые и организационные аспекты). М., 2004.
14. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 206. Оп. 8. Д. 15.
15. ИЦ ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Т. 2.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

L.S. Yakovlev, E.V. Potekhina
**Infotainment as a Strategy
of Sociocultural Space Structuration**

The information space constructed and functioning interactively is studied. It is proved that the concept of infotainment is natural for the postindustrial era in conditions of information and entertainment functions transition from public to private space. The phenomenon of blogging which has developed intensely due to the optimum implementation of infotainment principles in it is analyzed.

Key words and word-combinations: information space, network infotainment, blogs, blog movement.

Рассматривается информационное пространство, конструирующееся и функционирующее в диалоговом режиме. Доказывается, что концепт инфотейнмента органичен для постиндустриальной эпохи в условиях перевода функций информирования и развлечения из публичного пространства в приватное. Анализируется феномен блогинга, получивший интенсивное развитие благодаря оптимальной реализации в нем принципов инфотейнмента.

Ключевые слова и словосочетания: информационное пространство, сетевой инфотейнмент, блоги, блогерское движение.

УДК 004:002
ББК 73

А.С. Яковлев, Е.В. Потехина

ИНФОТЕЙНМЕНТ КАК СТРАТЕГИЯ СТРУКТУРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Развитие Интернета кардинальным образом изменило организацию культурной среды. В индустриальных обществах, как и в традиционных (возможно, даже в большей степени, в меру профессионализации творчества), культурное производство и потребление были разделены. Характерные для индустриальных обществ инфраструктуры, опосредующие культурный обмен, были нарочито обезличены и исключали изначально, в технологическом плане, всякую возможность интерактивного взаимодействия. Между писателем, журналистом с одной стороны, и читателем книги, журнала, газеты — с другой стояла типография, и соединял их лишь статичный продукт на бумажном носителе с фиксированным содержанием, допускавший только возможность «писем в редакцию» как формы диалога.

Интернет, напротив, подразумевает диалог. Образы «вавилонской библиотеки» (Х.Л. Борхес) или «незримой библиотеки»

2016 ● № 3 (54)

89

(М. Фрай) не передают его сущности, поскольку хранилище самой совершенной организации и с безграничными ресурсами остается всего лишь хранилищем. Интернет — нечто намного большее. Обмен сообщениями может быть осуществлен практически мгновенно, техническая пауза имеет место, но для человеческого восприятия несущественна. Естественно, предполагается смена модели как культурного, так и информационного обмена. Более того, разделение коммуникативного и информационного пространств, институционализированное в индустриальную эпоху, перестает быть очевидным. Отсюда следует и преодоление разрыва между информацией и развлечением. Понятие инфотейнмента оказывается для постиндустриальной эпохи абсолютно естественным именно в силу перевода функций информирования и развлечения из публичного пространства в приватное. В некотором смысле это шаг в глубокую архаику, в эпоху до скальдов и летописцев, но, разумеется, на кардинально иной основе.

Есть существенная разница между массмедийным инфотейнментом, получившим распространение с начала 80-х годов (зародился он много раньше), и сетевым. «Развлекательная» подача информации на телевидении и в прессе представляла собой лишь форму диалога, будучи инструментом журналистики. Сетевой инфотейнмент является выражением субъектности участников информационного обмена, по большей части не подпадающих даже под определение принадлежности к общественной журналистике, поскольку они вообще не ставят перед собой задачу кого-либо информировать.

Спонтанная активность блогеров и других участников сетевых проектов (прежде всего в рамках YouTube) является не аналогом деятельности СМИ, а формой самоидентификации. Однако, развертываясь в пространстве, структурированном именно деятельностью массмедиа, такая активность приобретает свойственные массмедиа формы. Этим определяется как научная, так и практическая значимость осмысления феномена инфотейнмента. Для науки важно описание новых субъект-объектных отношений в социокультурном и информационном пространстве. Для практики — разработка политики в отношении сетевой активности стремительно возрастающей части населения, особенно молодежи. На текущий момент ни законодательную базу, ни сложившиеся организационные формы регулирования этой активности нельзя считать оптимальными. Однако прежде чем разрабатывать конкретные управленческие решения, нужно сформировать адекватное понимание природы сетевого массового инфотейнмента, механизмов его развития.

Особенностям российского рынка онлайн-СМИ посвящен целый ряд исследований последних лет. Сетевые СМИ осмысливаются как общественное явление, как новая форма организации информационного и коммуникативного пространства [1–3]. Столь же масштабными выглядят и исследования феномена блогинга как компонента современной культуры. Осуществляется специальный анализ личности блогера [4; 5]. Блоги изучаются как форма коммуникации, самореализации личности; в аспектах гендерной составляющей, как образовательная технология [6; 7]. В последние несколько лет появился целый ряд исследований, посвященных характеру влияния развития новых форм коммуникации на традиционные формы взаимодействия журналистики и потребителей контента [8–10]. Ведутся и исследования, непосредственно посвященные инфотейнмен-

ту. Однако это явление рассматривается главным образом как феномен медиа-пространства, компонент интернет-среды, явление медиакультуры. В меньшей степени изучены технологии сетевого инфотейнмента [11; 12].

Гипертекстовая организация предполагает мультимедийность. Потенциальная возможность интегрировать в информационный поток материалы любого типа, созданная дигитализацией, реализуется просто потому, что технически не представляет сложности. Но поскольку видеоряд многократно эффективнее для трансляции информации, чем текстовая ее подача, стратегии, основанные на использовании мультимедиа, становятся преобладающими. Тренд к мультимедийности блогосферы в последнее десятилетие стал очевидным. С одной стороны, более информативными становятся каналы на YouTube, с другой, использующие классические площадки блогеры все в большей степени интегрируют в представляемый материал видео, фотоматериалы. Инфотейнмент становится преобладающим форматом.

Мультимедийность создает новые возможности. Возрастает свобода в выборе формы сообщения, возможность тонкой регуляции силы его эмоционального воздействия (возможность синтеза свойств телевидения, радио и прессы в одном сообщении; отсутствие необходимости «пересказа», явного или подразумеваемого, визуальных сообщений в текстовой или аудиоформе из-за отсутствия возможности передать их «как есть»). Очевидным следствием становится меньшая потребность в использовании тропов и других стилистических средств выразительности, которые журналистика заимствует из литературы. Расширяются границы свободы эксперимента при создании новых журналистских жанров и синтеза существующих [13]. Мультимедийность выступает функциональным проявлением глобальных свойств метатекста, особенностью дискурсов информационного общества.

Как пишет А. Зимин, «чтобы противостоять конкуренции блогеров, журналам придется превратиться в виртуальные игрушки... планшетный вариант Wired демонстрирует жесткость конструкции пополам со свободой... Это барочная версия медиа... линейный принцип листания, но появляется интертекстуальность. Макет перестает быть статичным: в зависимости от поворота планшета он начинает течь... Реклама оживает, становясь не только имиджевой и информативной» [14].

А. Гордеева выделяет приемы инфотейнмента на материале не СМИ, а розничной торговли, где он тоже оказался вполне успешным: визуализация, персонализация, индивидуализация: «французская сеть оптик ACUITIS отвела в магазине специальное место под выкладку оправ, идентичных тем, которые носят известные во всем мире люди... Одри Хепберн, Марлен Дитрих, Альберт Эйнштейн, Далай-лама, Джонни Депп, Вуди Аллен и прочие... австралийский бренд Quicksilver буквально разобрал на составные части ставшие классикой шорты для любителей серфинга коллекции 1969 г., дополнив описание и разместив исходный лого в форме волнь» [15].

Инфотейнмент органически вписывается в современные сервисы социальных сетей: Instagram, Facebook, ВКонтакте. Одна из самых мощных и технологически совершенных платформ — Google+. Вряд ли в ближайшее время будет побит рекорд темпов ее роста: порядка 10 миллионов пользователей, присоединившихся к сети за первые две недели. Естественно, возможным это

стало в силу привязанности к популярнейшему поисковику. Тем не менее и возможности самой сети впечатляют. Самая характерная особенность функционала Google+ — это Круги (Circles), позволяющие разделить весь свой круг общения на различные группы. Сервис Видеовстречи (Hangouts) позволяет пользователям принимать участие в групповом видеочате, к которому могут подключиться до 10 человек. Реализована функция переключения камеры (фокус переходит на того, кто говорит). Темы (Sparks) — механизм рекомендаций. Этот раздел представляет самые трендовые, интересные и читаемые публикации в Интернете, отобранные на основе рекомендаций пользователей.

Социальная сеть ВКонтакте является аналогом крупнейшей сети Facebook и наряду с сетью Одноклассники входит в число самых масштабных и посещаемых социальных сервисов в СНГ. Нами осуществлено онлайн-интервью на площадке ВКонтакте. Попытка выяснить отношение к тем сайтам, на которых «сидят» респонденты, позволила установить следующее.

«Можно по-разному относиться к сайтам, как положительно, так и отрицательно, но больше всего отрицательно; молодежные соц.сети пагубно влияют на молодежь, что приводит к деградации общества, люди просто перестают общаться лично при встречах, редко посещают библиотеки, потому что все, что мы хотим найти, находится в полном доступе. Могу сказать, что мое мнение по поводу Интернета нейтральное; я могу найти то, что мне необходимо, чтобы не затрачивать свое свободное время, но, с другой стороны, это же свободное время я убиваю этим же Интернетом. Поэтому каждый относится к сети Интернет по-разному».

Конечно, это суждение можно свести к классической формуле: «мышь плакала и кололась, но продолжала есть кактус», но в действительности оно представляет собой попытку совместить личное отношение с воспринятым общественным мнением. Получается несколько противоречиво.

Мы попросили респондентов определиться касательно музыкальных предпочтений, рассказать, где ищут музыку и как выбирают.

«По поводу музыки могу сказать, что я меломан, у меня нет определенного жанра музыки, любимого исполнителя. Нет определенных предпочтений, слушаю то, что мое ухо воспримет положительно. По поводу поиска я не заморачиваюсь, не ищу в просторах Интернета и не покупаю в приложениях. Существует в наше время такая удобная штука, как кэширование аудиозаписей, поэтому поиск музыки не составляет никакого труда».

Довольно интересное суждение, демонстрирующее позицию человека, воспитанного на сервисах, возникших, по сути, за последнее десятилетие.

«Музыку слушаю на радиостанции и музыкальных каналах, предпочитаю любые жанры, музыку ищу на специальных музыкальных сайтах».

Это позиция человека, также не имеющего определенных предпочтений, но более «ортодоксального» в своем подходе к выбору музыки. Следующий респондент по своим ориентациям вполне типичен:

«попса))) вк. рекомендации, новинки».

В общем, это — идеальный пользователь современных сервисов, как и следующий:

«Зарубежная популярная музыка. Слушаю на сайте Muz.ru, YouTube и VK.com».

Впрочем, есть и иные точки зрения.

«Мне нравятся видео о путешествиях, музыкальные клипы, научные фильмы (лекции и документалистика). Я хотел бы делать детские мультфильмы и выкладывать их в YouTube. Но я бы хотел, чтобы русскоязычный YouTube тщательнее модерировался на предмет использования нецензурной лексики в комментариях другими пользователями».

Стремление включиться в реальное создание контента можно приветствовать. В данном случае оно сопряжено со спорной точкой зрения относительно модерации, в определенной мере нарушающей принципы работы YouTube. Однако на мнение имеет право каждый.

Ошибка кроется в отождествлении интернет-среды с теми или иными проявлениями письменной культуры. Миллионы людей, которые прежде не писали бы ничего, кроме того, что их заставят, по сути, не пишут и сейчас, но вполне успешно ведут блоги, а в бумажную эпоху обменивались бы мнениями устно, в своем ближайшем окружении. Интернет расширяет это окружение, не более того. Как нечто чуждое традиции, порожденное информационной эпохой, блогерское движение может восприниматься только в очень искаженной системе координат. Нет ничего более естественного, чем готовность людей обсуждать различные аспекты своей жизни. Блог не надо даже отождествлять с дневником, которые в бумажную эпоху вели, разумеется, не все. Однако почти все участвовали в распространении сплетен.

Следует принципиально различать массовое блогерство и инициативы отдельных лиц, именуемых блогерами, но в действительности выступающих совсем в иной роли. Когда Дж. Уинстенли публиковал свои памфлеты с призывами радикально перестроить английское общество, он занимался вовсе не тем же, чем сотни тысяч его современников, судачивших в пабах или дома о самых разных вещах. Он осознанно обращался к населению Англии, желая убедить, поменять установки, заставить действовать, и выступал как публичный политик. Точно так же смешно называть блогером А. Навального.

Абсолютное большинство блогеров не задумывается вовсе, к кому и зачем обращается, точно так же, как не задумываются об этом люди, сплетничающие о миллионах разных вещей, не задаваясь вопросом, зачем они это делают. По сути, речь идет совсем об иной потребности, связанной не с решением тех или иных социальных проблем, а с обретением ощущения не-одиночества [16].

Достаточно распространенной является иллюзия того, что пользователи подходят к блогам с теми же критериями, что и к СМИ. При этом в дискурсе акцентируются: вера в «свободность блогов» и в отсутствие цензуры; скорость распространения информации по блогосфере; значимость личностной окраски информации; огромное число источников информации (каждый блогер является источником информации); анонимность [17]. Все это можно называть преимуществами, лишь взяв отношения СМИ с читателем (зрителем) за эталон. Между тем, как уже упоминалось, происходит смена парадигм, отказ от заданных СМИ стандартов и эталонов.

СМИ выполняли функцию формирования общественного мнения. Являвшиеся недавно общепринятыми представления о нормативной структуре информационных потоков порождены именно этой ситуацией. Советские электронные и печатные СМИ больше половины объема новостных и аналитических блоков уделяли представлению сведений о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, не имеющих для потребителей этой информации никакого практического смысла. Сегодня повестка дня СМИ стала иной, но ее по-прежнему определяют владельцы и руководители массмедиа. Читателю / зрителю по-прежнему сообщают бесполезные вещи. Блогеры просто рассказывают о том, что им интересно; в какой-то мере даже не публике, а самим себе.

Принципиально важен при этом способ рассказа. Формат определяет содержание, как понял еще полвека назад М. Маклюэн [13]. Если десять лет назад типичный блог оформлялся как текстовый, то сегодня доля мультимедийного контента неуклонно растет. В середине 2000-х годов термин *podcasting* был официально включен в Оксфордский словарь (*New Oxford American Dictionary*), и признан «словом 2005 года». Уже к концу десятилетия подкастинг можно было считать разновидностью ведения мультимедийного блога «для тех, кому лень писать», причем за новыми записями (подкастами) удобно следить с помощью технологии RSS-каналов. Вслед за Apple созданием и распространением подкастов занялись практически все серьезные игроки на рынке; в России первопроходцем была телекомпания НТВ [18].

Важно подчеркнуть, что чем технологичнее используемое средство трансляции информации, тем выше вероятность воспроизводства им официальной повестки дня в силу неизбежной профессионализации. Но подкаст только внешне кажется более технологичным, чем текстовая запись. На деле технологии «спрятаны внутри», создатель подкаста может обойтись банальными навыками, приобретаемыми за считанные минуты. В программе *GarageBand*, поставляемой по умолчанию с девайсами от Apple, создать подкаст может любой человек, обучение не требуется. Собственно, здесь происходит то же самое, что и в случае *Instagram*. Сервис весьма сложен, но пользоваться им может ребенок.

Первоначально организация интернет-пространства складывалась спонтанно. В силу того, что число пользователей было относительно невелико, крупные игроки на рынке информационных продуктов особого интереса к Интернету не проявляли, телевидение казалось намного важнее. Но со стремительным ростом числа пользователей ситуация радикально изменилась. В Интернет пришли оффлайн-СМИ, первоначально просто создавая свои онлайн-версии. Затем возникли чисто сетевые СМИ, работавшие по принципам в основном аналогичным традиционным газетам, журналам, телестудиям. Однако этот подход был неконкурентоспособным. Сеть строится по своим законам, и мощные иерархические организации с огромными ресурсами могут проигрывать неустойчивым объединениям частных лиц, потому что сама природа иерархий противоречит логике сетевых отношений. Отдельно взятый блогер выглядит абсолютно беспомощным и жалким на фоне медиа-холдинга, но именно блогосфера становится основной формой информационного пространства Интернета.

Блогерство имеет прежде всего технологические преимущества. Традиционные СМИ пришли в Интернет со всем накопленным опытом, но здесь он

оказался скорее недостатком, нежели преимуществом. Самый талантливый и опытный колумнист не найдет своей аудитории в сети, если не овладеет приемами построения гипертекста. Овладев ими, он перестает быть колумнистом и становится блогером, сначала по используемым техникам, потом — по идеологии, потом — по мироощущению. Завоевание мира Интернетом нельзя отождествлять с победой хаоса над порядком. Это вытеснение иерархических структур сетевыми. Но на стороне Сети все преимущества диссипативных структур перед линейными формами организации. У систем, органичных для индустриального общества, нет шансов против систем, уровень сложности которых на несколько порядков выше.

Блогосфера не заменяет собой СМИ, а вытесняет их, меняет базовую парадигму информационного пространства. Информационная революция в действительности состоит в кризисе института СМИ. Созданный относительно недавно, он органичен именно для индустриальной цивилизации, естественно утрачивает свое значение с ее кризисом и умрет вместе с нею. Не следует механически отождествлять блогеров с журналистами: происходит не замена акторов, а фундаментальное изменение в соотношении публичного и частного пространств. Очевидна бесперспективность механического воспроизводства инфраструктур, эффективно работавших со СМИ, в новых условиях. Блогосфере нужны иные инфраструктуры, учитывающие изначально сетевой характер активности блогеров.

Библиографический список:

1. Пургин Ю.П. Сетевая революция: вызовы традиционным СМИ // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1 (82). С. 170–176.
2. Иванов Д.В. Трансформация коммуникационной модели в сетевых СМИ: изменение роли аудитории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 2. С. 231–235.
3. Сюндюков Н.К. Интернет-СМИ и особенности их функционирования // Управленческое консультирование. 2014. № 12 (72). С. 180–191.
4. Горшкова Е.И. Блог как вид интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.
5. Бойченко Т.В. Гендерная составляющая блог-коммуникации. На материале личных автономных блогов: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2013.
6. Бойченко Т.В. Гендерная составляющая коммуникативного поведения блоггеров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 57–66.
7. Ноздрин Н.И. Самореализация личности посредством ведения блога // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 2-2 (21). С. 104–105.
8. Баранова С.В. Деформация эстетической парадигмы под воздействием персонифицированной информации в Интернет-СМИ: подмена факта личным мнением // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 1. С. 46–51.
9. Чамина О.Г. К вопросу об исследовании гипертекстовых стратегий в сетевых изданиях СМИ (по материалам авторских блогов) // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2014. № 1 (65). С. 35–38.
10. Акаев Д.В., Фомин О.Н. Политический блог: опыт социологического анализа // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3.
11. Драгун Е.М. Влияние массовой культуры на формирование современного инфотейнмента и его социокультурные функции // Вопросы культурологии. 2014. № 9. С. 34–38.

12. *Чаган Н.Г.* Инфотеймент как явление медиаккультуры // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 2 (70). С. 76–82.
13. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.; Жуковский, 2003.
14. *Зимин А.* «Инфотеймент» – будущее глянцевого прессы. URL: <http://www.forbes.ru/column/49061-infoteiment-budushchee-glyantsevoi-pressy>
15. *Гордеева А.* Инфотеймент в розничной торговле. URL: <http://marketinginretail.ru/articles/186507>
16. *Акаев Д.В.* Использование краудсорсинговых интернет-проектов в социально-политических процессах // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 4 (37).
17. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М., 2013.
18. *Татарников О.* Блогосфера: состояние и перспективы. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=17260>

Z.O. Serebryakova
The Problem of Modern Journalism
Trust: Hope for Deinstitutionalization

The results of a theoretical study of the problem of the Russian institutional journalism trust are presented. The current media war technologies are studied. Prospects for the Russian journalism development through the institutionalization of non-institutional media are analyzed.

Key words and word-combinations: journalism, institutions, deinstitutionalization, informational war, media, trust.

Представляются результаты теоретического изучения проблемы доверия институциональной российской журналистике. Рассматриваются технологии ведения современной информационной войны. Анализируются перспективы развития российской журналистики через институционализацию деинституциональных медиа.

Ключевые слова и словосочетания: журналистика, институты, деинституционализация, информационная война, медиа, доверие.

УДК 002
ББК 76

3.О. Серебрякова

**ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ:
НАДЕЖДА
НА ДЕИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЮ**

Ситуация в геополитике и международной экономике породила кризис взаимоотношений между Россией и рядом других стран. Несмотря на то, что в проекции реальных действий поводов для эскалации напряженности все меньше, в информационном поле она сохраняется в полной мере. В этой ситуации реалии современных медиа все отчетливее приобретают черты информационной войны. «Массовая коммуникация стала серьезным инструментарием современной политики», — этот тезис Г.Г. Почепцова [1, с. 44] сегодня очевиден не только для исследователей, но и для любого, кто критически воспринимает информацию в СМИ.

Институциональные СМИ (по большей

части крупные, влияющие на общественное мнение) зачастую транслируют то, что выгодно заказчикам или регулятору их деятельности. Под заказчиками понимаются не только структуры, обладающие монополией на политическую власть: здесь и рекламодатели, и владельцы СМИ, которые влияют на редакционную политику. В результате разного рода давления СМИ теряют признаки свободной дискуссионной площадки и становятся средством ведения информационной войны. В общем смысле это означает использование СМИ как инструмента пропаганды.

В российских медиа так или иначе встречается большинство описанных в научной литературе приемов информационной войны, например, подмена источников информации, искажение первоначального сообщения, прием «воронки» (когда важная проблема уходит на второй план из-за большого количества сообщений по другой проблеме), прием «зонтика» (когда сообщения, продуцирующие непопулярную, нежелательную точку зрения, не доходят до потребителя) [1, с. 50].

Обозначенные процессы активизируют проблему доверия средствам массовой информации. О росте скептических настроений в определенных кругах можно судить даже по беглому анализу свободных дискуссионных площадок, например, социальной сети Facebook [2]. Можно предположить, что собирательный образ критика обладает чертами *хорошо информированного гражданина*, в терминологии А. Шюца. *Хорошо информированный гражданин* — представитель равнодушного слоя общества, которого не устраивает индифферентность, внушаемость и неосведомленность оставшейся части — *людей с улицы* [3]. Для *хорошо информированного гражданина* важен доступ к информации и возможность влиять на процесс ее создания. Контроль над СМИ он, безусловно, воспринимает как ограничение личных прав и свобод.

Следует учитывать, что это касается исключительно информированности в области макроэкономики и политики — в том, что принято называть «современной ситуацией». Подобной информированностью обладает часть общества с определенным уровнем образования, следящая за новостями и имеющая свою позицию по актуальным вопросам. И, конечно, не следует забывать, что в категории *хорошо информированных граждан* могут быть (и они есть) представители, которые в силу своей работы или убеждений не критичны к информации в СМИ, а лояльны к ней.

Проблема доверия в социологии широко исследована российскими и зарубежными авторами. Существует несколько точек зрения на доверие. Одной из них придерживаются, в частности, П. Штомпка [4], Н. Луман [5], А. Селигмен [6], для которых доверие выступает как рациональный выбор, помогающий жить в обществе неопределенности и риска. П. Штомпка связывает понятия доверия и уверенности [4, с. 82]. С точки зрения Ф. Фукуямы [7], Э. Гидденса [8] и других, доверие — элемент веры, который строится на чувстве единства и близости. Т. Парсонс называет доверие ожиданием взаимности, которое обеспечивает стабильное отношение взаимодействия общества и личности — общество ожидает от его членов добросовестного выполнения ролей [9].

В нашем случае обе точки зрения на доверие применимы. Трудно спорить с тем, что скептически настроенные потребители информации выбирают позицию протеста, исходя из рациональных соображений. Для них недоверие существующим институциональным медиа — осозанный выбор, подкрепленный знанием редакционной политики конкретных СМИ и личными соображениями об адекватности / неадекватности сообщения. Выбор того, кто является лояльным потребителем информации, тоже осозанный, однако здесь имеет место и трактовка доверия как *веры*. Массовый зритель часто *доверяет* (то есть верит) государственным СМИ за счет их массовости, принадлежности к власти, а иногда просто по традиции.

Рассмотрим более подробно доверие журналистике как рациональный выбор *хорошо информированного гражданина*. В условиях современных макрополитических событий доверие тому или иному источнику строится исключительно на личной информированности о том, кто делает новости и какими принципами он при этом руководствуется. Журналистика для скептического потребителя информации теряет институциональные рамки и приобретает в прямом смысле «человеческое лицо». Ей больше не верят *априори*, доверие становится результатом личной оценки и анализа. Причем даже если источник уже получил вотум доверия, сохраняется скепсис относительно того, действительно ли он сохраняет свою независимость и действительно ли ему можно доверять в дальнейшем.

Так как доверие в случае *хорошо информированного гражданина* является результатом рационального суждения, для него характерны методы объективизации, актуальные для социальных научных исследований. В частности, качественные социологические интервью, проведенные автором, показывают, что скептически настроенные потребители информации используют для формирования доверия метод триангуляции, впервые описанный как метод социологического исследования Н. Дензином [10]. Триангуляция в социологических науках — использование для анализа события разносторонних методик и источников. Выяснилось, что скептически настроенные потребители информации также анализируют несколько источников, в том числе проправительственные СМИ, зарубежные СМИ, социальные сети или видео на хостингах типа YouTube. Это позволяет увидеть разницу в оценках и сделать свой вывод. Такой подход к формированию доверия находит отражение и в социальной теории. Он коррелирует с идеями Г. Зиммеля, который рассматривает доверие как результат, возникающий на основе опыта субъекта [11].

На поддержание доверия лояльной части общества к действующей власти работают в том числе уже упомянутые методы информационной войны.

Тех, кто скептически настроен к официальным СМИ, привлекает возможность свободного обмена мнениями. Своего рода надеждой на получение достоверной информации о текущей социальной, макроэкономической и макрополитической ситуации становятся текстовые и видеоблоги, страницы лидеров мнений в социальных сетях — то, что в рамках данной статьи будет называться *деинституциональной журналистикой* (журналистикой за пределами классических институтов).

Стоит отметить, что деинституциализация — это не только процесс, позволяющий выйти за рамки институциональной логики. Это многогранное явление, существующее на разных уровнях социальной жизни. Необходимо разделять внешнюю и внутреннюю деинституциализацию. Внутренняя деинституциализация подробно описана К. Дернером: это личностная установка профессионала на возвращение деятельности, вещам и процессам их истинного смысла [12, с. 235].

Внешняя деинституциализация журналистики — это главным образом осуществление журналистских практик вне профессиональных учреждений. Здесь деинституциализация выступает как отчасти объективный процесс, спровоцированный появлением новых технологий, повлекших за собой изменения привычного статуса журналистского текста и журналистской деятельности. В системе современных медиа субъектно-объектные связи заменяются субъектно-субъектными. Потребитель информации больше не является молчаливым — его позиция активна, и если он видит, что СМИ больше не выполняют свою роль объективного «зеркала действительности», он пытается сам установить истину и создает собственный, независимый контент. Таким образом, процесс характеризуется растущим давлением на институциональные рамки и имеет своей целью «включить в профессию» непрофессионалов, которые регулярно создают и распространяют новости. Все это меняет профессиональную идентичность журналистов и отношение к ним в обществе.

Современные исследователи медиа, такие как Г. Чериан, называют деинституциализацию реакцией на отсутствие внутренней демократии в большинстве СМИ [13, с. 89]. Ч. Аттон и Дж. Гамильтон отмечают, что это один из важнейших процессов в современных СМИ, наряду с декапитализацией и депрофессионализацией [14, с. 119]. Р. Пикард считает деинституциализацию наиболее важным изменением в производстве новостей, отрывом журналистики от структурных механизмов, которые значительно влияли на ее развитие в XX в. [15].

В социальных науках деинституциализация журналистики имеет еще одно название: западные исследователи называют ее «регуманизацией» медиа. Как отмечает Р. Пикард, «регуманизация» пришла после периода дегуманизации, характерной для активного развития институциональной журналистики в XX в. Как и раньше, сейчас институциональные медиа ограничивают число тех, кто может говорить и быть услышанным. «Институты делают взаимодействие между теми, кто выражает мысли, и теми, кто их слушает, невозможным. Они крадут голоса у большинства и дают их избранным» [16]. В противоположность институциональным медиа, деинституциональные медиа дают голос любому, заново гуманизируя общение.

Одним из наиболее ярких примеров деинституциональной журналистики являются неформальные дискуссионные площадки — блоги, социальные сети, комментарии на интернет-ресурсах. В общепринятом смысле они сохраняют независимость и возможность свободных высказываний. Эти площадки не подпадают под юрисдикцию закона о средствах массовой информации, а информация, публикуемая на них, не проходит редактуру (как в случае с институциональными СМИ).

Деинституциональная журналистика аккумулирует неформальные суждения, реакцию на последние события, комментарии. И здесь возникает парадокс: с одной стороны, для интернета как дискуссионной площадки характерен крайний субъективизм; с другой стороны, благодаря доступу ко всему множеству суждений равнодушный читатель может их проанализировать, сопоставить, выявить закономерности. Это бесценная возможность, которую, к сожалению, не могут дать институциональные площадки, но именно она позволяет хотя бы приблизиться к тому, что можно назвать «объективным суждением». Как отмечает исследователь блогов и новых медиа Д. Мазесон, «технология дошла до точки, которая позволяет пользователю узнать больше о процессе создания новости. Люди видят новости во всем их развитии, и я не уверен, что это плохо» [17, с. 155].

Обратим внимание, что отличие от институциональных СМИ здесь и качественное, и количественное. Количественное заключается в несравнимо большем разнообразии информации, которую дает Интернет. Качественное — в возможности доступа к информации, которую игнорируют институциональные СМИ. Главным образом это личная информация, личные комментарии и медиаматериалы, которые пользователи оставляют на своих страницах в социальных сетях, общественных фото- и видеохостингах, а также информация, которую могут оставлять в комментариях под журналистскими материалами.

Еще одно немаловажное преимущество деинституциональных медиа — возможность найти фактический материал, не представленный на институциональных площадках. Это могут быть фотографии, случайные видеозаписи с места актуальных событий, а также мнения очевидцев. Доступ к ним позволяет сформировать собственный, отличный от официального, взгляд на события.

Когда деинституциональные СМИ только начали появляться, они действительно обладали большей степенью свободы, чем институциональные. Однако сейчас свобода деинституциональных медиа становится все более условной. Подтверждением этому являются, например, попытка подвести под юрисдикцию закона о СМИ блоги с большой аудиторией, а также политика социальной сети Facebook, которая с 1 января 2015 г. заявила о возможности обработки и использования личных данных пользователей.

Немаловажно и то, что технологии информационной войны также применяются с целью насаждения «выгодных» мнений и позиций на свободных площадках. Социальные медиа и другие проявления деинституциональной журналистики крайне привлекательны для властных структур. Причины различные: это и возможность мгновенного распространения информации, и возможность воздействовать анонимно, и возможность вычислить тех, кто не согласен с официальной позицией. В результате деинституциональная журналистика наполняется «заказной» информацией, а среди ее пользователей появляются так называемые интернет-тролли, которые по заказу участвуют в дискуссии, накаляя ее. Крайне актуальной проблемой можно назвать и многочисленные «фейки» (фотографии, обработанные в графических редакторах, смонтированное видео), которые выдаются за оригинальный визуальный контент.

Более подробно причины интереса властных структур к СМИ описаны

в работах исследователей-дискурсологов, в частности Т.А. ван Дейка [18]. Любопытно, что помимо внешних факторов он выделяет внутренние, говоря о том, что само общество больше не располагает к свободе высказываний. Во-первых, появились формальные санкции за клевету, разглашение коммерческой и государственной тайны, оскорбление чести и достоинства и т. д. Во-вторых, в общении непосредственным образом включаются нормы этики, морали, уместности высказываний. Иными словами, в современном обществе больше «не принято» критиковать группы и институты, обладающие властью.

Все это рушит надежду на деинституциализацию как освобождение от контроля и открывает возможность для новых социальных исследований. Мы стали свидетелями того, как зародилась проблема тотального недоверия медиаресурсам (как институциональным, так и деинституциональным) — это фиксируется как в интервью с профессиональными журналистами, так и в интервью с потребителями информации. Безусловно, возникли новые исследовательские вопросы об истине, критериях истинности и трансформации дискурса.

Среди перспектив развития российской журналистики возможна *институциализация деинституциональных медиа*, которая поможет защитить их от давления со стороны власти через возникновение новых упорядоченных институциональных связей. К такому выводу позволил прийти и анализ работ современных российских исследователей, и проведенное социологическое исследование. В то же время, зарубежные ученые, говорящие о существовании современных медиа в *парадигме хаоса* [19], ставят этот вывод под сомнение, считая турбулентный поток современной журналистской коммуникации исключительно нелинейной системой. И если смотреть на будущее российской журналистики с этого теоретического ракурса, то оно все еще выглядит туманным.

Библиографический список

1. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М., 2000.
2. Серебрякова З.О. Деинституциализация российской журналистики: качественный анализ документов // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета. Самара, 2015. № 1 (6). С. 84–92.
3. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
4. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012.
5. Луман Н. Власть. М., 2001.
6. Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
8. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Oxford, 1991.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
10. Denzin N. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. N.Y., 1978.
11. Зиммель Г. Философия денег (фрагмент) // Теория общества. М., 1999.
12. Дернер К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача. М., 2006.
13. Cherian G. Contentious Journalism and the Internet: Towards Democratic Discourse in Malaysia and Singapore. Singapore, 2006.
14. Atton Ch., Hamilton J. Alternative journalism. London, 2008.

15. *Picard R.G.* The deinstitutionalization of journalism. URL: <http://themediabusiness.blogspot.de/2013/12/the-deinstitutionalization-of-journalism.html>
16. The humanisation of media? Social media and the reformation of communication: Keynote speech of prof. R.G. Picard to the Australia & New Zealand Communication Association 2014. URL: http://www.robertpicard.net/files/Picard_Humanising_of_Media_Speech.pdf
17. *Matheson D.* What the Blogger Knows // Journalism and Citizenship: New Agendas in Communication. New York, 2009. P. 151–165.
18. *Ван Дејк Т.А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.
19. *McNair B.* Cultural Chaos: journalism, news and power in a globalised world. London, 2006.

E.B. Khorolceva, A.V. Fedorova
Reflexive Communication Risks
in Conditions of Crisis

Features of reflexive communication in conditions of the Russian crisis are analyzed. Opportunities of reflexive communication management at the theoretical, methodological and practical levels are considered. It is proved that cultural field transformation and command of the five-level reflection technology significantly affect the efficiency of reflexive communication risks management.

Key words and word-combinations: risk management, modern organizations, organizational and managerial risks, reflexive communication, crisis.

Анализируются особенности рефлексивных коммуникаций в условиях российского кризиса. Рассматриваются возможности управления рефлексивными коммуникациями на теоретическом, методологическом и практическом уровнях. Доказывается, что существенное влияние на эффективность управления рисками рефлексивных коммуникаций оказывают изменения культурного поля и владение технологией пяти уровней рефлексии.

Ключевые слова и словосочетания: управление рисками, современные организации, организационные и управленческие риски, рефлексивные коммуникации, кризис.

УДК 005.3
ББК 60.82

А.В. Федорова, Е.Б. Хорольцева

РИСКИ РЕФЛЕКСИВНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Мы живем в ситуации глобального и нарастающего по своей остроте кризиса, отличительными особенностями которого являются высокие уровни рискогенности и конфликтогенности. Глобальность переживаемой ситуации проявляет себя в процессе аккумуляции многочисленных системных, частных кризисов: кризиса доверия к власти, кризиса оппозиции, кризиса семьи, кризиса системы образования и здравоохранения, многочисленных проектных кризисов, организационных и управленческих кризисов, коммуникационных кризисов. «Сам кризис характеризуется сломом траекторий экономического и социального развития России, сопровождающимся повсеместным смятением умов, неясностью перспектив обеспечения личного благосостояния, потерей действовавших ранее ориентиров индивидуального и социального действия» [1, с. 8].

В структуре определения кризиса присутствует сравнительный анализ настоящего с прошлым, настоящего с будущим и ощущение нормы, легитимирующей те или иные отклонения от нее или присваивающей отклонениям статус кризисности. Кризисная ситуация связана с высокой неопределенностью как агентов организационно-управленческой деятельности, так и целостных организаций (сложных систем агентов, практик и габитусов). Агент, согласно концепции П. Бурдьё, активен, способен действовать, он является носителем социальных и организационно-управленческих, априорно конфликтных практик и стратегий. Агент в современных организациях принимает на себя функцию агента организационно-управленческих изменений, выступает инноватором, испытывающим влияние габитусов. Габитус у П. Бурдьё — селектор практик в объективной реальности и в представлениях агентов [2, с. 125–131].

Сделаем методологическое отступление: понятие агента вводится для того, чтобы акцентировать внимание на конфликтности анализируемых практик и конфликтной организации полей. Практики агентов, в том числе коммуникационные, становятся рискованными и конфликтными в рамках социального и организационного поля, выделяемого нами в исследовательском контексте [3]. Кризисная ситуация проявляет многочисленные социальные и организационно-управленческие противоречия, риски и конфликты в различных полях социального пространства.

Раскроем понятия рисков и конфликтов, которые будем активно использовать в развивающемся исследовательском контексте. Аккумулируя современные подходы к социальным и организационно-управленческим рискам, в работе применяем системный подход, в основе которого лежит понимание рисков как ситуации с ее структурными компонентами [4]. К числу основополагающих элементов могут быть отнесены источники рисков, причины рисков, условия рисков, факторы рисков, виды рисков, субъекты и объекты рисков, уровень и степень рисков, стратегии управления рисками, рассматриваемые в рамках школы планирования или школы дизайна. Школа дизайна позволяет обратиться к рефлексивным коммуникациям, так как основными требованиями, предъявляемыми к стратегии, являются: осознанность, продуманность или рефлексивность формирования; присваивание ответственности за нее руководителем; принятие им роли стратега; наличие уникальных компетенций стратега для формирования лучшей стратегии; моделирование ее как перспективы; точная определенность стратегии и простота; процесс внедрения стратегии так же важен, как и разработка [5, с. 26–41]. Каждое из семи кратко сформулированных требований детерминировано эффективно выстраиваемыми коммуникациями рефлексивного типа. В условиях кризиса рефлексивные коммуникации в качестве структурных компонентов включают неопределенность, скомпрессированность коммуникационных практик во времени, жесткие практики распределения и присваивания ответственности. Разработку стратегий управления рисками можно отнести к зоне высоких рисков.

Дополняет это определение понимание рисков как системы взаимосвязанных действий социальных агентов, направленных на преодоление информа-

ционной и временной неопределенности (темпоральности), последствиями которых могут быть как ущерб, так и выигрыш или открывающиеся возможности. Структурными и необходимыми условиями рисков являются неопределенность, системность («новая» системность, обусловленная нелинейностью протекающих событий и процессов) и два модуса (проигрыш — выигрыш).

В российской «грустной» культуре риски осмысливаются исключительно с точки зрения ущерба, ошибок, потерь, возможных санкций. Однако остается неосвоенным на теоретическом, методологическом и практическом уровне другой модус социальных и организационно-управленческих рисков — это риски, рассматриваемые как раскрывающие возможности социальных практик. Развитие этого модуса требует значительного интеллектуального и организационно-управленческого капитала. Это ресурсоемкая и пролонгированная во времени технология внедрения необходимых взаимосвязей, а также их актуализация. Значительную роль в процессе внедрения рисков как возможностей в интеллектуальную и организационно-управленческую ткань играют эффективные (неэффективные) коммуникации рефлексивного типа, на основе которых возможно создание такого организационно-управленческого ресурса, как культура риска. Нерекурсивность культурному контексту позволяет говорить о потенциально высоком уровне и степени социальных и организационно-управленческих рисков.

Отличительными характеристиками социальных и организационно-управленческих рисков выступают открытость, нелинейность и непропорциональность затрачиваемых усилий и получаемых результатов. Аналитика и систематика социальных и организационно-управленческих рисков может быть представлена с помощью «матрицы рисков», когда выявляются источники, причины, условия, факторы, виды рисков, субъекты, объекты, уровень и степень рисков, эффективные практики управления рисками. Это позволяет зонировать (выявлять зоны высокого, среднего и низкого рисков, осуществлять грамотный и системный мониторинг динамики перехода рисков из одной зоны в другую) не только поле рисков, но и поле конфликтов. Уровень и степень рисков линейно зависят от уровня и степени конфликтов. При выходе в зону высоких рисков количество конфликтов в единицу времени (уровень конфликтности) резко повышается. «Матрица рисков» выступает в роли выстраиваемой коммуникации рефлексивного типа. Она определяет структуру этой коммуникации, способствуя «схватыванию» социальных и организационно-управленческих рисков в акте рефлексии.

«Матрица рисков» выявляет зоны с высоким, средним и низким уровнями конфликтности и способствует управлению конфликтами, находящимися в зоне с высоким уровнем и степенью конфликтности [4, с. 52]. Как это реализуется в организационно-управленческих практиках? Зоны высоких, средних и низких рисков определяют границы конфликта или конфликтной ситуации, ее уровень, масштаб, стороны, действия сторон и тем самым маркируют конфликты и конфликтные ситуации. Непосредственного и немедленного урегулирования требуют конфликты, находящиеся в зоне высоких рисков. Мониторинг конфликтов, принадлежащих зоне средних рисков, поз-

воляет отслеживать их переход в зону высоких рисков. «Матрица рисков» — это одна из возможностей более эффективного управления конфликтами и практиками конфликто разрешения. Она позволяет быстро идентифицировать социальные конфликты и не останавливаться на симптомах и последствиях. Тем самым снижается вероятность попадания в «дурную бесконечность» или фрагментарность, связанную с урегулированием симптомов или последствий как рисков, так и конфликтов. Опасность урегулирования последствий рисков и конфликтов заключается в нивелировании ключевой риско-конфликтологической ситуации, которая будет снижать эффективность организационно-управленческих практик с помощью новых симптомов, со временем приобретающих кризисные формы.

В рассматриваемом контексте конфликт приобретает статус не только сложного и многомерного объекта для исследований и управления, но и механизма проявления и управления общественными противоречиями, механизма перевода деструктивных, дисфункциональных, диспроцессных и дискommункационных проявлений конфликтов в конструктивные феномены и процессы социальной реальности [5, с. 122].

Понимание кризисности, катастрофичности, рискованности и конфликтности присутствует в социально-философском, экономическом, социологическом, организационно-управленческом поле. Исследователи и представители научного сообщества стремятся отразить особенности кризисной ситуации и инвариантные характеристики организационно-управленческих практик. Перефразируя Г.П. Щедровицкого, можно утверждать что в современной ситуации осталось мало осмысленной деятельности и деятельностной мысли [7, с. 17].

Изменению сложившейся ситуации способствует рефлексия. Она предполагает обращение к уже произошедшим событиям, действиям, мыслям, комплексу мыследеятельности, процессам и ситуациям. Рефлексия — сложный и многоуровневый процесс, включающий коммуникации с весьма специфическими характеристиками [7]. Рефлексивные коммуникации — это уровень над-повседневных социальных и организационно-управленческих рутинизированных коммуникаций. Рефлексивные коммуникации позволяют состояться рефлексии как феномену, то есть структурной целостности, непосредственно данной сознанию как содержание его интенциональных актов и обнаруживающей себя через них [8]. Благодаря рефлексивным коммуникациям реализуется феноменологическая редукция, в процессе которой сознание способно вернуться к самому себе. Рефлексивная коммуникация испытывает влияние кризисной ситуации. Она приобретает свойство самореферентности, обращенности на себя.

Ситуация кризиса определяет новые параметры эффективности агентов, их практик и стратегий. основополагающей характеристикой становится не столько способность к рефлексивным коммуникациям, сколько быстрота перехода от повседневных коммуникаций к плану рефлексии и обратно. Это определяет количество решаемых задач в единицу времени. Имеют значение и уровни рефлексивных коммуникационных практик: праксиографический (что

происходило?), деятельностный (что я и не-я делал?), уровень мыслительных процессов (как я мыслил?), уровень объективации нового знания, умения (что нового я узнал?) и уровень собственно организационно-управленческой практики (что я готов использовать в рутинизированной или инновационной организационно-управленческой деятельности или совокупности деятельностей?). Эти уровни устроены иерархично, на каждом из них создаются свои объекты для коммуникаций. Уровни рефлексивных коммуникационных практик образуют «новую системность», определяя структурные компоненты организационно-управленческих коммуникаций в современной кризисной ситуации.

Уровень праксиографии отличается простыми дескриптивными коммуникациями, включающими элементы самоопределения в большей степени топологически и темпорально. Праксиографическая коммуникация несистемно «схватывает» некоторые элементы социального контекста организационно-управленческой реальности. В процессе выстраиваемой коммуникации с субъектом управления, наделенным властью, формируются многочисленные хинтерланды реальностей. Под хинтерландом вслед за Дж. Ло будем понимать пучок сколь угодно далеко распространяющихся отношений, включающих описание реальности и сами реалии. Хинтерланд — это и вероятность различного рода контингентностей, связывающих людей, материальные устройства, топологии, логики, по которым организованы эти топологии и т.д. [9, с. 288—332]. Задача праксиографических коммуникаций — вбросить личностный контекст в публичное пространство и инновировать его. В этом смысле праксиографические коммуникации приобретают статус коммуникативных действий (Ю.Хабермас). Риски праксиографических коммуникаций связаны в большей степени с динамикой развития публичных коммуникаций. Высокая степень неопределенности публичного пространства до возникновения и развертывания праксиографических коммуникаций детерминирует высокие риски. По мере роста количества интеракций праксиографического плана коммуникации усложняются, риски начального этапа снижаются, но начинает увеличиваться уровень интерпретативных рисков, а также рисков, связанных с моделированием идеально-типических ситуаций коммуникаций, и возрастает количество конфликтных ситуаций, связанных с самоопределением агентов коммуникационных интеракций. Конфликтогенными становятся процессы наложения контекстов, интерпретации и перевода, формирования единого нарратива, рационализации и объяснения.

Уровень коммуникативных действий сложен по своим репрезентативным характеристикам. Изменяется статус агента коммуникации: он трансформируется в субъект коммуникативного действия, основополагающим элементом которого является ориентация на взаимопонимание как эффективный механизм координации действий. Структурными составляющими выступают не только ситуация речи, но и ситуация действия, осуществляемого на фоне жизненного мира (значимые условия и ресурсы для взаимопонимания) и сферы референций (согласие на уровне знаний, норм, чувств, оценок). Решения принимаются на основе взаимного согласия агентов коммуникации [10, с. 35—55]. Риски комму-

никативных действий связаны как с открывающимися возможностями (рассказать о действиях в публичном пространстве с интенцией, направленной на согласие), так и с потерями, ущербом (достижение стратегического согласия из-за оценок других участников публичных коммуникаций). Рациональность публичной сферы способна изменить рефлексивные коммуникации: ценность коммуникативных действий, стратегии управления коммуникативными действиями (субъект отказывается от коммуникаций). Конфликты возможны на этом уровне благодаря оценке, интерпретации и искусным манипуляциям участников рефлексивных и публичных коммуникаций.

На уровне мыслительности происходит понимание того, как выстраивался мыслительный процесс, как формировался поток мысли. В его основе может лежать алгоритм действий, не раз опробованный и неизменно приводящий к успеху; ассоциативный ряд или простое рядоположенное понимание объектов мыслительной деятельности, когда один объект последовательно сменяет другой. Данный уровень рефлексии отличается высокой сложностью и требует особенных коммуникаций. Отличительными чертами рефлексивных коммуникаций на этом уровне становятся высокие риски: неумение и непонимание того, как возможно зафиксировать поток сознания и тем более выразить в ситуации речи. Рационализация «жизненного мира» (Ю.Хабермас): взаимодействий, опыта, знаний, которыми обладает актер рефлексивных коммуникаций, — приводит к простраиванию субъективных компонент коммуникативной рефлексии. На следующем этапе необходимо трансформировать элементы жизненного мира посредством речевых актов в социальные коммуникационные системы. Подвижность и проницаемость границы, существующей между жизненным миром и системой, позволяет выстраивать эффективные рефлексивные коммуникации в публичном пространстве. В этой ситуации публичная сфера обладает принудительными характеристиками. Она оказывает существенное давление на акторов и бросает новые вызовы их возможностям. Эти коммуникативные вызовы связаны с интегративными стратегиями, с надежностью и устойчивостью простраиваемых коммуникационных систем, с системной интеграцией.

Следующий этап рефлексивных коммуникаций связан с выявлением нового знания, опыта, который аккумулирует рефлексивные коммуникативные практики предыдущих этапов. Высокие риски этого этапа обусловлены двойными рефлексивными коммуникативными практиками. С одной стороны, уже присутствуют как феномены социальных взаимодействий рефлексивные коммуникации — последствия осознания субъективного прaksiографического и мыслительного опыта. С другой стороны, сложившиеся рефлексивные коммуникации становятся самореферентными, то есть вырабатывают собственные структуры системной внутренней и внешней соотнесенности. Выстраивается нормативная структура рефлексивных коммуникаций, которая пронизывает все уровни рефлексивного взаимодействия и обеспечивает нормативную связанность.

На последнем этапе рефлексивных коммуникаций происходит «пробрасывание» опыта и последствий рефлексивных коммуникаций в будущее, про-

страивание событий будущего. Экстраполяция опыта рефлексивных коммуникаций в настоящем на возможные события будущего происходит в условиях высокой неопределенности и рисков. Однако формирование «коридора» безопасных социальных и организационно-управленческих практик способствует существенному снижению социальных и организационно-управленческих рисков и уровня неопределенности. Возникает новый тип системы рефлексивных коммуникаций, элементами которой являются интегрированные нормативной структурой рефлексивные практики прошлого, настоящего и будущего.

Сущностными характеристиками современной рефлексивной коммуникационной ситуации становятся особенности, связанные с социальным временем протекания событий в организациях и системах управления. Если обращаться к временным особенностям (темпоральности) современности, то можно отметить высокие темпы социальных изменений, пронизывающих все сферы общества, а также ахронию, гетерогенность, эффект палимпсеста, кризисные явления, проявляющие себя в современных организационно-управленческих практиках [3].

Высокие темпы социальной, организационной жизни проявляют себя в недоформированности (отсутствии), например, миссии организаций (слишком далекие перспективы, высокая неопределенность, высокий уровень и степень риска), стратегических целей (нет времени, не хватает и других организационных ресурсов: человеческих, финансовых, материальных, информационных); в сосредоточенности на настоящем, «в точке», в сегодняшнем моменте, на текущих проблемах (которые не успевают трансформироваться в проблемные ситуации и тем более в структурированные проблемные ситуации). Сокращение горизонтов планирования и времени, которое отводится на практики планирования в современных организациях, также указывает нам на увеличение темпов организационной жизни.

Ахрония отсылает нас к фактическому отсутствию повторяющихся, периодичных организационно-управленческих и рефлексивно-коммуникативных практик. Современные организации, системы управления и рефлексивные коммуникации в них становятся нестабильными, флуктуирующими, непредсказуемыми в процессах функционирования, изменения и развития. Временные особенности можно дополнить эффектом палимпсеста (конъюнктурным переписыванием собственного прошлого).

Темпоральность (временные особенности) можно дополнить ошеломляющими изменениями современного организационного поля и поля функционирования и развития современных систем управления. Возникают новые типы систем управления и соответствующие им рефлексивные коммуникации: виртуальные, сетевые, интеллектуальные, органические, многомерные, мозаичные организации. Наибольший исследовательский интерес и наибольшие риски возникают в мультинациональных компаниях, транснациональных корпорациях, холдингах, организационных альянсах и соответствующих им типах рефлексивных организационно-управленческих коммуникаций.

Г.П. Щедровицкий, описывая особенности социокультурной ситуации, обращал внимание на кризисные характеристики, оказывающие существенное

влияние на современные исследования систем управления, и рефлексивные коммуникации, связанные с ними: выделение и оформление технологий в самостоятельные, живущие по своим законам сущности; разрыв рефлексивных практик и коммуникаций; слабые рефлексивные коммуникации и ограниченность методологических подходов к исследованиям организационно-управленческих и коммуникационных практик; риски, связанные с отсутствием исследовательских практик среднего уровня; отсутствие интегративного знания, методологии, технологий, практик; выделение проектного знания и практик, рефлексивных коммуникаций на различных этапах проектной деятельности; повышение статуса организационно-управленческих практик [7].

В заключение необходимо отметить, что риски рефлексивных коммуникаций в условиях кризиса имеют многоуровневую природу. «Схватывание» рисков возможно на теоретическом уровне в ситуации рефлексии по отношению к кризисным явлениям, их сущностным характеристикам, видам и причинам кризисов, затрагивающих социальные и организационно-управленческие практики. На методологическом уровне риски проявляются в ситуациях использования методологии мягких систем (Х.Чекланд), СМД-методологии Г.П. Щедровицкого, методологии, предложенной Дж. Ло. На технологическом уровне риски рефлексивных коммуникаций представлены результатами, связанными с использованием матрицы рисков, которая определяет структурные компоненты рисков рефлексивных коммуникаций и зонировывает их, маркируя зоны с высокими, средними и низкими рисками, требующие управления в дальнейшем. Основными элементами матрицы рисков являются источники и причины рисков; условия и факторы, конкретизирующие и раскрывающие выявленные источники и причины; субъекты и объекты рисков (агенты социальных и организационно-управленческих практик); уровень и степень рисков; виды рисков и стратегии управления ими. На технологическом уровне нами был описан процесс пятиуровневой коммуникационной рефлексии и особенности протекания каждого из этапов: праксиографического, мыслительности, социального или организационно-управленческого действия, инновационного этапа и этапа внедрения инноваций в рутинизированные организационно-управленческие практики. Нами было отмечено, что эффективность мониторинга, идентификации, оценки и управления рисками рефлексивных коммуникаций определяется пониманием организационно-управленческого контекста этих практик, системности и кризисности как инвариантных характеристик протекания этих процессов, а также интегративным характером как рефлексивных коммуникаций, так и социальных или организационно-управленческих рисков.

Библиографический список

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. М., 1999.
2. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
3. *Наумов С.Ю., Журавлев П.В., Шеховцев А.Ю., Федорова А.В.* Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2004.
4. *Федорова А.В.* Исследование современных организаций: теоретические основания и ме-

тодологические установки // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 3 (42). С. 108–116.

5. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпл Дж. Школы стратегий. СПб., 2001.

6. Хорольцева Е.Б., Федорова А.В. Исследования систем управления: методологический аспект // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 2. С. 110–117.

7. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого. М., 2004.

8. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 1. СПб, 1909.

9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.

10. Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013.

N.A. Luchkov, P.P. Anoshkin
Political Violence and the State
in Political Philosophy
by N.A. Berdyayev

The problems of political violence and the state, war, politics, and law that have not been appropriately reflected in modern literature are researched. It is proved that his conceptual and methodological approaches to understanding political violence and the state have huge practical and theoretical significance. The authors attempt to reconstruct and systematize Berdyayev's ideas of political violence and the state.

Key words and word-combinations: state, power, war, politics, political violence.

Исследуются проблемы государства и политического насилия, войны, политики, права в трудах Н.А. Бердяева, не получившие соответствующего осмысления в современной литературе. Доказывается, что концептуально-методологические подходы Н.А. Бердяева к пониманию государства и политического насилия имеют огромную практическую и теоретическую значимость. Осуществлена попытка реконструкции и систематизации идей государства и политического насилия в философии политики Н.А. Бердяева.

Ключевые слова и словосочетания: государство, власть, война, политика, политическое насилие.

УДК 321.01
ББК 66.01

Н.А. Лучков, П.П. Аношкин

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА

На современном этапе развития российской государственности политическое насилие остается важнейшим ресурсом осуществления внутренней и внешней политики государства, обеспечения стабильности, целостности и безопасности гражданского общества. На протяжении многих лет проблема государства и политического насилия является объектом исследования политической философии, социологии, политологии и других общественных наук.

Значительный вклад в разработку проблем государства и политического насилия в свое время внесли представители русской религиозной философии, идеи которых в условиях господства марксистского и либерального подходов не получили соответствующего развития и осмысления. «Выдающи-

еся русские обществоведы — В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, Л.П. Трубецкой, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, С.А. Франк, П.А. Флоренский в своих трудах постоянно обращались к анализу важнейших социально-политических проблем России» [1, с. 3].

Одним из наиболее ярких мыслителей, внесших значительный вклад в развитие теории государства и политической философии в целом, является Николай Александрович Бердяев (1874–1948), прошедший в своем становлении путь от марксизма к экзистенциализму и религиозной философии. Несмотря на религиозный характер философствования Н.А. Бердяевым выработаны новые концептуально-методологические подходы к пониманию проблемы государства и политического насилия, взаимоотношения церкви и государства, дана оценка политических и правовых учений, исследованы проблемы войны и мира.

К сожалению, политические идеи Н.А. Бердяева, которые внесли значительный вклад в развитие политической науки, не получили соответствующего отражения в российской и зарубежной политической мысли. Учитывая актуальность и значимость данной проблемы, в настоящей статье делается попытка осуществить реконструкцию концепции государства и политического насилия в философии политики Н.А. Бердяева.

В одной из своих первых работ — «Новое религиозное сознание и общественность», изданной в 1907 г., Н.А. Бердяев в рамках христианского религиозного подхода рассматривал происхождение государства и политического насилия на различных стадиях развития общества. В отличие от договорной и классовой теории происхождения государства, Н.А. Бердяев видел причину его возникновения в результате совершенного насилия и порабощения одних племен другими. Государство возникает за счет насилия и само является организованным насилием.

Первоначально государственное насилие было направлено против первобытного хаоса и на создание упорядоченного общественного устройства. В результате своего дальнейшего развития государство становится самостоятельной, оторванной от интересов общества структурой. При этом религиозные догматы язычества лишь способствовали его обожествлению, что нашло свое выражение в государственном абсолютизме и становлении деспотических государств. «Абсолютная государственность и абсолютный цезаризм выросли в языческом и варварском сознании Ассирии, Вавилона и Персии» [2, с. 94].

Возникновение и распространение христианства оказало влияние на само государство, характер политического насилия и его смысл. Н.А. Бердяев видел в первоначальном христианстве некую попытку человека защититься от произвола государства, возможность ограничения его деспотической, насильственной сущности. Человек должен иметь свои естественные права, данные ему богом, и жить по ним. «Подымающийся во мне бунт против рабства, против необходимости, против связанности, подымающееся во мне личное начало, моя честь, мое достоинство и все то, что во мне от бога, истинный образ и подобие Божье. Моя личность есть предвечный образ мой в боге, который я волен осуществить или загубить...» [2, с. 87].

Однако католическая церковь нарушила религиозные ценности христианства, создала свою внутреннюю структуру по образу государства и стала активно вмешиваться в политическую жизнь общества, преступив заповедь «воздай Богу — Божье, кесарю — кесарево». Для более полного понимания того, как осуществляется государством политическое насилие в условиях духовного господства христианства, Н.А. Бердяев употреблял понятия «папоцезаризм» и «цезарепапизм».

В папоцезаризме заключена идея и практика власти католической церкви, выходящая за рамки религиозной компетенции и претендующая на политическую власть в католических государствах. В православии, наоборот, власти цезаря (монарха) приписывалось божественное происхождение и начало, власть обожествлялась, а цезарь являлся заместителем бога на земле. Эти факторы укрепляли власть и создавали условия для осуществления абсолютной власти и политического насилия. Поэтому Н.А. Бердяев считал, что Русское государство в его тоталитарном виде произошло от Римского государства, которое как институт власти унаследовал сначала так называемый второй Рим — Византия, а затем и Россия. «Политико-правовая, философско-богословская, эстетическая культура пришли на Русь в византийском церковном обличье, и все соответствующие проблемы осмыслились исключительно в рамках богословского дискурса» [3, с. 80].

Насильственный характер русского государства Н.А. Бердяев оправдывал тем, что на формирование русской государственности значительное влияние оказало монголо-татарское иго: «Кроме восточно-римско-византийских влияний русская абсолютная, отвлеченная государственность питалась еще духом татарщины, положившей на русскую историю роковую печать. Идея русской государственности, внешне могучей, единой, богатой всеми богатствами этого мира, тысячелетиями складывалась и господствовала, но первые ее воплощения связаны со страшным именем Ивана Грозного. Собиралась Россия в великое государство, и во имя этого земного царства оправдывались все преступления, все жестокости, все насилия» [2, с. 96].

Значительное внимание он уделял осмыслению права как условия для осуществления / ограничения политического насилия. Так, в концепциях, которые он называл государственным позитивизмом, источником права является государство, за государством признают полноту и суверенность власти, санкционирующую и распределяющую права. Такая практика характерна как для государств абсолютной монархии, так и для социалистических государств. «Всякий государственный позитивизм признает абсолютность государства и относительность права, отъемлемость прав, подвергает их расценке по критериям государственной полезности. Так бывает и в государстве самодержавном, и в государстве демократическом, так будет в государстве социалистическом, если право подчиняется государству, если государству приписывается суверенность, если торжествует отвлеченное, безбожное в своем самодовлении государственное начало» [2, с. 102].

Другой тип учений признает абсолютность права и относительность государства. В данных учениях источником права является не государство, а транс-

цендентная природа личности, воля сверхчеловеческая. «Не право нуждается в санкции государства, а государство должно быть санкционировано правом, судимо правом, подчинено праву, растворено в праве». [2, с. 102]. Право может выступать с одной стороны как абсолютная правда и справедливость, отражающая божественность человеческой природы, с другой — как орган и орудие государства, фактическое выражение его неограниченной власти, быть ложью и обманом.

Н.А. Бердяев также дал оценку наиболее популярным в Европе политическим учениям, которые считают политическое насилие важнейшим средством для достижения своих целей. Так, учение Ж.Ж. Руссо отрицает свободу совести и наличие естественных прав у человека. Французская революция, провозгласив права человека, сама постоянно их попирала. Марксизм считает возможным в интересах пролетариата отнять все права у человека, лишить его свободы; парламентаризм также не может в полной мере обеспечить права и свободы личности.

Резкой критике Н.А. Бердяев подверг механизм и содержание государственной политики, в которой якобы для поиска правды широко используется ложь и обман. Политики полагают возможным с помощью насилия добиваться свободы, грязными средствами служить какой-то чистой цели. Считается, что для достижения государственных целей все дозволено. «Макиавелизм свойствен почти всякой политике. Государственно-политические страсти умерщвляют совесть, затуманивают высшее сознание, властолюбие и злоба заслоняют правду, вытраивают доброту» [2, с. 112].

Н.А. Бердяев ставил вопрос о необходимости наличия религиозного начала и разумного ограничения человеческого фактора в осуществлении государственной политики, считая ее обожествление при этом тягчайшим злом для общества. Политика должна основываться на христианской религиозности, соизмеряться с религиозностью и ограничиваться религиозностью. «Отвратителен путь политических страстей, политического властолюбия, политического озверения. Берегитесь будить зверя политики, не знающего Бога, страшно обоготворение и самодовление политики. Мы ждем освобождения от неограниченной власти политики над нами, все превращающей в средство, отрицающей самоценность всех благ культуры» [2, с. 117–118].

В целях осуществления насилия государство имеет аппарат насилия, шпионов, палачей, бюрократию. Государство должно вместо старой, разложившейся полиции набрать новую — рыцарей, которые будут противодействовать разгулу преступности. Государство должно защищать слабых и направлять общественные силы на предупреждение всякого насилия, убийства и разбоя. В тоже время оно должно создавать условия, при которых преступники могли бы очиститься и переродиться, для чего необходим морально более высокий общественный союз, необходима сила не государственная уже, а и религиозная. «Я не проповедую толстовского непротивления злу, необходимо проповедовать противление, но иными путями, не злыми же, не столь насильническими, не нужно уподобляться в противлении тем преступлениям, против которых боремся, не нужно подражать преступникам, как это часто делает государственная власть» [2, с. 122].

Н.А. Бердяев критиковал государство за его репрессивность в отношении граждан, которые выступают против несправедливой государственной политики, но при этом не отрицал государство вообще. Он полагал, что на определенном этапе общественного развития оно уступит место истинному соборному соединению людей, освобожденных от всякой необходимости и насильственной связанности.

Кроме того, в статье «К психологии революции», напечатанной в «Русской мысли» в июле 1908 г., Н.А. Бердяев писал, что потребность в государстве коренится в анархии и хаотичности мира, предоставленного самому себе и своим природным силам: «Государство является коррективом, внешним ослаблением хаоса, предотвращением окончательного распада, но внутренне оставляет нетронутой хаотическую стихию» [4, с. 122].

В работе «Философия неравенства» Н.А. Бердяев несколько иначе подходил к пониманию государства и политического насилия и не ставил вопрос о замене государства теократической ассоциацией или земской формой управления обществом. В первую очередь философ подвергал резкой критике существующие теории государства, в том числе теорию «общественного договора» и классовую теорию марксизма.

Н.А. Бердяев считал, что в государстве есть некая мистическая основа, которая существует на всем протяжении развития государственности: «Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная власть обладает магией власти, она заимствует ее от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс. Никакие рассудочные рациональные мотивы не могут заставить массы подчиниться государству и нести для него жертвы. Это не может быть оправдано никакими интересами. Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей» [5, с. 76].

На уровне философского понимания Н.А. Бердяев рассматривал взаимодействие государства и личности. Он считал, что государство и личность взаимозависимы друг от друга, и когда государство попирает права личности или наоборот личности пытаются посягать на реальность государства возникают болезненные социальные катаклизмы. Государственная власть, по его мнению, имеет религиозный исток, онтологическую основу и является первоисточником всего, что имеет онтологическую реальность.

Признание христианством государства Н.А. Бердяев видел в высказывании апостола Павла, что «всякая власть от бога» и что «начальствующий носит меч не напрасно», более того, сам Христос учил воздавать кесарю кесарево. В тоже время Христос воспретил воздавать кесарю Божье, то есть обожествлять государственную власть, признавая при этом самобытную сферу царства кесаря.

Далее Н.А. Бердяев обосновывал необходимость государства и политического насилия, говоря о том, что человечество не может жить вне государства,

вне онтологических основ власти, оно должно быть подчинено законам, отмена которых вернет людей к звериному состоянию. «Принуждающая и насильствующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии. Но это не значит, конечно, что всякое государственное принуждение и насилие хорошо, оно и само может быть злом и тьмой. В свете христианского сознания должны быть познаны аскетические основы государства. В природе государства есть суровость» [5, с. 79]. Государство есть природная историческая реальность, которая не может быть разрушена людьми. Попытки разрушить государство всегда жестоко караются.

Интересен подход Н.А. Бердяева к соотношению силы и права в контексте становления государства. В первоначальной истории человечества имело место преобладание естественной силы. Современные концепции, отрицающие приоритет силы над правом, являются непоследовательными и не раскрывают всей сущности данной проблемы. Источник права находится в силе, которая имеет онтологическую основу. На бессильном праве создать государство не представляется возможным.

Становление государства в условиях язычества сопровождалось самым жестоким насилием. Государство ограничивало звериный хаос людей, но вопрос об ограничении самого государства встал только после возникновения христианства. «Лишь христианскому сознанию впервые открылись границы власти государства, лишь для него стало впервые возможно различие и разделение двух царств. От слов Христа “воздайте кесарево кесарю и Божье Богу” началась новая эра в истории государств в мире. <...> В христианском мире государство не может уже претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит церкви, а не государству. Государство имеет дело лишь с оболочкой человека, оно регулирует лишь внешние отношения людей. И в мире христианском государство слишком часто переступает свои пределы, вторгается не в свою область, насилует душу человеческую. Но это уже грех государства, уклонение его от правого пути. Духовно государству положены пределы на веки веков и признаны права человеческой души. Это верно и по отношению к самодержавным монархиям, которые не ограничены обществом и общественными группами, но ограничены церковью и правами человеческой души» [5].

В работе «Судьба России» Н.А. Бердяев рассматривал проблемы политической власти, насилия и войны и т.д. Первая мировая война, по его мысли, привела Россию к государственной катастрофе. Во время войны ни в коем случае нельзя расшатывать основы государственного устройства, но в России это осуществлялось не только крайними революционерами, но и либералами различного толка. Продолжая исследовать проблему войны в работе «Война и кризис интеллигентского сознания» Н.А. Бердяев писал, что мировая война должна привести к радикальному изменению человеческого сознания по от-

ношению к государству. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его.

Мировую войну, согласно Н.А. Бердяеву, можно рассматривать с разных точек зрения, но в любом случае она должна быть признана результатом развития империализма. Она есть «результат столкновения империалистических волей», стремящихся к мировому господству. Мировая война связана не только с обострением империалистической политики великих держав, но и с политической всех государств, вплоть до самых малых. Все государства «хотят устроиться» в мировом политическом пространстве. Война жалует и истребляет слабые национальности, но в то же время пробуждает в них волю к автономному существованию. Огромные империалистические организмы расширяются и стремятся к образованию мирового царства.

В работе «Судьба России» Н.А. Бердяев с позиции религиозно-экзистенциального мировоззрения пытался осмыслить сущность войны. Внешне война — передвижение и столкновение материальных масс, физическое насилие, убийство при помощи механических орудий. На первый взгляд, это явление чисто материальное, не имеющее никакого отношения к духовности. Однако Н.А. Бердяев считал войну внешним проявлением духовного: все принуждающее и насилующее есть ложно направленная свобода. «Можно сказать, что война происходит в Небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине, — писал он. — Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, — оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны — символическая» [6, с. 422—423].

Смысл войны Н.А. Бердяев видел в порочности самой человеческой сущности. Он уподоблял ее болезни, которая сопровождается сыпью. При этом сыпь — только симптом, внешнее устранение которого может только ухудшить ее течение. Зло войны, по Бердяеву, — знак внутренней болезни человечества, ее материальное проявление, от которого нельзя избавиться внешне и механически. «В глубине духовной действительности давно уже началась мировая война, мировая вражда, ненависть и взаимоистребление. И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества. В этом духовном недуге и духовной войне есть круговая порука всех, и никто не в силах отклонить от себя последствия внутреннего зла, внутреннего убийства, в котором все мы жили. Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни» [6, с. 423—424]. Таким образом, зло и трагедия войны не во внешне взятом факте физического насилия, а гораздо глубже, и на этой глубине заложены до ее начала. Война только проявляет зло.

Отметим, что работы Н.А. Бердяева не утратили своей актуальности и значимости в наши дни [7]. Концептуально-методологические подходы автора к анализу политических явлений и процессов могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях функционирования современных государств.

Библиографический список

1. *Головков С.А.* Социально-политическая концепция Н.А. Бердяева: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
2. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999.
3. *Черняев А.В.* Николай Бердяев. Реформатор без Реформации // Вопросы философии. 2014. № 11.
4. *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М., 1998.
5. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012.
6. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.; Харьков, 2000.
7. *Янюшкина А.А.* Общечеловеческие смыслы концепций философии культуры и культурологических идей Н.А. Бердяева, А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1. С. 192–197.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

D.V. Nefedov, M.A. Pozhidaeva
Patriotic Symbols of the “Soft Power”
in Contemporary Russia (Case Study
of the “Russian Signs” Project)

The role of patriotic symbols as a tool for the practical implementation of Russia’s “soft power” from the standpoint of sociological interpretation is considered. The analysis of the symbols set by the international patriotic project “Russian Signs” which are employed by the public discourse of contemporary Russia’s foreign policy as a part of the conception of the “Russian World” is conducted.

Key words and word-combinations:
soft power, patriotism, symbols.

Рассматривается роль патриотической символики в качестве инструмента практической реализации российской «мягкой силы» с позиций социологической интерпретации. Представлен анализ символов международного патриотического проекта «Русские знаки», актуализированных в публичном дискурсе современной России в рамках внешнеполитической концепции «русского мира».

Ключевые слова и словосочетания:
мягкая сила, патриотизм, символы.

УДК 32
ББК 66.3(0),15

Д.В. Нефёдов, М.А. Пожидаева

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «РУССКИЕ ЗНАКИ»)

В современном мире все больший интерес вызывает возросшая роль несилых — зачастую манипулятивных — технологий в решении ряда политических задач, как внешних, так и внутренних. Итоги большинства «цветных революций» на постсоветском пространстве демонстрируют стратегическое преимущество подобных технологий, нацеленных в первую очередь на изменение культурно-ценностных основ общественной жизни. В современной политической науке данная концепция внешнеполитического воздействия получила название «мягкая сила».

Понятие «мягкая сила» ввел в политологический дискурс последователь школы американского неолиберализма Дж. Най [1]. Часть отечественного политического дискурса

концепт «мягкой силы» стал недавно, однако уже многие российские авторы (В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Пономарева, О.Ф. Русакова, О.В. Столетов и др.) занимаются исследованием как самого концепта «мягкой силы», так и внешнеполитической практики.

По мнению Най, сегодня эффективность и возможности использования традиционных силовых ресурсов все больше ограничиваются, и в современной политике решающую роль играют культурно-цивилизационные нормы и ценности, существующие в сознании индивидов. Именно они воздействуют на эмоционально-образную сферу человеческого восприятия и определяют набор шаблонов и идеалов, из которых выстраивается картина мира и которыми определяются поведенческие практики индивидов.

В своих ранних работах Дж. Най в качестве ресурсов «мягкой силы» выделял привлекательность культуры и идеологии [1, с. 167], позднее — культуру, ценности, внутреннюю и внешнюю политику государства [2]. Некоторые отечественные [3–5] и зарубежные исследователи [6; 7] в своих работах склонны особое внимание уделять именно культуре. Существуют работы, рассматривающие категории имиджа и бренда страны в качестве обязательных компонентов «мягкой силы».

Процесс воздействия идеалов и ценностей на сознание общества и отдельных граждан — в ситуации политического противостояния либо с целью консолидации общества — ведет к актуализации темы трансформации имеющейся или формирования новой символики и создания символической продукции для ее популяризации внутри страны либо экспорта в другие страны. С учетом текущего геополитического противостояния России и стран Запада, а также усиления националистических акцентов в российском внешнеполитическом дискурсе (например, концепция «русского мира»), проблема актуализации патриотических идей и символов стала крайне актуальной.

В теории социологии символ является обобщенным представлением о ком-либо / чем-либо, которое основано на интеллектуальном и жизненном опыте индивида и / или общности. Сфера обозначенного символом не имеет четких границ и охватывает широкий круг предметов и явлений. Символ всегда предполагает многозначность, наслоение смыслов и существует в сознании и психике своего носителя (индивида, общности) либо заключен в каких-то культурных формах и визуальных образах — живописи, музыке, скульптуре, архитектуре, народном декоративно-прикладном творчестве [10]. Однако нельзя забывать о двойственной природе символа: символ указывает как на внешние объекты — факты социального мира, так и на внутренние — содержание сознания и психики носителя. Таким образом совершается постоянный круговорот психики и сознания в культурные формы и обратно.

Символы задают алгоритмы индивидуального и коллективного поведения. Для того чтобы понять сущность социального символа, необходимо рассмотреть традиции его изучения. Символический интеракционизм утверждает символ в качестве основного элемента социальных взаимодействий и социальной реальности вообще. Представители символического интеракционизма Дж. Мид и Г. Блумер считают язык, жесты и действия символами ситуации

или объекта. Т. Лукман, Ю. Хабермас и П. Бергер дают определение символа как матрицы коллективных представлений, при этом их источник следует искать в социальных действиях и коммуникациях. Т. Парсонс в рамках макро-социологической теории рассматривает символ в качестве посредника между индивидом и социальными группами, а также последних между собой.

Ученые сходятся во мнении, что человек воспринимает символ не сознанием, а как бы всей личностью. Результатом такого восприятия является целостное мотивированное поведение. Важным в понимании сути и значения символа является исследование его мотивирующей, побудительной силы [11].

Политолог и социантрополог А.П. Коэн подчеркивает, что формирование социальной структуры сопровождается активным производством символов. Символика является универсальным средством коммуникации и служит некой «оболочкой» для информации, предназначенной для «своих». По выражению А.Ф. Лосева, «символ есть арена встречи между обозначающим и обозначаемым, которые, в сущности, не имеют ничего общего между собой» [12]. Это свойство широко используется как средство пропаганды, наиболее эффективными приемами которой является использование знака, графического или словесного образа, создание новых образцов, эталонов поведения, транслируемых через литературу, кино, искусство, СМИ и прочие каналы передачи информации.

Еще одним важным параметром символических структур является их одновременное существование в трех временных измерениях — прошлом, настоящем и будущем. В этом смысле символ является «мостом» между историческим прошлым народа и его будущим, обеспечивая преемственность истории и поколений. Такой символ, с одной стороны, должен содержать в себе информацию об историческом событии, герое, действии, а с другой стороны — эмоционально воздействовать на чувства людей.

Рассмотрим попытку формирования и использования символических структур в качестве инструмента «мягкой силы» в современном социальном и геополитическом пространстве России на примере проекта «Русские знаки». Выбор его в качестве объекта изучения обусловлен ярко выраженной пропагандистской направленностью (причем как для внутренней, так и для внешней аудитории). Кроме того, реализация проекта продолжается с 2013 г. по настоящее время, что позволяет проанализировать предполагаемый эффект воздействия и его изменения в динамике.

Презентация проекта «Русские знаки» состоялась в ходе пресс-конференции 3 сентября 2013 г., которая носила название «Русский бизнес ответит на гомосексуальные истерики западных политиков и медиа» [13]. Создатели проекта — Андрей Смирнов (руководитель международного проекта «Сила в правде») и Олег Макаренко (блогер Fritz morgen, создатель википроекта «Руксперт.ру»).

В российском интернет-сообществе бытует мнение, что Макаренко является «неофициальным голосом Кремля». Данная позиция основана на том, что публикации, размещаемые Макаренко в блоге, почти всегда совпадают с официальной точкой зрения Кремля, но появляются там до их официального размещения в СМИ. Часть блогеров выразила подозрение, что Макаренко

работает в Администрации Президента РФ и таким образом проводит тестирование общественного мнения.

Информация на официальном сайте гласит, что «Русские знаки» — патристический информационный проект и его главная цель — распространение «правды о русских» в России и по всему миру: «Мы все сейчас — солдаты на информационном фронте и должны сами распространять положительную информацию о русских, для того чтобы продвинуть интересы русских как нации, а точнее — русской цивилизации» [14]. Создатели проекта утверждают, что проект основан на наднациональной, цивилизационной идее («русский мир»). По мнению авторов проекта, «конкурирующими» цивилизациями являются европейская и панамериканская, вместе образующие «евроатлантическую» цивилизацию. К русской же цивилизации может быть отнесен любой человек, мыслящий на русском языке (а таких, по оценкам авторов проекта, более 250 млн). Таким образом, главным признаком русской нации является русский язык. Причем сам термин «русский» преподносится как более широкий по отношению к термину «россиянин», который охватывает только граждан Российской Федерации. Жители России — русские, а не «россияне», и повсеместное распространение этой идеи — одна из основных целей проекта «Русские знаки» [15].

Сами авторы проекта называют «Русские знаки» «асимметричным ответом» евроатлантической цивилизации и ожидают, что его реализация приведет к следующим результатам [14]: помощь в распространении патриотизма и уважения к Родине; объединение всех мыслящих на русском языке людей, вне зависимости от родословной и вероисповедания; распространение правды о русских; отпор врагам в информационной войне против России; противостояние уничтожению базовых принципов морали и агрессивной пропаганде половых извращений; противостояние национализму, шовинизму и экстремизму; продвижение интересов русской нации.

Из представленного перечня очевидно, что авторы проекта планируют распространять ценности и идеи, обозначенные в качестве альтернативы ценностям западного мира. Риторика основателей проекта в полной мере согласуется с риторикой российского истеблишмента, в которой за минувшие несколько лет возросли националистические настроения и кристаллизовались в новой интерпретации идеи «русского мира».

На практике проект реализуется следующим образом. Во-первых, борьба с информационной войной против России («Сила в правде»): производство сувенирной продукции с «фактами о русских» на русском и английском языках [16]; продвижение «вирусного» видео [17] в Интернете; создание информационных поводов с целью «актуализации тем», обсуждаемых обществом; распространение сувенирной продукции русскими туристами в местах их отдыха («Русские знаки — партизанское СМИ»). Во-вторых, сплочение «русской цивилизации»: поиск «объединяющих смыслов»; продвижение православия; проведение акций, установка памятников, организация флешмобов.

Одно из важнейших практических направлений проекта — запуск серии

сувениров, выполненных в форме самых популярных в мире российских символов и брендов, на которые нанесен текст с определенным тезисом о «достижениях русских как нации», а также недопустимости отказа от традиционных ценностей, который происходит в Евросоюзе и Северной Америке. Виды выпускаемой сувенирной продукции: футболки, магниты, универсальные наклейки, наклейки на мобильные телефоны, чехлы на телефоны, автомобильные ароматизаторы.

Выпускаются также тематические плакаты и календари со «знаковыми» темами. Большая часть точек продаж сосредоточена в центральной части России: в киосках Роспечати и Союзпечати, крупных супермаркетах («Зельгрос», «Окей», «Перекресток», «Сейлс»), интернет-магазинах (autopiter.ru, emex.ru, autodoc.ru), на АЗС («Тат-Нефть», «Астра»), а также на специальных стендах во время проведения различных мероприятий (например, на ежегодном молодежном форуме «Селигер»). Торговля ведется и в местах потенциального присутствия представителей иностранных аудиторий: на вокзалах, в аэропортах и метрополитене Москвы.

В 2013–2014 гг. сувенирная продукция реализовывалась на русском (табл. 1) [18] и английском языках (табл. 2) [19]. Надписи, размещенные на продукции, именуются «правдой» («Truth» в английской версии) и имеют порядковый номер. На официальном сайте проекта также приводится расширенная авторская интерпретация «правды» и обоснование выбора используемого визуального образа.

Таблица 1
Сувенирная продукция на русском языке (2013–2014 гг.)

№ п/п	Надпись	Поясняющий текст	Образ
1	Я – русский и горжусь этим!	Александр Суворов, русский – лучший полководец в мировой истории (XVIII век), 60 битв – 60 побед	Красная звезда
2	Здесь курить нельзя	Сотни тысяч русских каждый год умирают от курения	Знак «Курение запрещено»
3	Хотите свалить? Валите! Я – ОСТАЮСЬ!	Россия — здесь живут русские	Карта России
4	Педерастам и двустволкам вход воспрещен	У русских такие правила	Двуствольное ружье
5	Мы – русские. С нами Бог!	В мировой истории нет более победоносного воинства, чем русское православное	Ангел
6	Каждый русский ребенок может стать космонавтом	Российский космический корабль «Союз»	Космический корабль «Союз»
7	Я – русский	Двуглавый орел – герб Российской империи	Двуглавый орел
8	Это мы, русские, победили фашистов	Русский Т-34 — лучший танк Второй мировой войны (1941–1945)	Танк Т-34

№ п/п	Надпись	Поясняющий текст	Образ
9	Русские по-прежнему сильнейшие спортсмены в мире. Не верите? Посчитайте медали спортсменов из стран, входивших в СССР	Мишка, символ олимпиады 1980 года в Москве	Олимпийский мишка-80
10	Только русские регулярно делают пилотируемые космические запуски	Ракета-носитель «Союз»	Космическая ракета
11	Мы – русские, немного не похожи на других	Чебурашка – самый известный в мире герой русских мультфильмов	Чебурашка
12	Да здравствует трудолюбивый и героический русский народ!	Серп и Молот – символ социализма в СССР	Серп и молот
13	Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет	Александр Невский (XIII в.). Никто и никогда за всю историю не смог завоевать русских	Шлем
14	Мы – русские. С нами Бог!	Храм Василия Блаженного в Москве	Храм Василия Блаженного
15	Первый человек в космосе – русский	Юрий Гагарин. 12 апреля 1961 года	Гагарин
16	Я верю в русский футбол	Лев Яшин, русский. Лучший футбольный вратарь всех времен и народов	Футболист
17	У России только два союзника: армия и флот	Император России Александр III (XIX в.). Царь-пушка в Москве	Царь-пушка
18	Я верю в русский хоккей!	Валерий Харламов, русский. Лучший хоккеист всех времен и народов	Хоккеист

Обобщив, можно выделить несколько эксплуатируемых тем:

- 1) символы государственности (карта России, двуглавый орел);
- 2) советское прошлое (красная звезда, серп и молот, мишка-80);
- 3) православие (ангел, храм Василия Блаженного);
- 4) космос (Космический корабль «Союз», космическая ракета, Гагарин);
- 5) спорт (хоккеист, футболист);
- 6) нравственность (знак «Курение запрещено», двуствольное ружье);
- 7) война / оружие / военные победы (танк Т-34, шлем, Царь-пушка);
- 8) культура (Чебурашка).

Как заявляют авторы проекта, главным каналом распространения продукции за рубежом должен стать пул амбассадоров — граждан России, которые, купив данную продукцию, будут распространять ее в местах своего пребывания за границей.

Сувенирная продукция на английском языке (2013–2014 гг.)

№ п/п	Надпись	Поясняющий текст	Образ
1	If the music made you cry surely it was written by russian composer / <i>Если музыка заставляет вас плакать, ее наверняка написал русский композитор</i>	Form: Balalaika is a Russian folk musical instrument / <i>Балалайка – русский народный музыкальный инструмент</i>	Балалайка
2	Russians have the vastest forest territories on the earth / <i>У русских самые большие леса на земле</i>	Form: matryoshka is the traditional Russian souvenir / <i>Форма: Матрешка – традиционный русский сувенир</i>	Матрешка
3	Russians have the most mineral resources in the world / <i>У русских – самая богатая ресурсами страна в мире</i>	Form: Russia / <i>Форма: Россия</i>	Карта России
4	There are only 10 nuclear-powered icebreakers in the world. All of them are Russian / <i>В мире всего 10 атомных ледоколов, и все они у русских</i>	Form: Russian nuclear-powered icebreaker / <i>Форма: русский атомный ледокол</i>	Атомный ледокол
5	No one has been able to defeat Russians for 1000 years / <i>За тысячу лет никто не смог победить русских</i>	Form: The Kremlin is the residence of Russian rulers in Moscow / <i>Форма: Кремль – резиденция русских правителей в Москве</i>	Кремль
6	Now only Russians launch manned spacecrafts / <i>Только русские запускают сейчас пилотируемые космические корабли</i>	Form: Soyuz spacecraft / <i>Форма: Космический корабль «Союз»</i>	Космический корабль «Союз»
7	It was Russians who defeated Hitler in 1945 / <i>Именно русские победили в 1945 году Гитлера</i>	Form: Russian tank T-34 was the best tank in World War II / <i>Форма: T-34 – лучший русский танк Второй мировой войны</i>	Танк Т-34
8	Russians manufacture the most reliable weapons in the world / <i>Русские делают самое надежное оружие в мире</i>	Form: AK-47 is the most widely known assault rifle in the world / <i>Форма: АК-47 – самый популярный автомат в мире</i>	Автомат Ка-лашникова
9	Russians are the most numerous Internet users in Europe / <i>Русские – первые в Европе по количеству пользователей Интернета</i>	Form: LADA is the most popular car in the world with 15 million units produced and sold over the years / <i>Форма: LADA – самый популярный автомобиль в мире, выпущено 15 млн. шт.</i>	Автомобиль LADA
10	Russians saved Europe from Napoleon invasion in 1812 / <i>Русские спасли Европу от Наполеона в 1812 году</i>	Form: SU-27 is the best fighter aircraft in the world / <i>СУ-27 – лучший истребитель в мире</i>	Истребитель СУ-27
11	Russians are more kind-hearted than you think they are / <i>Русские добрее, чем вы думали</i>	Form: Cheburashka is the most famous Russian cartoon character in the world / <i>Чебурашка – самый известный герой русских мультфильмов</i>	Чебурашка
12	Justice is the most important thing for Russians / <i>Для русских главное – справедливость</i>	Form: Hammer and sickle were a symbol of socialism in the USSR / <i>Серп и Молот – символ социализма в СССР</i>	Серп и молот

№ п/п	Надпись	Поясняющий текст	Образ
13	Russians have great language and the best writers in the world / <i>У русских – самый богатый язык и лучшие писатели в мире</i>	Form: Pushkin is the most famous Russian poet (19th century) / <i>Форма: Пушкин – самый известный русский поэт (XIX в.)</i>	Пушкин
14	The best military leader in history is Alexander Suvarrow, a Russian general (18th century). 60 battles – 60 wins / <i>Самый лучший полководец в мировой истории – Александр Суворов (XVIII в.). 60 битв – 60 побед</i>	Form: Saint Basil's cathedral in Moscow / <i>Форма: Храм Василия Блаженного в Москве</i>	Храм Василия Блаженного
15	Russian first reached the North pole / <i>Русские первыми достигли Северного полюса</i>	Form: Cap with ear-flaps – is a traditional russian hat / <i>Форма: Шапка-ушанка</i>	Шапка-ушанка
16	Russians have the strongest army in Europe and Asia / <i>У русских самая сильная армия в Европе и Азии</i>	Form: The five-pointed red star is a symbol of a Soviet Union and Russian army / <i>Звезда – символ Советского Союза и русской армии</i>	Красная звезда
17	Russians take tea more often than they drink vodka / <i>Чаще всего русские пьют чай, а не водку</i>	Form: Samovar is the traditional Russian kettle / <i>Самовар – национальный русский чайник</i>	Самовар
18	Russians are not afraid of the cold, they live in it / <i>Русские не боятся холода, они в нем живут</i>	Form: Valenki are traditional Russian footwear for walking on snow / <i>Форма: Валенки – традиционная русская обувь для ходьбы по снегу</i>	Валенки

*Примечание. Здесь и далее в таблице — авторский перевод.

Тематика набора символов на английском языке следующая: символы государственности (используемые образы: карта России); советское прошлое (Серп и Молот); космос (Космический корабль «Союз»); война / оружие / военные победы (танк Т-34, автомат Калашникова, истребитель СУ-27, Кремль, храм Василия Блаженного, Красная звезда); культура (Чебурашка, Пушкин, балалайка); современные достижения (автомобиль LADA, атомный ледокол); стереотипы (матрешка, шапка-ушанка, самовар, валенки).

Сравним данный набор тем с русской версией. Во-первых, исчез ряд тем (православие, нравственность, спорт), при этом добавилась тема современных достижений и тема разрушения стереотипов. Однако выбранные для этого визуальные образы сами по себе стереотипны.

Во-вторых, произошло сокращение некоторых тем (символы государственности, советское прошлое, космос) и существенное расширение военной темы, причем во многом за счет «перекочевавших» из других тем символов. Последнее говорит о том, что английская версия более агрессивна: главными достижениями считаются военные, а не культура и социальное развитие, русский народ представляется пребывающим в постоянной боевой готовности. Справедливости ради стоит отметить, что тема «культура» также была расширена, но в значительно меньшей степени. Вообще в английской версии менее четко

прослеживается корреляция между используемыми визуальными образами и поясняющим текстом. Так, автомобиль LADA почему-то символизирует интернет-активность жителей России, а матрешка — обширные лесные просторы.

Наше исследование показывает, что используемые в проекте «Русские знаки» символы не выполняют своей основной функции — мотивирующей, побуждающей индивидов к определенным действиям (в данном случае — консолидация общества «своих» и противостояние ценностям «чужих»). Ввиду отсутствия корреляции визуальной и смысловой составляющей используемые визуальные образы не способны оказать эмоциональное воздействие на чувства людей и, как следствие, являются неэффективным инструментом «мягкой силы».

Авторы проекта проигнорировали особенности восприятия представленных образов иностранной аудиторией, как и социокультурные особенности целевых аудиторий в целом. Не учтены историческая память и образ современной России, сформированный в сознании «чужих». Большинство эксплуатируемых образов (матрешка, чебурашка, шапка-ушанка, балалайка и т.д.) — давно существующие стереотипы, которые никоим образом не помогают в распространении «правды» и продвижении интересов русской нации. Напомним, что создатели «Русских знаков» противопоставляют русскую цивилизацию и евроатлантическую. Тем более странным и непродуманным кажется решение использовать одинаковый набор визуальных символов для конкурирующих наций. В противовес западной культуре, где в основе коммуникации стоит диалог и стремление к консенсусу, предлагается монологичность и демонстрация силы.

Непонимание принципиального отличия технологий «мягкой силы» от пропаганды является общей проблемой не только «Русских знаков», но и российских внешнеполитических институтов. «Мягкая сила» предполагает диалог и акцентуацию привлекательных сторон культуры, социальных и политических процессов. Однако современная российская внешнеполитическая доктрина, равно как и публичный политический дискурс, во главу угла ставит демонстрацию военной мощи и готовности активно защищать свои интересы силовыми методами, вследствие чего «мягкая сила» уходит на второй план.

Библиографический список

1. *Nye J. S.* Soft power // Foreign policy. №80. 1990.
2. *Nye J. S.* Soft power: The means to success in world politics. N.Y., 2004.
3. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* К вопросу о культурных связях в современной социокультурной ситуации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3.
4. *Шестопал А.В., Силантьева М.В.* «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27).
5. *Наливайченко И.В.* Специфика патриотизма в условиях глобализации культуры // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 2.
6. *Casanova L., Kassum J.* From soft to hard power: in search of Brazil's winning blend. URL: http://www.insead.edu/facultyresearch/research/details_papers.cfm?id=31879.
7. *Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4.
8. *Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2.
9. *Вилков А.А.* «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и вне-

шней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2014. Т. 14, № 2.

10. Кармадонов О.А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социологические исследования. 2004. № 6.

11. Степнова Л.А. Социальная символика России // Социологические исследования. 1998. № 7.

12. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

13. Анонс пресс-конференции: «Русский бизнес ответит на гомосексуальные истерики западных политиков и медиа». URL: <http://jourdom.ru/news/38561>.

14. О проекте «Русские знаки». URL: <http://ruznaki.ru/o-proekte/>

15. Создатели «Русских знаков»: миссию нашего проекта можно считать частично выполненной. URL: <http://www.ruznaki.ru/novosti/sozdateli-russkix-znakov-missiyu-nashego-proekta-mozhno-schitat-chastichno-vypolnennoj>

16. Онлайн-магазин проекта «Русские знаки». URL: <http://www.ruznaki.ru/shop/>

17. Видео проекта «Русские знаки». URL: <http://ruznaki.ru/video/>

18. О «Русских знаках». URL: <http://old.ruznaki.com/ruznak/>

19. Продукция на английском языке. URL: <http://old.ruznaki.com/product-category/en-magnit/>

O.D. Minkeev

Features of Civil and Legal Regulation of Investment Activity (Case Study of the Republic of Kalmykia)

The civil and legal aspects of investment volatility are considered. The causes and possible solutions to the problem of instability of civil law contracts concluded between the subjects of investment activity are studied. As exemplified by the Republic of Kalmykia, the cooperation of the state and private partnership participants implementing investment projects is analyzed.

Key words and word-combinations: investment risk, the integrity of the subjects of investment activity, civil-legal contract, the Republic of Kalmykia.

Рассматриваются гражданско-правовые аспекты нестабильности инвестиционной деятельности. Изучаются причины и возможные решения проблемы нестабильности гражданско-правовых договоров, заключаемых между субъектами инвестиционной деятельности. На примере Республики Калмыкия анализируется сотрудничество участников государственно-частного партнерства, реализующих инвестиционные проекты.

Ключевые слова и словосочетания: инвестиционный риск, добросовестность субъектов инвестиционной деятельности, гражданско-правовой договор, Республика Калмыкия

УДК 347
ББК 67.404.9

О.Д. Минькеев

**ОСОБЕННОСТИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ
КАЛМЫКИЯ)**

Одной из проблем гражданского права является нестабильность гражданского оборота, о чем свидетельствует приведенная Б.И. Путинским статистика нарушений гражданско-правовых договоров: они допускаются по 80% договоров, более 1/3 договоров вообще не исполняются [1, с. 163–164].

Представляется, что нестабильность гражданско-правовых договоров, заключаемых между субъектами инвестиционной деятельности, обусловлена ненадлежащим

исполнением субъектами инвестиционной деятельности взятых на себя обязательств, их недобросовестностью, отсутствием должного правового регулирования заключения инвестиционного договора публично-правовыми образованиями. Хотя неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств можно считать одним из рисков осуществления инвестиционной деятельности, для субъектов инвестиционной деятельности важно, чтобы контрагенты по договору исполняли свои обязательства. В качестве одного из способов защиты прав субъектов инвестиционной деятельности от рисков законодательством предусмотрен институт страхования.

Так, согласно ст. 933 Гражданского кодекса РФ по договору страхования предпринимательского риска может быть застрахован предпринимательский риск только самого страхователя и только в его пользу. Таким образом, лицо, которое ведет предпринимательскую деятельность в соответствии со ст. 2 ГК РФ, должно зарегистрироваться в качестве такового в установленном законом порядке. Из этого следует, что страхователем в таком договоре может быть либо гражданин, зарегистрировавшийся в качестве индивидуального предпринимателя, либо коммерческая организация. Однако возникает вопрос о защите прав субъекта инвестиционной деятельности, в случае если в качестве такового выступает публично-правовое образование, деятельность которого не подпадает под признаки предпринимательской. Участие публично-правового образования в инвестиционных правоотношениях регламентируется нормами не только публичного, но также и частного права. Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений: гражданами и юридическими лицами, — и к ним применяются нормы, определяющие участие в данных отношениях юридических лиц, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов [2, с. 4—9].

Так, на территории Республики Калмыкия в соответствии с Законом Республики Калмыкия от 18 декабря 2008 г. № 59-IV-3 «О государственно-частном партнерстве в Республике Калмыкия» взаимовыгодное сотрудничество участников государственно-частного партнерства в реализации социально значимых, инфраструктурных, инновационных, инвестиционных, национальных проектов и программ осуществляется путем заключения и исполнения соглашений. Участниками государственно-частного партнерства в данном случае являются Правительство Республики Калмыкия или уполномоченный им орган исполнительной власти Республики Калмыкия и партнер, участвующий в соглашении. Согласно ст. 6 Закона формой государственно-частного партнерства в Республике Калмыкия может быть долевое участие в уставных (складочных) капиталах юридических лиц [3].

Таким образом, предметом соглашения могут быть взаимоотношения между Правительством и инвестором по реализации инвестиционного проекта в рамках государственно-частного партнерства, осуществляемого в форме долевого участия в уставном капитале создаваемого Республикой Калмыкия и инвестором ОАО. Приложением к инвестиционному соглашению устанавливается график оплаты сторонами доли участия в уставном капитале ОАО.

Однако невыполнение инвестором обязательств по обеспечению уставного

капитала ОАО может стать причиной срыва реализации социально значимых, инфраструктурных, инновационных, инвестиционных, национальных проектов и программ и нарушения таких принципов бюджетной системы Российской Федерации, как эффективность использования, адресность и целевой характер бюджетных средств [4, с. 775–780].

В свою очередь Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в рамках государственно-частного и муниципально-частного партнерства предусматривается возможность защиты интересов государства от риска невыполнения договорных обязательств контрагентом. Для этого в качестве обязательного условия в соглашение включается страхование риска ответственности частного партнера за нарушение обязательств по соглашению, которое оформляется как договор страхования риска ответственности за нарушение договора. Однако таким образом может быть застрахован только риск ответственности самого страхователя. Согласно ст. 932 ГК РФ риск ответственности за нарушение договора считается застрахованным в пользу стороны, перед которой по условиям этого договора страхователь должен нести соответствующую ответственность, — выгодоприобретателя, даже если договор страхования заключен в пользу другого лица либо в нем не сказано, в чью пользу он заключен. Представляется, что законодательное закрепление данного обязательного условия в соглашении обеспечит защиту интересов публично-правового образования, что сегодня весьма актуально.

Также в качестве одного из аспектов нестабильности инвестиционной деятельности можно выделить недобросовестность субъектов инвестиционных правоотношений. При этом формально действия сторон обычно находятся в рамках закона. Одной из мер по обеспечению стабильности гражданско-правовых договоров стало дополнение ГК РФ принципом добросовестности, определенным в качестве одного из основных начал гражданского права. Однако добросовестность или недобросовестность — понятия оценочные. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» Верховный Суд РФ постарался дать определение добросовестности, указав примерные критерии, которыми должны руководствоваться судьи при рассмотрении гражданских споров. При оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации [5]. Таким образом, Верховный Суд РФ дал презумпции добросовестности широкое толкование, распространив ее на объективную и субъективную добросовестность.

На наш взгляд, в целях стабилизации инвестиционной деятельности целесообразно рассмотреть возможность использования правила, определенного в ст. 507 ГК РФ, направленного на урегулирование разногласий при заключении договора поставки. К примеру, в случае, когда при заключении догово-

ра поставки между сторонами возникли разногласия по отдельным условиям договора, сторона, предложившая заключить договор и получившая от другой стороны предложение о согласовании этих условий, должна в течение 30 дней со дня получения этого предложения, если иной срок не установлен законом или не согласован сторонами, принять меры по согласованию соответствующих условий договора либо письменно уведомить другую сторону об отказе от его заключения. Сторона, получившая предложение по соответствующим условиям договора, но не принявшая мер по согласованию условий договора поставки и не уведомившая другую сторону об отказе от заключения договора в указанный срок, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора. Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Богданова, что данное правило было бы полезно для формирования у субъектов гражданского права уважительного отношения к договору еще до его заключения, и поэтому его следует предусмотреть в качестве общего правила для всех договоров [6, с. 42–49].

На стадии исполнения договора в качестве общего правила целесообразным считается также использовать закрепленное в ст. 483 ГК РФ положение, в соответствии с которым сторона договора обязана известить контрагента о нарушении условий договора. В противном случае соответствующий субъект теряет право требовать от контрагента передачи ему недостающего количества товара, замены товара и т.д.

Также необходимо отметить нестабильность инвестиционной деятельности, субъектами которой являются юридические лица, созданные публично-правовыми образованиями. В данном случае она выражается в возможности заключения юридическими лицами, созданными публично-правовыми образованиями, инвестиционных договоров без проведения конкурентных закупочных процедур, что само по себе является нарушением принципа обеспечения конкуренции.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» сферой его применения являются отношения, затрагивающие вопросы заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от имени Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования, а также бюджетным учреждением либо иным юридическим лицом [7]. Таким образом, действие Федерального закона распространяется исключительно на такие сделки, как поставка товара, выполнение работы, оказание услуги, а также сделки, направленные на приобретение недвижимого имущества или аренду имущества. На инвестиционный договор, классифицируемый как договор простого товарищества, действие указанного Закона не распространяется. Особенности договора простого товарищества, заключаемого для осуществления совместной инвестиционной деятельности (инвестиционного товарищества), устанавливаются Федеральным законом «Об инвестиционном товариществе» [8]. Так, по договору инвестиционно-

го товарищества двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и осуществлять совместную инвестиционную деятельность без образования юридического лица для извлечения прибыли. Сторонами договора инвестиционного товарищества могут быть коммерческие организации, а также в случаях, установленных федеральным законом, некоммерческие организации постольку, поскольку осуществление инвестиционной деятельности служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствует этим целям. Следовательно, коммерческая организация, а также в определенных законодательством случаях некоммерческие организации, созданные публично-правовым образованием, вправе заключить указанный инвестиционный договор без проведения конкурентных закупочных процедур, установленных Федеральным законом № 44-ФЗ. Вместе с тем, на наш взгляд, в целях повышения эффективности, результативности осуществления инвестиционной деятельности, обеспечения ее гласности и прозрачности, предотвращения коррупции и других злоупотреблений необходимо нормативно предусмотреть заключение инвестиционного договора путем проведения конкурентных закупочных процедур.

Итак, ненадежное исполнение субъектами инвестиционной деятельности взятых на себя обязательств, их недобросовестность, отсутствие должного правового регулирования заключения инвестиционного договора публично-правовым образованием порождают нестабильность инвестиционной деятельности, что отрицательно сказывается на инвестиционном климате России, благоприятное формирование которого является приоритетным направлением деятельности Правительства РФ.

Библиографический список

1. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008.
2. Кабанова И.Е. Ответственность казны за действия публичных субъектов и ответственность публичных субъектов перед казной: гражданско-правовые аспекты // Юрист. 2015. № 22.
3. О государственно-частном партнерстве в Республике Калмыкия: Закон Республики Калмыкия от 18 дек. 2008 г. № 59-IV-3 // Хальмг унн. 2008. № 229.
4. Карандаев И.Ю. Понятие «бюджетные средства» в контексте финансирования деятельности бюджетных учреждений в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5.
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8, авг.
6. Богданов Е.В. Проблемы нестабильности гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2011. № 3.
7. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 9 марта 2016 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1493.
8. Об инвестиционном товариществе: Федер. закон от 28 нояб. 2011 г. № 335-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 2011. № 49, ч. 1. Ст. 7013; СЗ РФ. 2014. № 30, ч. 1. Ст. 4221.

A.V. Viliyamovich
Ethical Behavior
of Service Businesses Staff Members

The process of ethical behavior formation within the enterprise staff, namely the purpose of ethics formation, its levels and components, is considered. Results of the authorial empirical research on the analysis of relations within the team, as well as the attitudes of managers and service workers to the ethics of behavior, are presented.

Key words and word-combinations: ethical behavior, service sector, enterprise staff members.

Рассматривается процесс формирования этики поведения внутри коллектива предприятия, а именно цели формирования этики поведения, ее уровни и составляющие. Приводятся результаты эмпирического исследования автора, посвященного анализу взаимоотношений внутри коллектива, отношения руководителей и работников сферы услуг к вопросам этики поведения.

Ключевые слова и словосочетания: этика поведения, сфера услуг, коллектив предприятия.

УДК 174:331.108
 ББК 87.754+60.823.3

А.В. Вильямович

ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ В КОЛЛЕКТИВЕ ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ УСЛУГ

Сфера услуг, как и любая другая, регулируется одновременным действием различных по своему содержанию норм. Государственно-правовые нормы обеспечивают соответствие действий людей законам, установленным государством, и общественно-политическому устройству страны в целом. Культурные нормы обусловлены определенными культурно-историческими условиями, которые оказывают влияние на выбираемые людьми методы и средства деятельности. Наконец, нравственные нормы подразумевают, что человек в своих действиях и поступках ориентируется на определенные ценности. Из приведенных трех групп норм только третья — нравственные нормы — трактуется каждым человеком субъективно в зависимости от его интеллектуального, культурного развития и психологической зрелости [1, с. 445].

Т. Гоббс в трактате «О человеке» (De homine) отмечает, что каждый стремится к удовлетворению своих интересов, стремления одних сталкиваются с подобными же стремлениями других [2, с. 5]. Э.В. Соколов при анализе феномена культуры в общественном развитии выделяет три уровня обобщений: эмпирический, нормативный и ценностный [3]. Каждый из этих уровней обобщения культуры является значимым в формировании этики поведения. Так, эмпирический уровень предусматривает наличие системы общественных оценок

(индивидуальных и коллективных) состояния и динамики этики поведения. Нормативный уровень предполагает установление норм и правил поведения для персонала предприятий, соответствующих характеру и содержанию внутрифирменной деятельности. Ценностный уровень образует систему ориентаций, предпочтений, удовлетворенности, социального самочувствия персонала в процессе формирования и соблюдения этики поведения.

Современная реальность предъявляет очень жесткие требования к подготовке компетентного специалиста в своей области, которому необходимо уметь легко ориентироваться в постоянно меняющихся социокультурных условиях, быть готовым активно включаться в любые инновационные процессы [4, с. 104].

Главной целью сферы услуг является удовлетворение общественных и индивидуальных потребностей людей [5, с. 209]. Конструирование этики поведения работников сферы услуг приобретает ключевое значение в связи с тем, что профессиональный и культурный уровень специалиста, предоставляющего услугу, часто ставится потребителями услуг выше качества самой услуги. Исследование восприятия потребителями культуры сервиса и качества обслуживания в России, проведенное в 2010–2012 гг. компанией NEXTER Research, показало, что для 77% опрошенных качество сервиса при покупке услуги важнее качества самой услуги, которое сочли более важным 62% опрошенных. 61% респондентов заявили, что при выгодном предложении, но плохом обслуживании они, конечно, приобретут товар, но снова в компанию не вернуться. 25% опрошенных при плохом сервисе готовы отказаться даже от выгодного предложения [6].

Целью формирования этики поведения работников сферы услуг, по нашему мнению, является развитие общекультурной, интеллектуально-корпоративной, коммуникативной и профессиональной компетентностей специалиста, характеризующихся знанием одновременно как этических, так и правовых норм, применением их в трудовой деятельности; владением индивидуальным и коллективным стилями работы, умением управлять людьми и подчинять личные интересы общей цели; умением оценивать свои личностные свойства и качества, регулировать свое профессиональное становление, самосовершенствование и самовоспитание; умением управлять процессами общения в коммуникативной ситуации.

Можно выделить предметную, функциональную, динамическую и результативную составляющие этики поведения. Предметная составляющая этики поведения позволяет описать и оценить эмоциональный настрой персонала в процессе производственной деятельности, определить контуры производственного поведения персонала предприятия, выявить область и причины девиантного поведения отдельных работников. Предметная составляющая позволяет представить этику поведения в виде структурно организованной единицы коллективного труда персонала предприятия. Функциональная составляющая этики поведения позволяет различить два направления ее влияния: внутреннее, связанное с налаживанием взаимосвязей внутри организации, и внешнее, нацеленное на развитие взаимоотношений организации с представителями внешней среды (таблица).

Внутренние и внешние функции этики поведения работников предприятий сферы услуг

Внутренние	Внешние
Упрощение системы координации действий (формирование этики поведения способствует упорядоченности и последовательности действий персонала) Повышение производительности труда (следствием формирования этики поведения становится положительная атмосфера внутри коллектива, а значит, усиливается в том числе и трудовая мотивация) Ускорение процесса принятия управленческих решений и повышение их качества Формирование навыков командной работы Повышение творческой составляющей в работе Формирование стабильного трудового коллектива, снижение текучести кадров Улучшение дисциплины труда	Упрощение процесса поиска новых клиентов и партнеров Возможность привлечения дополнительных денежных средств (инвестиций и др.) Усиление эффекта от проводимой рекламной деятельности Повышение репутации предприятия (благодаря сложившемуся положительному образу среди целевой аудитории, широкой клиентской базы, авторитету руководящего звена в деловых кругах)

Динамическая составляющая этики поведения призвана оценить процесс ее формирования и развития под воздействием внутренних и внешних факторов производственной деятельности персонала предприятия. Характер формирования этики поведения обусловлен, с одной стороны, реакцией на изменения во внешней среде функционирования предприятия: политических, экономических, организационных, правовых и т.п., с другой — особенностями ее самоорганизации, самосовершенствования, саморазвития. Последнее заключается в движении от изначальной разрозненности и бессистемности к образованию структурных связей между управленческими звеньями, затем в постепенном повышении уровня организованности этики поведения, обеспечивающего эффективность ее функционирования на предприятии, и формировании новой формы воздействия на персонал предприятия, качественно отличной от предыдущей системы.

В определении результирующей составляющей этики поведения необходимо развитие понимания того, что этическая составляющая личности выражается в совокупности ее навыков и умений. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, состав и структура этики поведения человека зависят от сферы его жизнедеятельности, социокультурной составляющей его бытия, формирующихся потребностей, обусловленных состоянием производственных отношений и производительных сил, а с другой — непосредственной жизненной позицией человека.

Определяющую роль в процессе конструирования этики поведения работников сферы услуг играет социальная среда как целенаправленная организованная сила. Процессы развития личности и коллектива неразрывно связаны друг с другом. Развитие личности зависит от развития коллектива, характеристик каждого члена коллектива, структуры сложившихся в нем деловых и межличностных отношений.

В связи с этим при анализе процесса формирования этики поведения немаловажным является определение текущей степени удовлетворенности ра-

ботников сферы услуг своим коллективом. Это подтверждается ответами респондентов, полученными в результате проведенного в период с 2013 по 2015 гг. авторского исследования, посвященного проблемам социального формирования этики поведения работников сферы услуг. Сбор информации осуществлялся посредством включенного наблюдения, экспертного анализа, а также социологического опроса с помощью разработанной автором анкеты. Так, респондентам ($N = 298$) был задан вопрос: «Как вы оцениваете морально-психологический климат в своем коллективе (оцените по шкале от 1 до 5)?» Ответы респондентов свидетельствуют о том, что большинство респондентов в принципе довольны сложившимися отношениями в коллективе. При этом 157 чел. (23%) оценили климат в коллективе ниже среднего. Только 11,5% опрошенных оценивают отношения в коллективе как идеальные.

Для выявления причин неудовлетворенности, сдерживающей процесс формирования этики поведения, респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале следующие характеристики:

- отношения между руководством и подчиненными — 3,1 балла;
- корпоративные нормы и ценности (миссия, цели, правила) — 2,8 балла;
- конкуренция внутри коллектива — 3,4 балла;
- компетентность и профессионализм руководства — 3,9 балла;
- компетентность и профессионализм подчиненных — 3,9 балла.

Одновременно работникам было предложено оценить поведение руководящего звена предприятия, в результате чего респонденты отметили:

- очень довольны поведением своего руководителя — 8,8%;
- довольны поведением своего руководителя — 37,0%;
- не очень довольны поведением своего руководителя — 26,8%;
- очень недовольны поведением своего руководителя, бывает даже стыдно — 6,2%;
- никогда не оценивают поведение руководства — 12,2%;
- затруднились ответить — 9,0%.

На вопрос «Каким образом формируются этические принципы в вашем коллективе?» 50% респондентов ответили, что их формирует личный пример руководителя; 30% — четкое соблюдение корпоративных правил; 10% назвали бесконфликтность, хорошие отношения между коллегами, взаимопомощь. При ответе на вопрос «Кто или что в первую очередь влияет на соблюдение этических норм в коллективе?» абсолютное большинство (83,5%) назвали требования руководителя, страх перед наказанием со стороны руководителя.

При этом респонденты среди предложенных мер по совершенствованию процесса формирования этики поведения выбрали следующее:

- организовать комитет по этике — 34,3%;
- разработать и ввести в действие необходимые положения — 78,1%;
- продумать систему поощрений и наказаний — 67,0%;
- на собраниях ввести дополнительные темы для обсуждения — 41,4%;
- проводить специальные тренинги и другие занятия — 52,8%.

Линейка ответов респондентов на открытый вопрос шире и представлена следующим образом: проведение корпоративных мероприятий; совершен-

твование системы мотивации и стимулирования на предприятии; комфортные условия для трудовой деятельности; увеличить ответственность за выполнение работ; повысить стандарты при организации процедуры подбора и отбора персонала; повысить уровень планирования работ, а не контроля; не допускать морального истощения вследствие чрезмерной загруженности.

Здесь возникает вполне очевидный вопрос о том, принимает ли руководство какие-либо меры для формирования этики поведения на предприятии. По мнению 48,4% респондентов руководство предприятия формированию этики поведения работников ничем не способствует. Затруднились ответить на предложенный вопрос 14,2% респондентов. Ответы остальных работников распределились следующим образом: исследование мнения сотрудников («проводятся индивидуальные беседы», «анкетирование», «проведение корпоративных встреч» и др.) — 13,4%; внутренняя работа с персоналом («обучение отдельных сотрудников этичному поведению», «разработка и внедрение этических кодексов», «организация конференций и семинаров») — 10,2%; внешние меры воздействия (позиционирование предприятия на рынке, участие в мероприятиях (выставках, презентациях) мирового уровня) — 16,8%; единичные ответы — 2,0%.

Из полученных данных следует, что руководители предприятий, по всей видимости, в большей степени ориентированы на повышение производительности труда и максимизацию прибыли в краткосрочном периоде, нежели на формирование этики поведения работников внутри фирмы. Сегодня рыночные отношения создают возможности быстрого обогащения, и в силу этого происходит ориентация на такие внешние факторы, как выгодные связи, знакомства и другие [7, с. 100].

Учитывая полученные в процессе нашего исследования результаты, свидетельствующие о том, что на анализируемых предприятиях сферы услуг проблема формирования этики поведения практически не учитывается в организации их деятельности, мы попросили респондентов ответить на вопрос: «Чем вы руководствуетесь в своих действиях в сложных этических ситуациях?» Ответы распределились следующим образом: опытом работы («практика работы с людьми», «накопленный опыт в разрешении конфликтных ситуаций» и т.п.) — 20,4%; действующими Положениями («конкретными указаниями и инструкциями руководства») — 34,3%; ответственностью за выполнение своей работы («держусь за свое место», «большая конкуренция») — 14,1%; лояльностью к своему предприятию («интерес к работе», «желание качественно выполнять то, чем занимаешься») — 11,2%; перспективой должностного роста — 11,4%; интуицией («действую по ситуации») — 7,2%; единичные ответы — 1,4%.

Одновременно по оценкам респондентов можно предположить, что даже при минимальном внимании руководителей предприятий к процессу формирования этики поведения работников станет возможным: повысить уровень доходов предприятия (95,8%), расширить клиентскую базу (84,9%), повысить уровень лояльности и ответственности сотрудников (62,4%), улучшить социально-психологический климат внутри коллектива (71,0%). Этому, по

мнению респондентов, в значительной мере способствует деятельность руководства предприятий, а именно показательный пример их поведения.

В заключение можно сделать вывод: выход из создавшегося положения целесообразно искать в формировании на предприятии «корпоративной культуры», «корпоративного духа»; создании условий для проявления заинтересованности в формировании этики поведения; культурно-этических принципов взаимодействия работников в решении поставленных задач.

Библиографический список

1. Саак А.Э., Пиеничных Ю.А. Менеджмент в социально культурном сервисе и туризме. СПб., 2007.
2. Потемкин В.К. Истоки и современное осмысление деловой этики // Управление персоналом: Ученые записки. Кн. 13. СПб., 2015.
3. Соколов Э.В. Культура и личность. Л., 1972.
4. Авакова Э.Б. Проявление эмоционального интеллекта в профессиональной деятельности менеджера // Управление персоналом: Ученые записки. Кн. 11. СПб., 2013.
5. Таушканова А.О., Шанц Е.А. Особенности культуры обслуживания в сфере услуг // Проблемы современной экономики: материалы II международной научной конференции (г. Челябинск, октябрь 2012 г.). Челябинск, 2012.
6. Культура сервиса и качество обслуживания в России: результаты исследования NEXTER Research – 2013. URL: <http://www.marketing.spb.ru/mr/services/service.htm>
7. Авакова Э.Б. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Управление персоналом: Ученые записки. Кн. 8. СПб., 2010.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

D.V. Akaev
Book Review: CSE's White Paper
on Promoting Integrity in Scientific
Journal Publications. – Yekaterinburg:
Ural University Press, 2016. – 132pp.

Д.В. Акаев

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Белая книга Совета
научных редакторов
о соблюдении принципов
целостности публикаций
в научных журналах. —
Екатеринбург:
Издательство Уральского
университета, 2016. — 132 с.**

Первое знакомство с изданием произошло в рамках участия в 5-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня — 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций». Мероприятие прошло с 17 по 20 мая 2016 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

Издание послужило отправной точкой и в то же время путеводным маяком в процессе обсуждения различных аспектов публикационной этики. «Белая книга Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах» представляет собой перевод на русский язык экспертного доклада Совета научных редакторов по поддержке принци-

пов добросовестности в журнальных научных публикациях. К сожалению, в России до последнего времени не уделялось должного внимания как указанным принципам, так и интеграции в мировое публикационное пространство научной периодики. Это во многом и предвосхитило участие большого количества компетентных иностранных делегатов в названной конференции. Особенно яркими стали выступления Карима Мурджи (Открытый университет Великобритании, редактор журнала «Sociology» и рецензент еще тридцати журналов издательства Sage) и Карен Холланд (главный редактор журнала «Nurse Education in Practice» издательства Elsevier и эксперт CSAB Scopus), которые поделились с участниками своими знаниями и опытом и дали ценные рекомендации по организации процессов редактирования и рецензирования при подготовке журналов.

Возвращаясь непосредственно к изданию, отметим его прикладной характер. Основное внимание сосредоточено на функциях и сфере ответственности участников издательского процесса (редакторов, авторов, рецензентов, спонсоров и издателей), а также на выявлении недобросовестного поведения исследователей и рекомендациях по борьбе с ним для редакторов. Целью публикации «Белой книги», по мнению авторов, является открытие диалога по этике издательской деятельности, а также обеспечение условий для информированного принятия решений редакторами.

Предваряет содержательную часть «Предисловие к русскому изданию», написанное известным исследователем, членом Президиума Европейской ассоциации научных редакторов А.Ю. Гаспаряном. Он кратко характеризовал роль международных редакторских ассоциаций в повышении качества научных изданий и предотвращении случаев нарушений исследовательской и публикационной этики. Далее А.Ю. Гаспарян предполагает, что знакомство с русской версией издания «даст толчок коренному пересмотру инструкций для авторов и существенному изменению с переходом на новый качественный уровень редакционной политики журнала на всем русскоязычном (евразийском) пространстве» (с. 8). Затем отмечается, что «ознакомление с этическими принципами авторства и декларации конфликта интересов позволит русскоязычным специалистам внедрить в своих журналах соответствующие адаптированные подходы и повысить как индексируемость, так и глобальную значимость своих журналов» (с. 9). Этим еще раз подчеркивается необходимость вовлечения российских журналов в индексируемые базы данных, в том числе Scopus и Web of Science, и в целом популяризации научных достижений соотечественников в мировом информационном пространстве. Не менее важным стало обращение А.Ю. Гаспаряна к проблеме скрытых манипуляций с цитированием, упущений с верификацией списков литературы и других форм проявления недобросовестности научных публикаций. Действительно, при всей доступности и универсальности наукометрических показателей журналов в последнее время на повестке дня остро встал вопрос манипуляции с импакт-факторами. «Появились и расцвели агенты, агентства, журналы и издательства, которые своей “хищнической” активностью навредили целым научным коллективам и даже странам» (с. 10). Причем, как верно подмечает автор,

указанные проблемы характерны и для англоязычного, и для русскоязычного сегмента журнальных публикаций. Таким образом, Предисловие не только стало прологом к описываемому изданию, но и в более широком масштабе определило коренные проблемы публикационной этики и отчасти наметило способы преодоления негативных тенденций.

Во введении авторы приглашают к диалогу «по этике издательской деятельности, информированию всех тех, кто вовлечен в издательский процесс, а также обеспечению условий для информированного принятия решения редакторами» (с. 11). Совет научных редакторов и входящий в него комитет по научной политике зарекомендовали себя в качестве пионеров по проблемам публикационной этики, и их наработки могут быть полезны для авторов всех сфер научных знаний и издательских коллективов.

В главе «Функции и сфера ответственности участников издательского дела» авторы детально рассматривают деятельность акторов, вовлеченных в процесс создания периодического издания. Так, ключевой фигурой редакции признается главный редактор, наделяемый полной ответственностью за принятие редакторских решений по каждой рукописи (с. 22). Его связь с учредителем и штатом сотрудников должна быть максимально прозрачной, что поможет предотвратить вероятные конфликты интересов. В этом же параграфе упоминается о необходимости соблюдения редакторами своевременности процесса опубликования рукописи и обязанности редактора обеспечить оперативные ответы и принимать решения по всем вопросам, связанным с работой журнала, включая ответы на запросы авторов (с. 31).

По опыту работы редакции научного журнала «Вестник Поволжского института управления», отметим своевременность и открытость работы как приоритетные — так авторы всегда знают, на каком этапе находится рукопись и каковы сроки выхода журнала с их материалом. К сожалению, до сих пор это не стало визитной карточкой многих российских журналов — авторы без протекции зачастую остаются в полном неведении о судьбе своих рукописей.

Не менее подробно составители издания освещают проблему авторства и сферы ответственности авторов. После описания возможных моделей участия в создании публикаций (гостевое, почетное, невидимое, анонимное, коллективное авторства), делается вывод об их неприемлемости в научных кругах. Со своей стороны поддерживаем этот тезис, определив для себя приоритетом индивидуальное авторство либо авторство двух ученых, занимающихся совместными изысканиями. Стоит признать, что большое количество соавторов статей гуманитарной тематики, как правило, свидетельствует не о реальном количестве участников исследования, а лишь о желании «засветиться» в качестве соавторов, представителей одной научной школы либо «спонсоров» статьи.

Функции и сфера ответственности рецензента также подробно рассмотрены в издании. Неоспоримо, что «количество публикуемых научных статей ежегодно растет, качество рецензирования и качество редакционной коллегии оказывают первостепенное влияние на репутацию журнала, импакт-фактор и положение в тематической области» (с. 55). Особое внимание уделяется принципам выбора рецензентов, этическим обязанностям рецензентов, ано-

нимности рецензентов и возможному вознаграждению их деятельности.

Далее в издании анализируются практики взаимодействия редакторов, спонсоров и владельцев (в нашем случае — учредителей) журналов и обязательства по отношению к средствам массовой информации. Для российского читателя и сотрудника эта информация носит скорее познавательный характер, так как указанные практики существенно отличаются от российской действительности и в настоящее время не могут служить руководством к действию.

Последняя глава издания посвящена выявлению недобросовестного поведения исследователей, в частности ненадлежащего обращения с объектами исследования, фальсификации и фабрикация данных, пиратства и плагиата. С этими явлениями знакомы редакции большинства журналов, и хотя российская система проверки текстов на уникальность «Антиплагиат» существует не первый год, время от времени в редакцию на рассмотрение поступают статьи с признаками заимствований. В лучшем случае авторы дублируют свои статьи, опубликованные в других журналах, и неопубликованные тексты диссертаций, в худшем — присваивают себе тексты других людей.

Авторы «Белой книги» не только обозначают проблему, но и занимаются поиском ее решения. Подробно рассматриваются европейские практики борьбы с недобросовестным поведением исследователей (Норвегия, Финляндия, Швеция, Польша, Хорватия, Дания и Великобритания), а также опыт других стран, в том числе Новой Зеландии, Австралии, Канады, Китая и Японии. Все описанные случаи свидетельствуют о том, что даже в развитых странах со сложившимися канонами научных публикаций существует и выходит на государственный уровень проблема издательской этики.

В заключительной части издания авторы описывают возможные ситуации с подозрительными рукописями (с. 101). Однозначного алгоритма действия предложить сложно, но ответы на поставленные вопросы «В каких случаях рукопись может вызывать сомнения?», «Кто может сообщить в журнал о подозрительной рукописи?», «Кого следует известить о сомнительной рукописи» и другие в целом могут оказать методическую помощь редакциям научной периодики.

Издание «Белая книга Совета научных редакторов о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах», безусловно, задумывалось как практическое пособие и настольная книга редактора. Однако при ее очевидной методической направленности просматривается и научный подход к осмыслению проблем публикационной этики. Оценивать вклад издания в процесс включения русскоязычных журналов в мировые базы цитирования и глобальное научное пространство преждевременно: на русский язык книга переведена недавно, и редакции не стремятся следовать зарубежным инструкциям. Тем не менее уже сегодня можно отметить неподдельный интерес научной общественности, издательского менеджмента и органов власти к освещаемым в издании проблемам. Безусловно, книга будет полезна редакторам, рецензентам, авторам и издателям. Основные ее положения могут быть использованы в качестве руководства при усовершенствовании инструкций для авторов и разработке редакционной политики журналов.

O.Yu. Abakumov
All-Russia Research-to-Practice
Conference "Territorial Strategic
Development Management"
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
January 29, 2016)

О.Ю. Абакумов

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«УПРАВЛЕНИЕ
СТРАТЕГИЧЕСКИМ
РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИЙ»
(г. Саратов,
Поволжский институт
управления имени
П.А. Столыпина — филиал
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской
Федерации, 29 января 2016 г.)**

В конце января 2016 г. В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина — филиале РАНХиГС состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, которая проводилась совместно с министерством экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области, министерством по делам территориальных образований Саратовской области и Центром психолого-экономических исследований Саратовского научного центра Российской академии наук.

Открывший конференцию пленарным докладом министр экономического развития и инвестиционной политики Саратовской области В.А. Пожаров отметил, что два последних года были достаточно напряженными для всей российской экономики. Страна фактически вошла в новый и чрезвычайно сложный этап экономического развития, который кардинально отличается от предшествующего десятилетия. Пожаров привел слова Президента В.В. Путина

о необходимости в этих реалиях «в полной мере использовать сегодняшние благоприятные возможности, которых завтра может уже и не быть». Докладчик подчеркнул, что теперь возникла объективная необходимость переосмысления альтернативных моделей социально-экономического развития, поиска новых подходов к государственному управлению с глобальной переработкой действующих стратегических документов при условии соблюдения принципа преемственности.

Докладывая, что сделано в Саратовской области к настоящему времени, В.А. Пожаров сказал: «В прошлом году полностью сформирована правовая база стратегического планирования регионального уровня. Обеспечены механизмы обратной связи с наукой, бизнес-сообществом, общественными организациями и гражданами. Основной особенностью разработки новой Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 г. стало масштабное участие в ней «народных экспертов» и в формате постоянно действующей рабочей группы, и в рамках созданной специальной страницы на сайте Правительства, предусматривающей как поэтапное информирование о результатах работы и анонсах мероприятий, так и обратную связь. По мнению министра, в ситуации высокой экономической неопределенности решение вопроса сбалансированного социально-экономического развития региона возможно только при наличии четкой постановки тактических и стратегических задач. Формирования ясных опорных ориентиров, видения будущего со стороны власти повышает уверенность граждан и экономических субъектов в завтрашнем дне.

Отвечая на вопросы участников конференции, В.А. Пожаров пояснил, что при определении стратегических приоритетов и для формирования самой модели развития было проведено исследование положения дел в Саратовской области на основе методики академика РАН С.Ю. Глазьева, связанной с «оценкой предельно критических показателей состояния российского общества и их использования в управлении социально-экономическим развитием». Министр призвал всех ученых принять непосредственное участие в формировании областной Стратегии — 2030.

Доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики Российской академии наук О.С. Сухарев проанализировал экономическую стратегию и тактику российского правительства. Говоря о стратегии развития применительно к любой хозяйственной системе, он подчеркнул важность критерия эффективности развития, принципов и элементов системы стратегического развития. При этом под стратегией развития, по его мнению, целесообразно понимать последовательность этапов, имеющих количественное и качественное выражение, движение к перспективной цели (совокупности целей) на относительно продолжительном отрезке времени. Иными словами, стратегия развития есть атрибут эволюции современной экономической системы.

Переходя к оценке компонентов системы, О.С. Сухарев отметил, что структурный дисбаланс бюджетных расходов и доходов напрямую угрожает национальной безопасности России, даже если он будет зафиксирован и не будет

ухудшаться. По его мнению, неэффективная бюджетная политика тормозит экономический рост, действует в направлении необоснованной денежно-кредитной политики, обостряет социальные проблемы, дестимулируя важнейшие социальные функции и развитие. В связи с этим необходимо монетизировать бюджет, изменить налоговую политику, введя прогрессивную шкалу, усилить налогообложение природно-ресурсной ренты в пользу бюджета и обоснованные направления канализации финансов через бюджет, ввести целевые счета по инфраструктурным проектам и задачи в государственной промышленности (ОПК), используя систему Казначейства и т.д. По мнению О.С. Сухарева, монетарная политика денежных властей России является неэффективной, не способствует экономическому росту и углубляет спад 2015 г., а возможно, и 2016 г. Рост денежной массы в большей степени стимулирует ВВП, нежели повышение уровня цен, более того, положительный прирост денежной массы в России способствовал снижению уровня цен.

О.С. Сухарев считает, что в настоящее время имеются все теоретические и эмпирические основания для решения задачи перераспределения ресурсов от финансового сектора России в пользу обрабатывающих секторов, что потребует специальных мер макроэкономической (денежной и финансовой) политики. Отметив, что для каждой экономики ситуация индивидуальна, докладчик подчеркнул: монетизация для России не представляет собой угрозы развертывания инфляции, если будет введена система действий по блокаде спекуляций и по свертыванию режима дестабилизации валютного рынка; принята обоснованная схема планомерной монетизации с подбором инструментов, направленных на ликвидацию структурного перекоса российской экономики с синхронизацией мер промышленной и финансовой политики; будет ликвидирован источник инфляции, связанный с девальвацией и запуском «импортированной инфляции».

Доклад доктора экономических наук, директора Центра психолого-экономических исследований А.Н. Неверова касался сценарных условий социально-экономического развития Саратовской области на период до 2030 г. Анализируя положение России по отношению к динамике других экономик мира с 2009 г., докладчик подчеркнул, что наша страна находится в периоде исчерпания модели экономического роста, совпавшем по времени со структурным кризисом мировой экономики. Обращает на себя внимание значительно более высокая волатильность экономического роста в Российской Федерации. Россия в данный период смогла отыграть потери от спада в 2009 г., но в условиях общей структурной перестройки и исчерпания потенциала экономического роста за счет своего положения в международной торговле с 2012 г. начала демонстрировать тенденцию к вступлению в рецессию, и переломить эту тенденцию пока не удалось.

Проведенные ЦПЭИ СИН РАН исследования показывают относительно низкие темпы прироста производительности труда в России, что тормозит эффективное стимулирование совокупного спроса, ограничивает возможности по повышению реальных доходов населения и выступает одним из факторов, детерминирующих высокие темпы инфляции.

А.Н. Неверов критикует точку зрения, согласно которой «неоправданный» рост денежных доходов населения создает излишнюю инфляционную нагрузку на экономику, в том числе может вызвать форсированный рост потребительских цен. По его мнению, причиной кризиса российской экономики выступает рассогласование темпов роста в добывающих и обрабатывающих отраслях, что, в свою очередь, еще раз показывает сырьевой характер российской экономики. Кроме того, в нашей стране в 2013 г. была самая высокая доля налогов в ВВП при одной из самых низких долей валовой прибыли и валового смешанного дохода, что обусловлено наличием Резервного фонда и Фонда национального благосостояния и перераспределением рентных доходов корпораций на оплату труда. А.Н. Неверов полагает, что для создания стимулов инновационной и инвестиционной активности целесообразен курс на повышение внутреннего платежеспособного спроса через осуществление масштабных инвестиционных проектов в инфраструктурном и научно-технологическом секторах экономики, инициированных федеральным центром за счет повышения уровня монетизации национальной экономики.

Докладчик предупредил о том, что существенное высвобождение рабочей силы может выступить фактором запуска негативных экономических ожиданий и стимулом для дестабилизации внутренней социально-экономической ситуации. В связи с этим развилка сценарных условий детерминирована степенью и уровнем реализации мер по структурному обновлению экономики, а ведущим фактором экономического роста в среднесрочной перспективе являются динамика структурных преобразований экономики, уровень генерации новых производственных цепочек и цепочек добавленной стоимости.

А.Н. Неверов указал основные лимитирующие факторы экономического роста. В их числе: низкий уровень государственного управления, недостаток квалификации и инновационного потенциала управленческого звена, слабая мотивация бизнес-сообщества на генерацию цепочек высокого технологического уровня, низкая квалификация рабочей силы. По мнению докладчика, для расчета и корректировки сценарных условий необходима разработка отечественной методики мониторинга ожиданий экономических агентов, а не использование американской методологии опережающих индикаторов экономического развития, являющейся нередко производными от информации СМИ и общей макроэкономической ситуации.

Второй блок проблем, поднятых на конференции, касался непосредственно вопросов управления развитием территорий.

Л.П. Жуковская, председатель Ассоциации «Совет муниципальных образований Саратовской области» выступила с докладом «Развитие кадрового потенциала органов местного самоуправления как фактор стратегического управления муниципальным образованием». Она отметила, что эффективность государственного и муниципального управления определяется тем, насколько эффективна власть на первичном, низовом уровне — в муниципальном образовании. Эффективность этой работы определяется в том числе и качеством профессиональной подготовки сотрудников органов местного самоуправления, имеющих навыки по решению сложнейших проблем развития отдельно взя-

той территории. Докладчик привела сведения об образовательном уровне служащих и депутатов. Высшее образование имеют в целом по районам области 72% муниципальных служащих; среди депутатов представительных органов муниципальных образований области — 61,92 %; среди глав местных администраций области — 96,2% от общего числа глав местных администраций.

А.П. Жуковская считает, что основным фактором обеспечения развития любого муниципального образования является повышение уровня образования и профессиональной подготовки кадров через систему дополнительного профессионального образования работников органов местного самоуправления и построение действенной системы работы с резервом, включающей подготовку, а также дальнейшее привлечение в систему государственного и муниципального управления, особенно на руководящие должности, наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных представителей резерва. Практические шаги для реализации поставленных задач уже сделаны. Так, в 2014 г. Ассоциацией «Совет муниципальных образований Саратовской области» совместно с заинтересованными ведомствами проведена работа по формированию муниципального управленческого резерва Саратовской области, в который вошли 58 руководителей органов местного самоуправления; 41 из них прошел обучение в рамках Школы муниципального управленческого резерва.

А.П. Жуковская отметила, что активную поддержку проектной деятельности, методическое сопровождение на всех стадиях реализации проекта оказали преподаватели Поволжского института управления имени П.А. Столыпина. Ассоциация ставит теперь перед собой задачу организацию подобной работы с категорией молодых муниципальных служащих, которые формируют молодежный муниципальный резерв.

Первый заместитель министра по делам территориальных образований Саратовской области кандидат экономических наук Зюзин Сергей Юрьевич в докладе «Совершенствование разграничения полномочий между уровнями публичной власти» обратил внимание на то, что непрерывные изменения законодательства в сфере местного самоуправления ставят и органы государственной власти регионов, и органы местного самоуправления перед задачей постоянного совершенствования своих правовых актов. 2016 г. начался с «юбилея» для органов местного самоуправления: вступила в силу 100-я редакция Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В то же время законодательная активность, повышенное внимание к вопросам местного самоуправления со стороны федеральной власти свидетельствуют о понимании важности этого уровня публичной власти в развитии государства.

По мнению С.Ю. Зюзина, ранее действовавшие редакции Закона существенно ограничивали возможность влияния региональной власти на развитие местного самоуправления. Фактически вся структура местной власти отдавалась на откуп непосредственно муниципалитетам. В новой редакции возрастает роль органов государственной власти субъектов РФ на определение наиболее существенных для развития муниципалитетов аспектов. Вместе с тем было

отмечено, что активно вносимые в законодательство изменения, отсутствие стабильного разграничения полномочий между уровнями публичной власти приводят к невозможности как для муниципалитетов, так и для регионов планировать развитие не только на стратегическую, но даже на краткосрочную перспективу. Ярким примером в данной ситуации является разграничение полномочий в сфере дорожной деятельности на территориях сельских поселений. С.Ю. Зюзин считает, что в сложившейся ситуации рациональнее было бы не менять законодательство, по крайней мере в части разграничения полномочий и доходных источников между уровнями власти несколько раз в год, а дать возможность органам государственной власти регионов и муниципалитетам поработать в условиях стабильной законодательной базы, и только после наработки определенного опыта (например, в межбюджетных отношениях таким периодом считаются три года). Лишь после этого можно делать выводы о необходимости преобразований.

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в девяти секциях. Дискуссии шли на круглых столах: «Механизмы обеспечения устойчивого развития муниципальных образований», «Стратегия Саратовской области — 2030: сценарий и решение», «Социокультурные и лингвокоммуникативные аспекты управления стратегическим развитием региона». В работе конференции приняли участие преподаватели и научные сотрудники Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, Института экономики Российской академии наук (г. Москва), Иркутского государственного университета путей сообщения, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Саратовского медицинского университета «РЕАВИЗ», Саратовского института сельской гигиены, Института аграрных проблем аграрно-промышленного комплекса Российской академии наук, представители администраций Саратовского, Энгельсского, Аткарского, Татищевского Марковского муниципальных районов. Всего на конференции представлено более 170 докладов.

По материалам конференции издан сборник научных статей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич — кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: abakumovou@mail.ru

Абдуллохон Лутфия Абдуллохон — кандидат педагогических наук, ректор Института государственного управления при Президенте Республики Таджикистан
e-mail: info@ahd.tj

Акаев Дмитрий Валерьевич — кандидат социологических наук, Председатель Совета молодых ученых и специалистов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: d_akaev@mail.ru

Аношкин Петр Павлович — старший преподаватель кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова
e-mail: anoshkinpp@mail.ru

Афони́на Екатерина Владимировна — аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: kat1850@mail.ru

Борисов Александр Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Вильямович Анастасия Владимировна — аспирант кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
e-mail: 3108007@gmail.com

Габриелян Арус Манвеловна — аспирант кафедры политических наук и международных отношений Таврической Академии Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)
e-mail: arusia@bk.ru

Грачёва Ольга Алексеевна — преподаватель кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Саратовской государственной юридической академии
e-mail: Letsik91@mail.ru

Долгов Виктор Михайлович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Зайцева Ирина Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина
e-mail: zaitsevairin@mail.ru

Колмыкова Марина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета
e-mail: mari_kol@mail.ru

Корнилова Светлана Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела **организационного обеспечения**, Департамент дорожного хозяйства Приморского края
e-mail: kornilova.sv001@gmail.com

Лаврентьев Дмитрий Сергеевич — адъюнкт, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: lavdima@mail.ru

Лучков Николай Андреевич — кандидат социологических наук, профессор кафедры корпоративной экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Медведева Наталия Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета (Москва)
e-mail: nmedvedeva1984@mail.ru

Минькеев Очир Дмитриевич — аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права факультета управления и права Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова, эксперт-консультант контрольно-правового управления Аппарата Правительства Республики Калмыкия
e-mail: ochir91@mail.ru

Морковская Кристина Сергеевна — аспирант кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, старший юрисконсульт Центра Правовых Технологий «ЮРКОМ»
e-mail: kristink-m@yandex.ru

Нефёдов Дмитрий Владимирович — аспирант кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ndv.professional@gmail.com

Пожидаева Мария Андреевна — аспирант кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: pozh-mariya@yandex.ru

Потехина Екатерина Вячеславовна — магистрант кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: katepotehina@bk.ru

Рыбакова Светлана Сергеевна — соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ribakova@piuis.ru

Саморуков Анатолий Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета
e-mail: 57samor@mail.ru

Селиверстова Надежда Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Оренбургского государственного университета
e-mail: dina-voda@mail.ru

Семенов Владимир Васильевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: semenov54@mail.ru

Семенов Николай Владимирович — кандидат политических наук, начальник отдела социально-политического анализа и мониторинга Комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области
e-mail: semenownw@mail.ru

Серебрякова Зинаида Олеговна — аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного аэрокосмического университета имени академика Королева
e-mail: zserebryakova@yandex.ru

Синельникова Татьяна Викторовна — адъюнкт Самарского юридического института федеральной службы исполнения наказаний
e-mail: sinelnikovatv@mail.ru

Столярова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института федеральной службы исполнения наказаний
e-mail: polya_9898@mail.ru

Федорова Анна Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Хорольцева Елена Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: horolceva-e@mail.ru

Шиманская Ирина Юрьевна — аспирант кафедры менеджмента и административного управления Российского государственного социального университета (Москва)
e-mail: shimanskaya_iu@mail.ru

Яковлев Лев Сергеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: lionel1801@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov — Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific-Organizational Department, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Lutfiya Abdukholik Abdulkholikzoda — Candidate of Sciences (Pedagogies), Rector of the Public Administration Institute under the President of the Republic of Tajikistan

e-mail: info@ahd.tj

Dmitry Valerievich Akaev — Candidate of Sciences (Sociology), Chairman of the Young Scientists and Professionals Council, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: d_akaev@mail.ru

Pyotr Pavlovich Anoshkin — senior lecturer of the Philosophy Chair, Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

e-mail: anoshkinpp@mail.ru

Ekaterina Vladimirovna Afonina — post-graduate student of the Financial, Banking and Customs Law Chair, Saratov State Academy of Law

e-mail: kat1850@mail.ru

Aleksandr Sergeevich Borisov — Candidate of Sciences (Law), Docent of the Theory and History of the State and Law Chair, Orel Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Anastasia Vladimirovna Viliyamovich — post-graduate student of the Personnel Management Chair, St. Petersburg State University of Economics

e-mail: 3108007@gmail.com

Arus Manvelovna Gabrielyan — post-graduate student of the Political Science and International Relations Chair, Tavrida Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky (Simferopol)

e-mail: arusia@bk.ru

152   2016 ● № 3 (54)

Olga Alekseevna Gracheva — lecturer of the Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Organization Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: Letsik91@mail.ru

Viktor Mikhailovich Dolgov — Doctor of Sciences (History), Head of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: TVDB2008@yandex.ru

Irina Aleksandrovna Zaytseva — Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Philosophy and Social Sciences Chair, Yelets State University named after I.A. Bunin
e-mail: zaitsevairin@mail.ru

Marina Aleksandrovna Kolmykova — Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Public Administration Chair, Orenburg State University
e-mail: mari_kol@mail.ru

Svetlana Vasilievna Kornilova — Candidate of Sciences (Sociology), Docent, Head of the Department of Organizational Support, Department of Road Economy of Primorsky Krai
e-mail: kornilova.sv001@gmail.com

Dmitry Sergeevich Lavrentiev — post-graduate student, lecturer of the Humanities and Social Sciences Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: lavdima@mail.ru

Nikolay Andreevich Luchkov — Candidate of Sciences (Sociology), Professor of the Corporate Economy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Natalia Vladimirovna Medvedeva — Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Management and Administration Chair, Russian State Social University (Moscow)
e-mail: nmedvedeva1984@mail.ru

Ochir Dmitrievich Minkeev — post-graduate student of the Civil and Business Law Chair at the Department of Management and Law, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, expert consultant of the Control and Legal Department of the Office of the Government of the Republic of Kalmykia
e-mail: ochir91@mail.ru

Kristina Sergeevna Morkovskaya — post-graduate student of the Civil Procedure Chair, Saratov State Academy of Law, senior law adviser at the "YURKOM" Legal Technologies Center (Saratov)
e-mail: kristink-m@yandex.ru

Dmitry Vladimirovich Nefedov — post-graduate student of the Political Sciences and Technologies Chair, Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ndv.professional@gmail.com

Maria Andreevna Pozhidaeva — post-graduate student of the Public Administration Chair, Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: pozh-mariya@yandex.ru

Ekaterina Vyacheslavovna Potekhina — master student of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: katepotekhina@bk.ru

Svetlana Sergeevna Rybakova — competitor of the Political Science Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ribakova@piuis.ru

Anatoly Aleksandrovich Samorukov — Candidate of Sciences (Pedagogies), Docent of the Public Administration Chair, Orenburg State University
e-mail: 57samor@mail.ru

Nadezhda Igorevna Seliverstova — Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Public Administration Chair, Orenburg State University
e-mail: dina-voda@mail.ru

Vladimir Vasilievich Semenov — Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: semenov54@mail.ru

Nikolai Vladimirovich Semenov — Candidate of Sciences (Politics), Head of the Social and Political Analysis and Monitoring Department of the Public Relations and National Policy Committee of the Saratov Region
e-mail: semenownw@mail.ru

Zinaida Olegovna Serebryakova — post-graduate student of the Sociological and Marketing Survey Methodology Chair, Samara State Aerospace University named after Academician Korolyov
e-mail: zserebryakova@yandex.ru

Tatiana Viktorovna Sinelnikova — post-graduate student of the Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia
e-mail: sinelnikovatv@mail.ru

Natalya Viktorovna Stolyarova — Candidate of Sciences (History), Deputy Head of the Theory and History of State and Law Chair, Samara Institute of Law of the Federal Penitentiary Service of Russia
e-mail: polya_9898@mail.ru

154   2016 ● № 3 (54)

Anna Valerievna Fedorova — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Elena Borisovna Khoroltseva — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: horolceva-e@mail.ru

Irina Yurevna Shimanskaya — post-graduate student of the Management and Administration Chair, Russian State Social University (Moscow)

e-mail: shimanskaya_iu@mail.ru

Lev Sergeevich Yakovlev — Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: lionel1801@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Долгов В.М., Рыбакова С.С.

Парламентаризм и избирательный процесс в современной России 4

Семенов В.В., Семенов Н.В.

Развитие межнациональных отношений
в Саратовской области: политико-правовой анализ 11

Лаврентьев Д.С.

Социальная справедливость как ключевой элемент
политического ландшафта региона: практики и идеологии 17

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

23

Абдуллохикзода А.А.

Компетентностно-ориентированная модель реализации
социально-педагогической функции вуза в Республике Таджикистан 23

Габриелян А.М.

От американской модели глобализации
до европейской интернационализации:
взгляд на корпоративный университет
в контексте мировой образовательной политики 28

Корнилова С.В., Саморуков А.А.

Международное законодательство
о стандартах противодействия коррупции 33

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

40

Борисов А.С.

Участие граждан в федеральном правотворчестве 40

Афонина Е.В.

Бюджетно-правовые механизмы реализации социальной политики 46

Грачёва О.А.

Понятие и сущность прокурорской проверки
в досудебном производстве 51

156   2016 ● № 3 (54)

Морковская К.С.

Внедрение медиативных процедур
как средство повышения эффективности исполнительного производства..... 56

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

62

Зайцева И.А.

Формирование социального потенциала молодежи
как стратегический приоритет государственной
молодежной политики в условиях малого города..... 62

Колмыкова М.А., Селиверстова Н.И.

Социально-экономическая трактовка категории интереса
как основы общественного взаимодействия..... 69

Медведева Н.В., Шиманская И.Ю.

Практика общественного участия
в развитии социокультурной сферы: отечественный опыт..... 76

Столярова Н.В., Синельникова Т.В.

Фундаментальные цели организации труда осужденных
к лишению свободы в 1950–1960-х годах..... 83

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

89

Яковлев А.С., Потехина Е.В.

Инфотейнмент как стратегия структуризации
социокультурного пространства..... 89

Серебрякова З.О.

Проблема доверия современной журналистике:
надежда на деинституционализацию..... 96

Федорова А.В., Хорольцева Е.Б.

Риски рефлексивных коммуникаций в условиях кризиса..... 102

Лучков Н.А., Аношкин П.П.

Государство и политическое насилие
в философии политики Н.А. Бердяева..... 110

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

118

Нефёдов Д.В., Пожидаева М.А.

Патриотическая символика «мягкой силы» современной России
(на примере проекта «Русские знаки»)..... 118

Минькеев О.Д.

Особенности гражданско-правового регулирования
инвестиционной деятельности (на примере Республики Калмыкия)..... 127

Вильямович А.В.

Этика поведения в коллективе предприятия сферы услуг..... 132

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

138

Акаев Д.В.

Рецензия на книгу: Белая книга Совета научных редакторов
о соблюдении принципов целостности публикаций в научных журналах. —
Екатеринбург: Издательство Уральского университета,
2016. — 132 с. 138

Абакумов О.Ю.

Всероссийская научно-практическая конференция
«Управление стратегическим развитием территорий»
(г. Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
29 января 2016 г.) 142

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

148

158   2016 ● № 3 (54)

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Dolgov V.M., Rybakova S.S.

Parliamentarism and the Election Process in Contemporary Russia 4

Semenov V.V., Semenov N.V.

Interethnic Relations Development in the Saratov Region:

Political and Legal Analysis 11

Lavrentiev D.S.

Social Justice as a Key Element of Political Landscape

of a Region: Practices and Ideologies 17

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

23

Abdulkholikzoda L.

Competence-Based Model for the Implementation of Social-Pedagogical Functions

of Higher Educational Institutions in the Republic of Tajikistan 23

Gabriyelyan A.M.

From the American Model

of Globalization to European Internationalization: a Slant on the Corporate

University in the Context of the Global Educational Policy 28

Kornilov S.V., Samorukov A.A.

International Legislation on Corruption Counteraction Standards 33

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

40

Borisov A.S.

Citizen Participation in Federal Law-Making 40

Afonina E.V.

Budgetary and Legal Mechanisms for the Implementation of Social Policies 46

Gracheva O.A.

The Concept and the Essence of the Prosecutor's Check

in the Pretrial Proceedings 51

Morkovskaya K.S.

The Introduction of Mediation Procedures as a Means

to Improve the Efficiency of Enforcement Proceedings 56

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

62

Zaitseva I.A.

The Young Social Potential Formation
as a Strategic Priority of the State Youth Policy in Conditions of a Small Town 62

Kolmykova M.A., Seliverstova N.I.

Social and Economic Representation of the “Interest” as a Base of Social Interaction ... 69

Medvedeva N.V., Shimanskaya I.Yu.

Practice of public participation in the development
of the social and cultural services: domestic experience 76

Stolyarova N.V., Sinelnikova T.V.

Fundamental Purposes of Organizing Labor of Convicts Sentenced
to Imprisonment in 1950-1960s 83

PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

89

Yakovlev L.S., Potekbina E.V.

Infotainment as a Strategy of Structuration of Sociocultural Space 89

Serebryakova Z.O.

Problem of Journalism Trust at the Present Stage: Hope for Deinstitutionalization 96

Kborolceva E.B., Fedorova A.V.

Reflexive Communication Risks in Conditions of Crisis 102

Lucbkov N.A., Anosbkin P.P.

Political Violence and the State in Political Philosophy by N.A. Berdyaev 110

PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA: YOUNG SCIENTISTS' VIEW

118

Nefedov D.V., Pozhidaeva M.A.

Patriotic Symbols of the “Soft Power” in Contemporary Russia
(Case Study of the “Russian Signs” Project) 118

Minkeev O.D.

Features of Civil and Legal Regulation of Investment Activity
(Case Study of the Kalmyk Republic) 127

Viliyamovich A.V.

Ethical Behavior of Service Businesses Staff Members 132

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

138

Akaev D.V.

Book Review: CSE's White Paper on Promoting Integrity in Scientific Journal
Publications. — Yekaterinburg: Ural University Press, 2016. — 132pp. 138

Abakumov O.Yu.

All-Russia Research-to-Practice Conference “Territorial Strategic Development Management”
(Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, January 29, 2016) 142

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

152

160

2016 ● № 3 (54)

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 3 (54)

Редакторы *Т.П. Иванова, К.А. Титова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2016 г., п. № 971

Подписано к печати 27.06.2015 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 13,22. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 500. Заказ 603.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич
(8452) 65 35 77

vestnikpags@mail.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>